

Алексей Федотов

Синявин

Алексей Федотов

Синявин

«Издательские решения»

Федотов А.

Синявин / А. Федотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502909-6

Книга предназначена для широкого круга читателей. В ней повествуется о династии русских морских офицеров 18—19 веков. Молодому поколению необходимо помнить о тех людях, которые добывали славу нашему государству и первыми строили флот. В тяжелых условиях вели войну с турками, шведами, французами, англичанами. Результатом их усилий наша страна приросла Крымом, Таманью, землями на Кубани, на Дону, Днепре, Днестре.

ISBN 978-5-00-502909-6

© Федотов А.

© Издательские решения

Содержание

1. Братья Синявины: Илларион Акимович, Иван Акимович, Наум Акимович, Фёдор Акимович, Ульян Акимович, Борис Акимович	6
2. Алексей Наумович Синявин. Сергей Наумович Синявин. Иван Иванович Синявин. Николай Иванович Синявин. Флот во времена правления Елизаветы Петровны 1741—1761 год	86
3. Служба на флоте капитана 2 ранга Алексей Наумович Синявин во времена царствования Петра III	112
4. Капитана 1 ранга Алексей Синявин на флоте в период царствования Императрицы Екатерины Алексеевны. Строительство флота на Дону. «Архипелагская Экспедиция». Пелопонесское восстание. Восстановление Таганрога. Азовский флот. Русско-турецкая война 1768—1774года. Кючук-Кайнарджийский мир	123
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Синявин

Алексей Федотов

© Алексей Федотов, 2021

ISBN 978-5-0050-2909-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Братья Синявины: Илларион Акимович, Иван Акимович, Наум Акимович, Фёдор Акимович, Ульян Акимович, Борис Акимович

Уважаемый читатель прежде, чем я начну рассказ про нашего героя адмирала Алексея Наумовича Синявина, хочется сказать про его отца Наума Акимовича Синявина. Сюда, конечно, вплетается и история села Синявского, заложенного этим великим строителем и преобразователем. Хутор Синявка был основан в 1770 году русским человеком и основателем Азовского и Черноморского флота в период царствования Екатерины Великой.

В начальной главе попробую немного раскрыть тему про ближайших родственников адмирала. Отец Алексея Наум Акимович Синявин был видным деятелем времён перемен, соратник Петра Великого. Они вместе с 5 братьями Акимовичами расширяли границы страны, создавали флот, строили корабли, но также воздвигали северную столицу Санкт-Петербург. Синявины продолжили созидательную деятельность Петра и Екатерины. Всячески поддерживали борьбу русского народа и донских казаков за Азов и Таганрог.

Прадеду Алексея Наумовича *«Ивану Олехнова сына Сенявина»* в далёкий 7033 (1524) год **Великий Князь Владимирский, Московский и всея Руси Василий Иванович (Василий III)** пожаловал за заслуги перед отечеством в Боровском уезде *«... в Вепрее, деревнею Юровым, Фатовым, деревнею Онтоновым, деревнею Борисамохова, в прок ему и его детям»*. Жалованная Грамота была ветхою, но до 18 века хорошо сохранилась при ней красная сургучная печать с Государственным Гербом на шнурке и роспись Великого Князя. Ранее в 1514 году Иван получил вотчину в Смоленском наместничестве, принадлежащие его предку Алехне Сенявину, прибывшему в Россию на службу из Польши, села Хохуленково и Березцово.

Позже в 1691 году **Аким (Яким) Ивановичу Синявину** за заслуги в войне *«с Салтаном Турским и с Ханом Крымским со Ордами служил Отцу Нашему Алексею Михайловичу и Брату Нашему Феодору Алексевицу»* **Великие Государи Цари Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и Софья Алексеевна** пожаловали земли в том же Боровском уезде *«за промыслы и храбрость, в роды»* на вечно *«в Вепрейской волости две трети деревни Васисовой, на истоке на Колодезном пустоши Большой луг, половина пустоши Савинской, пустошь что ныне деревня Потрекеева, на речке на Хвалитке пустошь Лосево, пустошь Васнево, пустошь половина пустоши Баланиной, пустошь Фалитку, пустошь Роговку, пустошь Лунево, Милятино тож, да сенные покосы в пустоши Ждановке на берегу речки Вепрейки и меж болотов по бегу же, да в Ярославецком уезде в Суходровской волости пустошь, что была деревня Тимова, пустошь что была деревня Континская дано по полюбовному челобитью и по допросу вопче с племянником его родным Павлом Синявиным по прежнему владеть ему Акиму в поместье и на ту вотчину указали ему дати сию Нашу Царскую жалованную грамоту, за Нашею Царскою красной печатью в предбудущем рода его, что он за мужественное и храброе свое в воинских делах стояние сию Царскую милость получил и что бы впредь на его службы смотря, дети его и внучата и правнучата и кто по нему его роду будет»*. У Акима было ещё 4 брата: Афанасий, Дементий, Наум, Елисей. Их отец Иван Фёдорович вместе с братьями Василием Григорием и Матвеем получили вотчину от царя Михаила Фёдоровича в Боровском уезде. **Наум Акимович (Якимович) Синявин** поступил на службу в Преображенский полк в бомбардирскую роту 18-летним солдатом весной 1698 года. Затем за отличные успехи в стрельбе из пушки был переведён во флот матросом. Во втором Азовском походе находился на корабле *«Опон де Порт»* (Отворенные врата) в качестве бомбардира. Он почти везде сопровождал Петра. Вместе с ним первым стрелял из пушек по крепости Азов, а после провожал посла Украинцева от Азова к Крымским берегам и городу Керчи.

Наум Синявин родился примерно в 1680 году и был младше государя на восемь лет. Молодой царь Петр решил сделать из России новую страну и не щадил ни своих сил, ни чужих для достижения этой цели. Молодые дворяне были очень востребованы в те времена, привлекались к сложному процессу государственного преобразования. Его старшие братья Илларион Акимович, Иван Акимович, Фёдор Акимович, Ульян Акимович, Борис Акимович уже были задействованы в набиравшем обороты реформаторском механизме Петра. Например, Иван и Ульян Синявины молодые дворянские сыны вошли в составе **Великого посольства 1697 года**, отправились в Европу посмотреть другой мир, приобрести необходимые знания. Полковник Василий Николаевич Берх русский историк флота 18 века пишет: *«Почтенный Иван Акимович Синявин и младший брат его Наум Акимович, были первые Россияне, обучившиеся в России же науке мореплавания. Они так же первыми ходили матрозами на Голландском корабле»*.

Эта дипломатическая миссия в Западную Европу нужна была для расширения антитурецкой коалиции, а также для приглашения на службу России специалистов по морскому делу *«дабы то новое дело вечно утвердилось в России»*. В ранге первого посла в Европу был назначен адмирал Франц Лефорт со свитой из четырнадцати человек. Вторым послом значился начальник Посольского приказа Федор Головин; третьим послом был дьяк посольского приказа Петр Возницын. Молодой Царь Пётр был в посольстве как частное лицо под именем *«десятника второго десятка Петра Михайлова»*.

Шестеро братьев Синявиных росли и воспитывались в детстве вместе и параллельно с будущим императором Петром Великим. С этой фамилией в нашей истории напрямую связана честь и слава Российского флота как при Петре, так и позже. Выходцы из русской глубинки, вместе познавали азы корабельного мастерства, науку мореплавания. **Ульян Акимович Синявин** дослужился до звания генерал-майора и являлся директором при строительстве Санкт Петербурга. Другой брат **Иван Акимович Синявин** стал контр-адмиралом в Российском флоте и вошёл в историю как первый боцман у Петра I, позже ему было присвоено звание капитан, а затем Иван был назначен директором Адмиралтейской конторы в звании контр-адмирала. Иван Акимович был дважды ранен в боях. Стал кавалером боевых наград и любимцем монарха. Его сыновья: капитан-командор **Иван Иванович Синявин** позже был на Балтике, другой сын **Николай Иванович Синявин** стал вице-адмиралом и главным командором Кронштадтского порта. **Илларион Акимович Синявин** определён и послан в Сибирь. Он занимал должность воеводы в Нарыме (1695) и Кузнецке (1700). **Фёдор Акимович Синявин** помогал брату Ульяну при строительстве северной столицы в звании *«комиссара»*. **Борис Акимович** служил в армии и дослужился до полковника.

Здесь я вам немного расскажу, как в **июле 1699 года** Русская эскадра вместе с Петром Алексеевичем в составе 10 кораблей, 6 бригантин, 2 галер и 10 более мелких боевых единиц вошла в Азовское море. Официальная причина этого появления в водах, контролируемых Османской империей, была более чем уважительной. Наши корабли эскортировали 36-пушечный корабль *«Крепость»* под командованием капитана Памбурга, на борту которого находилось посольство, направляющееся для переговоров в Стамбул. **Наум Акимович Синявин** состоял матросом в экипаже 42-пушечного корабля *«Отворенные врата»*, которым под именем Петра Михайлова командовал сам царь. На личные качества Наума Синявина, его умелое обращение с такелажом и орудиями Петр обратил внимание еще раньше, что подтвердилось во время похода этого корабля в Керченском походе. Напомню читателю что летом этого года Думному дьяку **Емельяну Игнатьевичу Украинцеву** было поручено Государем вести переговоры о заключении мирного договора с турками. Готовясь к войне со Швецией, Петр I предписал Украинцеву заключить мир с Портой к новому 1700 году. Помимо *«Крепости»* и *«Отворённых врат»* в составе флотилии были другие суда. Кораблём *«Благое начало»* командовал вице-адмирал Корнелий Крюйс, *«Скорпион»* был под адмиралом Фёдором Головиным.

На корабле «Цвет войны» шаятбенахт Ян фон Рез, «Апостол Петр» капитан Фохт, «Сила» капитан Рокус Кин, «Безбоязнь» капитан Бекгам, «Соединение» капитан Меер, «Меркурий» капитан Валронт.

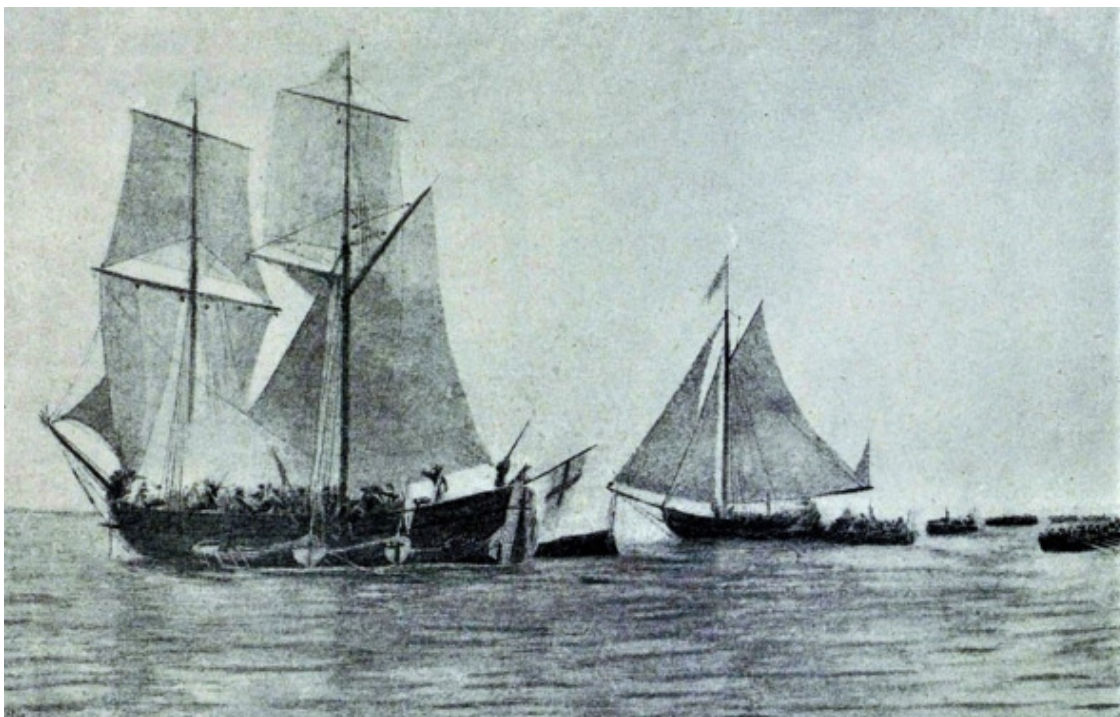
Основной посланник «Крепость» была в руках капитана Питер фон Памбурга. В добавок к крупным судам в составе русской эскадры было 2 галеры, 2 галиота, 3 бригантины и 4 казачьих струга на которых находилось 500 отборных казаков с атаманом Фролом Минаевым. Об этом походе можно читать в моей книге «Пётр» изданной в редакции «Ridero» и на сайте этой издательской системы. После того как Украинцев отбыл в Стамбул, и эскадра вернулась к Азову в начале сентября Пётр на летучей галере направился вверх по Дону к Воронежским верфям. В составе матросов галеры находился Наум Синявин. В Воронеже государь осматривал 14 новопостроенных корабля и, конечно, строящийся флагман линейный корабль «Предестинация».

С началом Северной войны с Швецией братья Синявины были непосредственными участниками этих событий. Например, Наум Акимович вместе с государем в 1702 году вёл огонь по крепости Нотенбург. Первым выстрелил «бомбардирский капитан Питер Алексеев» из мортир, а затем остальные батареи. Под Шлиссельбургом они в составе Русской армии штурмом берут шведскую крепость Ниеншанц. С приходом весны 1703 года, фельдмаршал Борис Петрович Шереметев прибыл с полками из-под Пскова к крепости Шлиссельбург и далее 23 апреля вдоль реки Невы к Ниеншанцу. Крепость лежала на правом берегу при впадении речки Охты. С трех сторон был незаконченный земляной вал, к которому подошли Семеновский, Преображенский, Бутырский полки и встали под его прикрытием. Гарнизон крепости Ниеншанц состоял из 600 человек, 75 пушек и 3 мортир. Наши привезли на барках водою 16 мортир, 48 пушек и разместили на возвышенности земляного вала. Именно Наум Синявин по указанию царя принимал непосредственное участие в размещении артиллерии.

На следующий день прибыл в войска сам Государь и с ним адмирал Федор Головин, думный дворянин Никита Зотов, кравчий Кирилл Нарышкин и другие люди. 28 апреля Петр Алексеевич «капитан бомбардирский» на 60 лодках с 7 ротами гвардейцев минуя крепость Ниеншанц под безвредной пушечной пальбой проплыл до Невского устья «для занятия его от неприятельского прихода с моря». 30 апреля 1703 года началась стрельба по крепости и продолжалась всю ночь до утра. Наум Синявин в этом сражении получил богатейший опыт по стрельбе из мортир и пушек. Далее шведы, поняв, что будут все уничтожены решили сдать крепость. В договоре о сдаче крепости говорилось что им дозволено взять «4 железные пушки, с развернутыми знаменами, с барабанным боем, с верхним и нижнем ружьем и с пулями во рту, отступить в Нарву». Пули во рту у солдат показывали, что они сдаются, но всегда готовы к дальнейшим сражениям. Нашим достались трофеи: 78 пушек, 800 бомб и 193 бочки пороха.

Этой же весной наши бойцы сумели захватить два шведских корабля в эскадре адмирала Лоренца Нумерса. Засада, оставленная Петром на острове Витсасари под командованием сержанта бомбардирской роты Преображенского полка Михаила Щепотьева, немедленно сообщила об этом царю. Шведы подошли к крепости Ниеншанц и встали на якоря. На разведку были отправлены 10 пушечный бот «Гедан» (Щука) и 8 пушечная шнява «Астрильд» (Звезда). При наступлении темноты они не успели войти в Неву и решили переждать до рассвета. Пётр и его поручик-денщик Александр Меншиков, разделив нападающих на 2 отряда и под покровом проливного дождя подошли к шведским кораблям на многовесельных лодках. Бомбардир-капитан Пётр Михайлов с 8 лодками на которых был Наум Синявин, обойдя шведов через деревню Кальюла (Калинкина) напали на противника с тыла. Меншиков напал от реки Фонтанки. Эскадра, увидев наши нападающие лодки открыла по ним огонь из пушек. Преображенцы налегая на вёсла миновав зону обстрела стремительно приблизились к судам и пошли на abordаж. Как говорил Пётр «свершилось небывалое» два военных шведских корабля на виду

эскадры противника были захвачены русскими бойцами. Пётр с топором и гранатой в руке один из первых залез на палубу «Астрели» за ним бежали преображенцы и два брата Иван и Наум Акимович Синявины.

Захват шведского бота «Гедан». Старинная гравюра 18 века.

С тех пор **23 летний Наум Синявин** почти всегда находился вблизи Государя. Вот цитата из письма к адмиралу Фёдору Апраксину: *«Понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи, только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с 8 лодок только в самом деле было. И сею, никогда бываемою викториею вашу милость поздравляю»*. В бою Наум Акимович был осмотрителен, распорядителен, внимателен и собран. В рукопашную бросался лишь тогда, когда видел, что исход боя теперь зависел лишь от храбрости и воинского мастерства каждого. Жилистый, быстрый, юркий, он виртуозно владел оружием. В его руках палаш, шпага и ружьё с байонетом были страшным оружием. Своим примером он воодушевлял моряков на подвиги. Уставший, потный, весь в своей и чужой крови, Наум был великолепен.

После побед над шведами был созван Воинский Совет по Ниеншанцу *«тот ли малый шанец вдалеке от моря крепить»* или искать новое более пригодное для строительства новой крепости. Несколько дней Государь Петр Алексеевич объезжал дельту реки Невы ища удобное место. На старых картах видно, что дельта Невы состояла из 10 островов, и в ней находилось 28 деревень, сел и мыз таких как: Спасское, Ньюенстад, Адицева, Ариска, Сябина, Сыврина, Враловщина, Паланеха, Кундуя, Первушина, Беркенгольм, Макура, Эйкие, Путтукс, Торка, Каллина, Рямана, Мернельсгольм и другие. Судя по названиям, здесь совместно жили русские люди, карелы, финны, шведы. Ранее это были земли Великого Новгорода под именем Водьской пятины. Государь Петр остановился на острове Люст-Элант (Веселый остров) по-шведски или Янни-саари (Заячий остров) по-фински. Большой остров Хирви-саари назван позже Васильевским островом, Койви-саари назван Петербургской стороной. Острова здесь были покрыты лесом и кустарником, низменные земли затоплялись водой, принесённой из моря с западным ветром.

16 мая 1703 года в день Святой Троицы была заложена новая шестибастионная крепость «*Санкт-Петербурх*». Ульян Синявин переведён сюда из Шлиссельбурга и возглавил организованную Канцелярию городских дел. Первый бастион из деревянных бревен сложен под руководством самого Государя. Позже «*болверки*» перестраивались в камень и построены «*2 казармы из земли камнем выведены*». Напротив, сооружен «*деревянный Домик Петра*» покрытый в виде черепицы деревянными дощечками «*с оконными рамами из свинцовых желобков и состоял из 2 комнат, разделенных сенями*». Здесь для строительства были оставлены 2 гвардейских полка генерала Репнина. В то же самое время продолжается активное устранение разрушений, нанесенных крепости Нотебург при ее взятии. К концу года были завершены только первоочередные инженерные работы. Дальнейшее осуществление работ требовало невероятных трудовых затрат и постоянного пополнения числа работников. Одним из главных строителей назначен **Ульян Акимович Синявин**.

В исторических документах впервые находим упоминание про Ульяна Акимовича: «... в своем отчете о работах глава Канцелярии городских дел У. А. Синявин сообщал Александру Меншикову поразительные цифры: из 2856 человек, согнанных в Шлиссельбург из Каргополя, Белоозера, Ржева, Олонца и других городов работало 1504, остальные болели или умерли». Вот ещё одна цитата из письма Александра Меншикова к олонецкому коменданту Ивану Яковлеву «... а работные люди пришли в 14 день и отпущены в Шлиссельбург к Ульяну Синявину к городскому строению». На Ульяна Синявина возложено было возведение укреплений и постройка кораблей на ближних и дальних верфях, он так же был и ответственным за снабжение Балтийского флота.

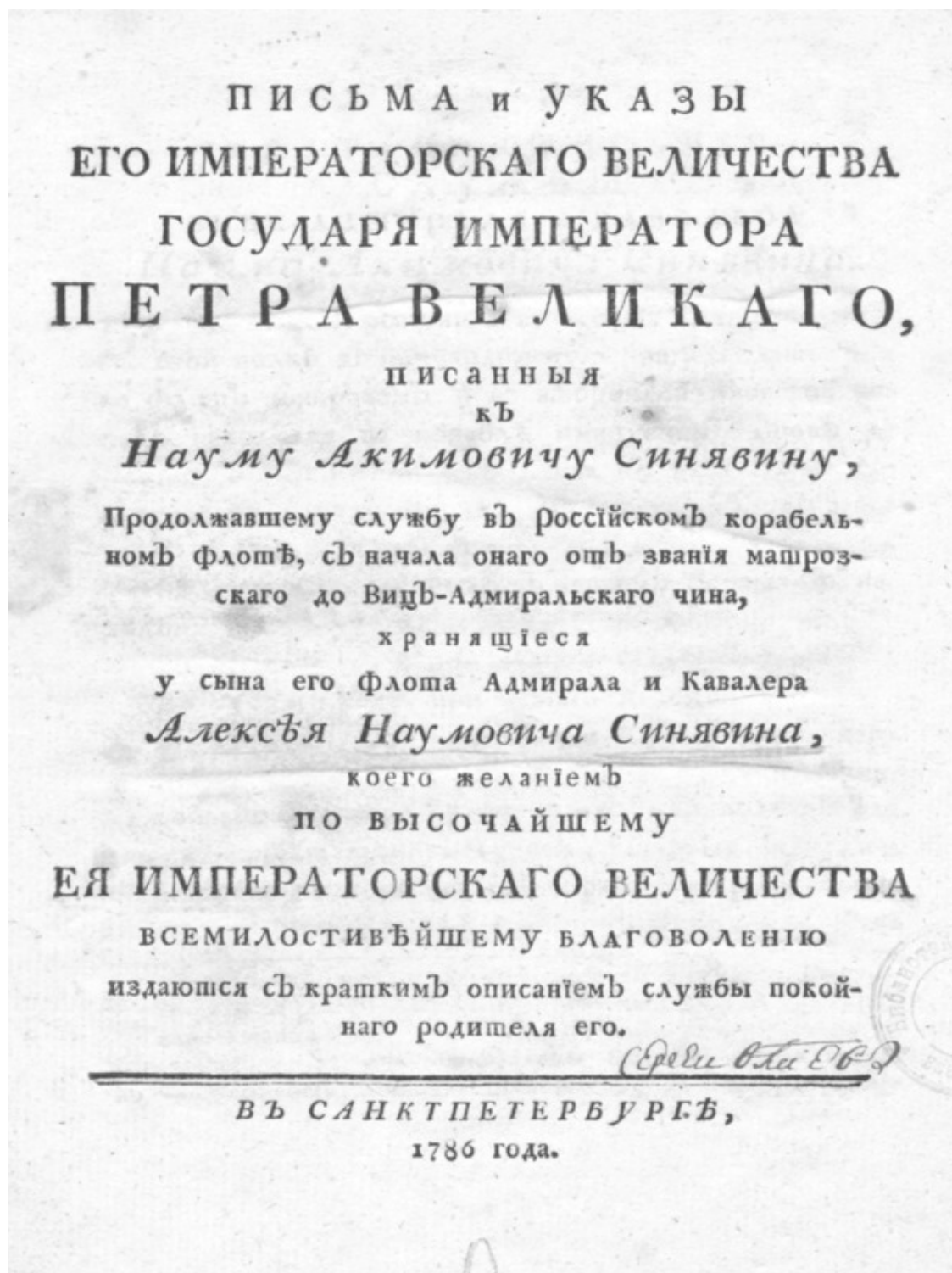
Самим Петром были предоставлены Ульяну Синявину самые широкие полномочия: «... что хочешь делай, но только побыстрее». Под началом Ульяна Синявина отстраивался не только Санкт-Петербург, но и Кронштадт. С участием Ульяна и Фёдора Синявиных в северной столице позже были построены шедевры архитектуры, такие как здание двенадцати коллегий, дворец Меншикова на Неве, летний дворец Петра, Петропавловский собор и Зимний дворец.

В документах переписки Меншикова находим письмо, где говорится о присылки на 43 пушечную яхту «*Штандарт*» нового бомбардира:

Василій Ржевскій А. Д. Меншикову, 12 апреля 1704 отъ Города (Архангельскаго): «По указу Государеву, бонбандерской роты солдатъ Наумъ Синявинъ присланъ былъ къ Городу для яхты, и та яхта со всеѣми припасы съ нимъ, государь, отпущена въ тожъ число».

Цитата из архивного документа князя Меншикова.

На Сяськой верви в это время командовал строительством кораблей другой брат **Иван Акимович Синявин**, который к тому времени вернулся или был выкуплен из турецкого плена. Он докладывал Государю Петру Алексеевичу о готовности 2 судов «... а один корабль снастим с безаном, а другой хотим делать с гафелем, как было на транспорте, для того, что корабли широки да коротки; из тех двух на ходу который лучше будет». Василий Берх так же упоминает про Ивана: «по делам 1704 года нашёл я, что Иван Акимович Синявин был боцманом и готовил такелаж для трёх новопостроенных транспортов. С жалованием 9 рублей в месяц, но не взирая на малый чин свой, был уже известен Государю и как Голиков говорит, пировал с Его Величеством у князя Меншикова на именинах и произведён в Порутчики».

Титульный лист собраний писем и указов из архива Синявиных.

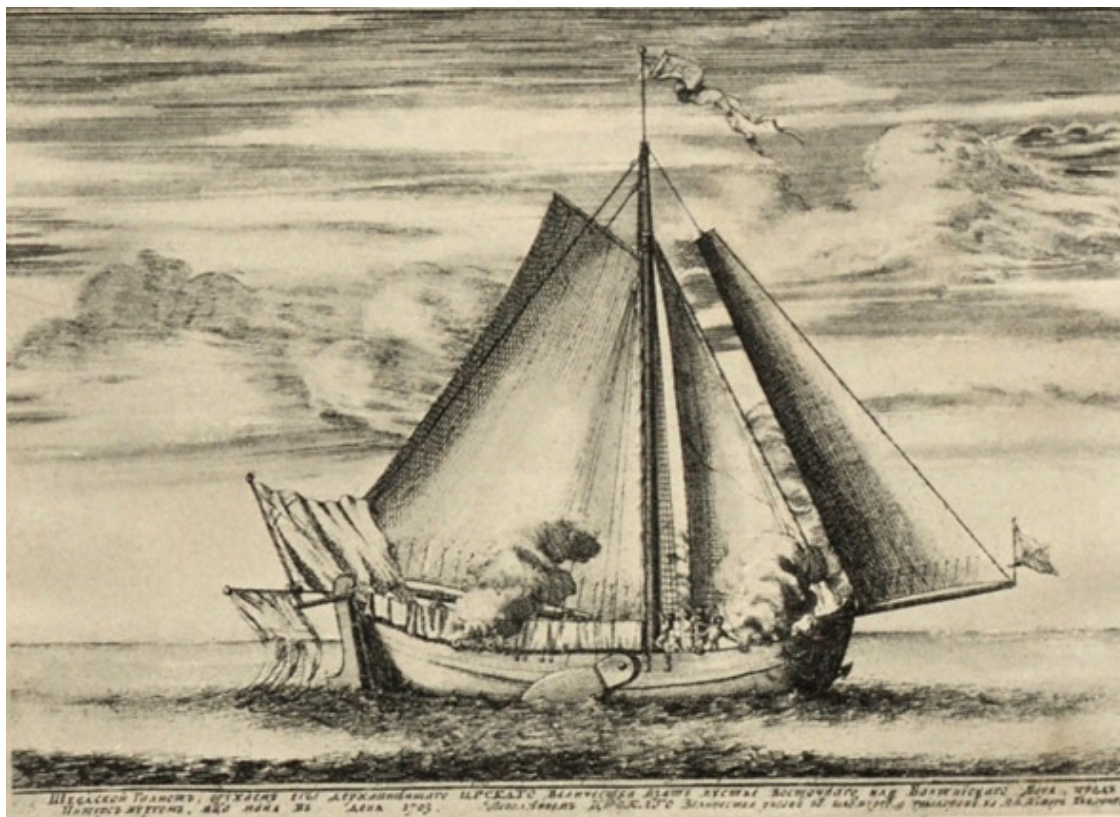
10 мая 1704 года Государь прибыл на Олонецкую верфь, где ему были приготовлены царские хоромы. Александр Меншиков пишет в письме Петру: «... и я те снасти для яхты послал с Наумом Синявиным». Тут надо довести до читателя ещё ряд документов того времени.

Сохранились письма Ульяна Синявина к Александру Меншикову из Нарвы датированные 11 июнем в котором он пишет: «...на селищком рядку судно по чертежам сделано, да 4 судна каковы деланы в Шлиссельбкрге, только каюты большие и приведены в Ладogu и осна-

щают, а как сделают то будут в С. Петербурге... да 10 судов на чем возят камень сделаны... лесу у судов дела еще будет судов на 20». В те времена фамилия Синявина писалась только через букву «и».

В письме от 29 июля 1704 года Ульян Синявин докладывает «...судно которое заложил Федосей Скляев отделано и от него я слышал, что лучше быть судну с 2 машинами... чтоб с Олонецкой верфи прислали машинового мастера, также парусы кому делать и оснастить». Мореходы Иван и Наум Акимовичи Синявины героически участвуют во всех боевых действиях русского флота. Наум вместе с Петром Первым ездит закладывать Русский флот в Воронеж, Ораниенбург, Азов, Таганрог. На титульном листе данного документа размещённого выше видим, что повсеместно фамилия Синявиных писалась через букву «и». Только позднее поколение пишется с литерой «е». Село Синявское в землях Войска Донского и сел Синявино у Санкт-Петербурга то же через «и». Не оставлял без внимания молодого дворянина царь и во время многочисленных сражений на Балтике. Государю вновь понадобились хорошие моряки, но уже на Балтийском море, где Россия обретала флот.

В 1705 году Иван Синявин был включен в состав экипажа шнявы «Мункер», которой нередко командовал сам царь. Однажды случилась атака шведских войск, и Иван Акимович попал в плен. Эти сведения я почерпал из письма Мещерского к Яковлеву в мае 1705 года в нём сказано: «...рекою от Шлиссельбурга не поволишь ехать, для того непрестанно неприятельские люд берут в полон, Ивана Синявина, Ипата Муханова, Степана Городничаго в полон взяли». Иван Синявин оснащал и ремонтировал шнявы и его захватили внезапным набегом шведы. Шли военные действия и у младшего брата Наума Синявина появилась возможность отомстить шведам за пленение брата и отличиться в морской баталии. В 1706 году с целью предотвращения угрозы строящемуся Санкт-Петербургу со стороны шведского Выборга было принято решение овладеть этим городом. Осенью началась его осада, организованная, впрочем, без должной подготовки. Тяжелая артиллерия увязла в грязи, снабжение войск оставалось неудовлетворительным. Шведский гарнизон, наоборот, получал все необходимое морем. Помешать этому русские не могли так как в их распоряжении были только лодки. В «подённых записках» Государя Императора Петра Великого в первой части на 148 странице написано было про нашего героя: «...октября 12 дня отправлены были Преображенского полка сержант Михайла Щепотьев, да бомбардир Антон Дубасов, да два от флота унтер офицер Скворцов, да **Наум Синявин** на малых наших лодках с 48 человек командированных солдат и гренадеров к торговым Шведским кораблям, которые тянулись от города в море; потом настал туман и скоро ночь наступила. Наши в темноте наехали на Адмиралтейский бот, зовомый **Есперн**, на котором было 5 шведских офицеров, 103 солдата и 4 пушки и его атаковали и взяли в плен побив большую часть шведов, а остальные ушли под палубу, где наши моряки их заперли. На помощь к шведам пришел другой бот на выручку, который наши из пушек со взятого бота отбили (точно стрелял Наум Синявин и Скворцов) и потом привели его к лагерю. На сем бою наших осталось в живых 18 человек и в том числе 4 раненых. Убито противника 73 человека, да живых взято в полон 23 человека солдат и трое женских персон. Тако сия неслыханная акция с великим мужеством учинена, ибо атаковали и взяли вдвое сильнее себя и в таких малых лодках. А из перечисленных 18 человек наших моряков, 4 раненных, да 5 которые легче ранены, так что могли помогать, а прочие поистине так тяжело были ранены, что с мертвыми лежали на палубе».

Шведский бот «Эсперн». Старинная гравюра 18 века.

В ходе осадных работ с берега был замечен шведский транспортный корабль. По инициативе сержанта Преображенского полка Михаила Щепотьева было решено захватить его, используя 10 вёсельные лодки. Ночью в октябре 1706 года 50 преображенца на пяти лодках вышли в залив.

Одной из лодок командовал **бомбардир Наум Синявин**. Наши после двухчасовой напряжённой гребле в ночи подошли к шведскому транспорту. Щепотьев дал команду атаковать ближайший. Началась ожесточенная абордажная схватка, в которой обе стороны понесли значительные потери. В итоге вооруженный четырьмя мелкокалиберными пушками бот «Эсперн» был взят на абордаж. Преображенцы числом 37 человек, включая Михаила Щепотьева, погибли. Потери шведов насчитывали более 70 человек. Гвардейцы не только захватили вражеский транспортный корабль, но и смогли после этого отбить нападение другого шведского бота, пришедшего на выручку «Эсперну». Сам Наум Синявин, показавший себя исключительно храбрым человеком, в этой схватке получил боевую рану «*в руку пулею на вылет*». После выздоровления он продолжил службу уже в звании боцман. Про этот бой сказано в другом документе «*Реляция партикулярного боя на море 1706 года*». Эта реляция ранее никогда не показывалась и была только в архивах. В данной книге впервые я её опубликую. Читайте по оригинальным снимкам ниже по тексту. Это очень интересно углубиться в чтение новостей, которые были написаны более 300 лет назад. В том бою в живых осталось всего 18 солдат, в том числе 4 раненых. Бомбардир Наум Синявин «*раненый в руку пулею на вылет*» выжил в этой бойне.

В книге «Гистория Свейской войны» сказано: «...и токо сия неслыханная акция с великим мужеством учинена, ибо отаковали и взяли вдвое сильнее себя... а протчие поистине так тяжело были ранены, что с мертвыми лежали на палубе». 27 ноября 1707 года Синявина произвели из боцманов в поручики. Ему было пожаловано поместье. Теперь Петр I не упускал из вида молодого талантливый офицера.

Однажды Наум Акимович Синявин получил приказ охранять с двумя бригантинами переправу через Неву. Несмотря на уход главных сил противника в лице корпуса генерала Левенгаупта на юг, шведы еще проявляли некоторую активность в Прибалтике. Когда вражеский отряд под командованием генерала Либекера подошел к переправе, его встретил сосредоточенный огонь двух бригантин, нанесший шведам значительный урон. Перегруппировавшись, неприятель соорудил береговую батарею из 12 орудий и открыл ответный огонь. Шведы стреляли довольно метко и вскоре у одной из наших бригантин оказался пробит корпус, а также сбита мачта. Отдавая себе отчет в том, что вражеская батарея является очень опасной и способной вывести оба русских корабля из строя, Наум Синявин принимает рискованное решение осуществить высадку на берег нашего десанта и нейтрализовать шведские орудия. Высадившись с солдатами майора Грекова, Синявин атаковал шведские позиции, взял батарею и захватил шведские пушки. Вскоре к нашим подошло подкрепление, и генерал противника по фамилии Либекер был вынужден отступить.

ИЗ САНКТЪ-ПИТЕРБУРГА НОЯБРЯ ВЪ 2 ДЕНЬ .
 Писано .

Октябрѣ противъ 11 числа , неприятель
 встрѣтилъ нашихъ за милою съ пѣхотою ,
 которой было съ 400 члкъ , и 2 пѣшки ,
 на сѣло жестокой переправѣ , гдѣ сдѣланъ
 были 2 шанца . И тутъ наши также съ 2
 пѣшками на нихъ настѣпили , и по доболномъ
 стрѣланіи изъ пѣшекъ , съ нашими шпагами
 оныхъ неприятелей выбили изъ оныхъ
 ихъ шанцовъ , и пѣшки оу нихъ взяли .
 нашихъ оубито 5 члбѣкъ , да нѣсколко
 ранено . И тогожь 11 числа побѣда пришла
 къ городу Выборгу .

Реляція партикурънаго бою , бывшаго
на мори .

Октябрѣ во 12 день , в вечерѣ посланъ былъ
 господинъ щепотевъ съ патью малыми
 лотками , на которыхъ съ нимъ шправлены
 были изъ бомбардиршвъ .

Наумъ синявинъ : Автамонъ дубасовъ :
Ермолай скворцовъ : Петръ головковъ :
Наумъ ходанковъ : Иванъ турковъ :
Василий осиповъ : да 45 члкъ гранадиршвъ :
 [при которомъ былъ и капитанъ бахтеаровъ]

Снимок с оригинальной Реляции 1706 года. Архивный документ.

РАДИ ПОНЕКУ НАД НЕПРІАТЕЛЕМЪ КЪ ТОРГОВЫМЪ
 КАРАБЛАМЪ , КОТОРЫЕ ШЛИ ИЗ ВЫБОРГА
 СЪ ТОРГОВЫМИ ЛЮДМИ И ЖИВОТЫ . Но темноты
 РАДИ НОЩНОИ , МИМО ТѢХЪ ТОРГОВЫ КАРАБЛИ ,
 КЪ КОТОРЫМЪ БЫЛИ ПОСЛАНЫ , НАЧУХАЛИ ТѢ
 НАШИ ПОСЛАННЫЕ НА ДВА ВОИНСКІЕ АДМИРАЛСКІЕ
 БОТЫ , КОТОРЫЕ ПОСЛАНЫ БЫЛИ СЪ МОРА ИЗ
 ФЛОТА МОРЕКАГЪ И ШВЕДСКАГЪ АДМИРАЛА НА
 СЪККУРЕЗЪ [НА ПОМОЩЬ] ВЪ ВЫБОРГЪ , НА КОТОРЫХЪ
 БЫЛО СЪ ЛИШКОМЪ ПО 100 ЧЛКЪ , ОФИЦЕРШВЪ
 И САЛДАТЪ , И ПО 4 ПУШКИ . И ПО ПРЕДВИ-
 ТЕЛЬНОМЪ И ЧУДЕСНОМЪ БОЮ , ИЗ ТѢХЪ НА ОДНО
 СУДНО , ИМЕНУЕМОЕ ЕСПЕРНЪ , НАШИ ВЗОШЛИ ,
 КЪ КОТОРОМУ НА СЪККУРЕЗЪ И ДРУГОЕ ПРИШЛО ,
 ОДНАКОЖЕ НАШИ СЪ ТАКОЮ НЕСКАЗАННОЮ ШВАГОЮ
 БЫЛИ , ЧТО И НА ТОМЪ СУДНѢ ЕЩЕ НЕ ШКОНЧАВЪ
 БОЮ И НЕ ШВЛАДѢВЪ , И Е ДРУГИМЪ ТАКЪ КРѢПКО
 БИЛСЯ , ЧТО НА ПОМОЩЬ ПРИШЕДШИХЪ ШБИЛИ ,
 А ТѢМЪ ЗАВЛАДѢЛИ , И БѢХЪ БЫВШИХЪ ТУТЪ
 ПОВИЛИ , И 26 ЧЛКЪ ЖИВЫХЪ ВЗАЛИ .
 И ОНОЕ СУДНО КЪ БЕРЕГУ ПОДЪ ЛАГАРЪ ПРИВЕЗЛИ ,
 НА КОТОРОМЪ НАШИХЪ ЗДОРОВЫХЪ ТОЛЬКО ОУЖЕ
 7 ЧЛКЪ БЫЛО [И ТАКЪ ЖИВЫХЪ ВЪ ЧЕТВЕРО
 БОЛШЕ БЕБА ПРИВЕЗЛИ] А И СЪ РАНЕНЫМИ
 ИЗ ЧЕЛОВѢКЪ .

Снимок с оригинальной Реляции 1706 года. Архивный документ.

А сколько из, которон стороны побито
и в полонъ взято, томъ при семъ роспись.

Сз шведскои стороны побиты:

Офицеры:

Капитанъ матлейнъ грин.

Поручники:

Ланъ, которон командова надъ взаты судно
Ганъ голъ.

Ганъ ершильдъ проялъ безвѣстно.

Оундеръ офицеры:

Силивенъ швертъ. Око менсере

И тогъ, офицершвъ 6,

Капралшвъ 6,

Рядовыхъ 63, которые тѣлами
сочтены.

Матрозшвъ 2.

Вз полонъ взаты:

Боцманшвъ 2.

Салдатъ 24.

Ружья.

Пушекъ 4.

Фузѣи 57.

Шлагъ 53.

Также и иного багажъ немалъ.

.Снимок с оригинальной Реляции 1706 года. Архивный документ.

Съ, на́шей стороны́ побѣты •
Команди́ръ Господинъ Щепоте́въ •
Капита́нъ Емелья́нъ Бахте́ровъ •
Бомбарди́ръ Автамо́нъ Дуба́совъ •
Гранадирѡвъ 30 Чело́вѣкъ •

Безвѣстнѡ пропали •
Бомбарди́ры •
Пѣтръ Голо́вковъ •
На́мъ Хо́данковъ •

Р а н е н ы
и́з Бомбарди́ровъ •
На́мъ Синя́винъ •
Ива́нъ Ту́рковъ •
Васи́ленъ О́сиповъ •
Гранадирѡвъ 7 Чело́вѣкъ : кото́рые крѣпко
и́ в прочи́хъ вѣта́вшимся пожалова́ны
всѣ въ О́фicersы

На Москвѣ́ Лѣта́ Гднѡ́ 1706
ноябра́ въ 3 де́нь •

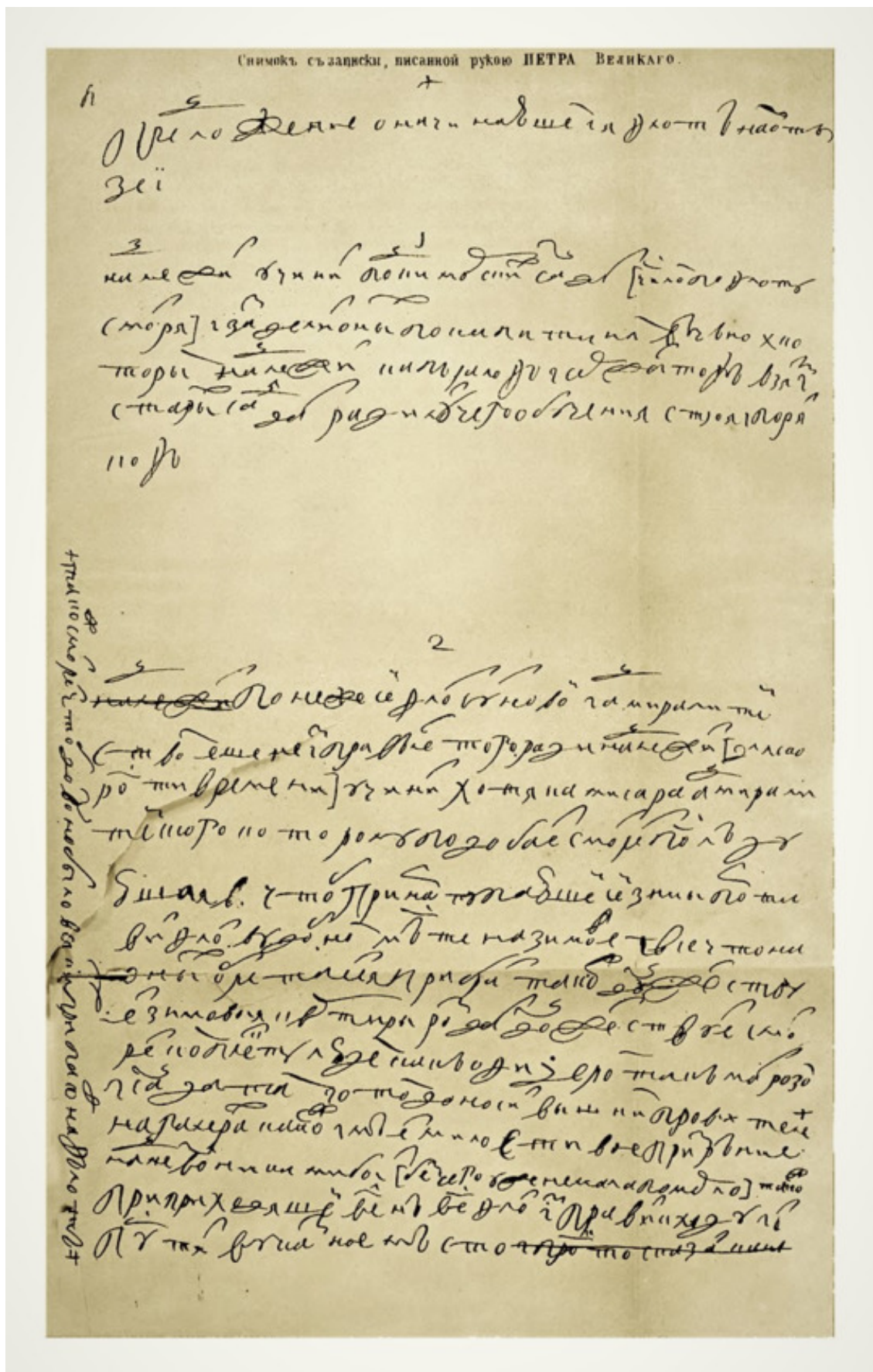
Снимок с оригинальной Реляции 1706 года. Архивный документ.

Потом были стычки со шведами при Копорском морском заливе в урочище Сойкиной горы, где Наум Синявин проявил геройские качества. Во время военных действий он получил ранение «...во время сражения прострелена насквозь нога».

Далее приведу ещё одну цитату из «подённых записок» государя Императора Петра Великого про этот бой: «...неприятель отступил к Копорью и оттуда к морю; тогда Генерал Адмирал получил известие, что шведы со всем корпусом перестреляв своих лошадей стали убираться на корабли, для чего их адмирал Анкерштерн со флотом пришёл к урочищу Сойкиной горы и 12 октября собрался с пятью батальонами пехоты, да с батальоном гранадер и с 200 драгун и с несколькими нерегулярными полками конными за неприятелем пошёл; шведы укрепились траншиаментом и засекились лесом и перевозятся непрестанно. К противнику послан был вахмистр Ингерманладского полка Стразбург с барабанищиком, чтоб сдались; но неприятель отказал, для чего тотчас приказано к траншиаменту приступать, шведы жестоко стреляли однако офицеры наши и солдаты несмотря на то шли смело; а Майор Греков и поручик **Наум Синявин с гранадёры** траншиамент обошли морем вброд и тако неприятеля от моря отрезали и привели в конфузию, который хотел оттолечь ещё в другой траншиамент засесть, но наши не дали и за ними вслед вошли и неприятеля побили так что ни один не ушёл, но или убит или взят в полон».

28 января 1708 г. Карл XII по зимнему следу перешел Вислу и вошел в Гродно, а оттуда двинулся в Сморгонь. Новый шведский завоевательный поход начался. Государь Пётр Алексеевич отправляет Наума Синявина в командировку на Воронежские верфи для контроля за строительством кораблей. Той же весной весь Балтийский флот был готов для боевых действий. Он был полностью укомплектован и состоял из: 12 линейных кораблей, 8 фрегатов, 6 брандеров, 2 бомбардирских кораблеца, 20 шняв, 30 бригадин, на всех судах размещены 682 пушки и 8000 матросов.

Здесь хочу показать читателю подлинный документ или записка Петра от 1707 года про флот на Балтике «*Определение о начинающем флоте на Ост-зее*» вот небольшая цитата, кто желает может попробовать прочесть по руке Петра: «1. *Надлежит учинить полки морских солдат и разделить оных по капитанам, которым надлежит капралоф и сержантоф взять из старых солдат ради лутчего обучения строя и порядкоф. 2. Понеже сей флот суть новый и адмиралтейством его сие исправлен того ради надлежит, для скорости времени учинить хотя камисара адмиралтейскаго, котором подобает смотреть последующая: чтоб при наступлении сей зимы поставить флот вудобном месте на зимовье и всег что на оных обретається прибрать.*»

Снимок с оригинальной записки Петра 1706 года. Архивный документ.

Такоже долженствует зимовья квартиры роздать, долженствует по треть ком-плекту людям, как офицером так матрозом и солдатам и о том доносит вышним провителим, також смотреть чтоб довольно было всяких припасов на флот и смотреть за офицерами чтоб даром не брасал». Пётр так же писал про галеры «...на галерах также иметь милостивое признание над невольниками быть». Государь повествует о том, что весной надо вооружить флот и отпустить в плавание. Он поручал надзор над флотом на высшего командира и требовать журналы исполнения приказов и другое.

20 марта для проверки в Кроншлот прибывает Царь Петр и адмирал флота Федор Матвеевич Апраксин на шняве «Мункер», где уже находился Наум Акимович Синявин, прибывший с Воронежа. Позже 19 апреля Государь отбыл из армии в Шлюссельбург на «буере для встречи своей фамилии цариц и царевен, которые тогда с Москвы путь свой имели, при том были князь Федор Юрьевич Ромодановский, Иван Иванович Бутурлин и протчие министры».

Здесь необходимо сообщить читателю, что в те времена во всю пробовали применять парус в зимнее время. Навстречу им были посланы 8 буеров, которые могли под парусами двигаться по зимним дорогам и льду. К Петербургу вся компания царских родственников как-то: «вдовствующая царица Прасковья Федоровна с 3 дочерьми Марфой Матвеевной и 3 сестрами самого Петра царевнами Натальей, Марией и Федосьей» пришли на этих буерах, где их встречал 25 апреля салютом адмирал Федор Апраксин. Петр сказал адмиралу и это слышал **Наум Синявин** «...я приучаю семейство мое к воде, чтобы не боялись вперед моря и чтоб понарилось положение Петербурга, который окружен водами. Кто хочет жить со мною, тот должен бывать часто на море». Он встретил всю свою царскую фамилию и 2 мая на шняве «Мункер» отправился в Финский залив показывать крепость Кроншлот, но не дойдя «2 версты, остановлен сильным льдом». Именно на этой шняве поручиком служил Наум Акимович. Синявин позже записал в своём дневнике «...как кинули якорь, тогда купали Ушакова (Ивана) и за недопускание до воды взяли 3 рубля денег, с Бориса Неронова, за тож 10 рублей». Эти ледяные ванны очень развеселили всех. После Государь Петр по льду пешком отправился до Кроншлота. Затем был прорублен фарватер, и установившаяся теплая погода позволила позже всем галерам и фрегатам под командованием вице-адмирала Ивана Боциса подойти к крепости. Ниже опубликована старая карта, показывающая читателю примерное расстояние от только начинающего строиться города до Кроншлота. Государь уехал на войну, где проходили военные действия, как например битва при селе Добром и деревне Лесной. Этой же осенью у Петербурга генерал-адмирал Фёдор Апраксин, дал отпор шведскому войску, прибывшему к речке Тосне.

Неприятель, связав «по 8 понтонов вместе, наметав досками и поставя людей, шли чрез реку Неву на гребле». На берегу в лесу были установлены пушки, которые «жестокостреляли» и поддерживали переправу войск.

Фрагмент карты Финского залива. Старинная карта 18 века.

На помощь нашим войскам на 2 бригантинах *«приспели наши»* Наум Синявин и поручик Лоренц имея по 12 пушек на борту. Сразу на подходе они открыли огонь и *«неприятеля привели в комфузию, отчего он принужден был ретироваться к своему берегу и сходить с пантонов»*. Шведы сосредоточили огонь по бригантине Синявина и *«так разбил»*, что Наум вынужден был отойти. Противник на 5 понтонах по 300 человек на каждом переправились на другой берег и *«начали делать транжсемент»*. В это время подоспели драгуны 400 человек и с людьми майора Волохова *«с 3 пушками и пошли на неприятеля и по трехчасном огне шведы вынуждены были отступить»*. Так капитан Наум Акимович Синявин защищал Северную столицу во время войны со шведами.

В 1709 году Наум Синявин находился при *«Его Императорском Величестве в Азове и оттоль под Полтавою»*. В феврале Царь отбыл в Воронеж и оттуда прислал приказ адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину прислать срочно *«Наума Синявина, Игната Муханова, боцманмата, 10 человек русских матросов, которые были на „Лизетке“; да итальянских 3 боцманматов, 6 человек матросов, которые лучшие, прислать на Воронеж немедленно»*. Государь Петр посылает в Азов 2 новых корабля *«Ласку»* и *«Орел»* и 4 апреля с несколькими *«скамповеями»* отправляется сам. Он принимает решение перенести строительство кораблей в устье реки Осереды, а изготовление крупных судов в Таганрог. 22 апреля Петр Алексеевич прибывает в Азов *«...там изследовав сосланных Стрельцов и Казаков, бывших в заговоре с Булавиным, повелел изысканных смертию казнить, а иных бить кнутом и определил их в яму и в работу каторжскую»*.

Выдав распоряжения по укреплению крепости, отправился *«морем на бригантинах до Троицкой крепости, что на Таганроге»*. 26 апреля 1709 года Царь и вместе с ним Наум Синявин вдоль берега на бригантине мимо того места, где спустя шестьдесят лет его сын Алексей Наумович основал хутор Синявский пришли в Таганрог. Пётр пишет Меншикову *«приехали и сие место, которое за 10 лет пустое видели, ныне нарядный город, купно с гаванью обрели»*. Главного строителя города Матвею Симонта он наградил *«золотой медалью в 300 рублей с камнями и с изображением с одной стороны царского портрета, а с другой таганрогской гавани»*. Царь трижды в мае выезжал на бригантинах в море и до реки Миус для отыскания удобного места для верфи. Из-за сильных ветров на море Пётр заболел. Его была лихорадка, много лежал что было не свойственно его натуре и лечился. Герман Манштейн в своих *«Записках о России»* писал: *«... Он (Пётр I) устроил на Азовском море в местности, именуемой Таганрог, прекрасную гавань, названную им Троица, в которой суда, пройдя без груза устьем Дона, под Азовом окончательно вооружались и могли стоять совершенно безопасно. Все, видевшие эту гавань, сознаются, что это одна из наилучших гаваней Европы»*.

Медаль отлитая капитану Симонту за строительство Таганрога.

Как раз к этому времени была создана хорошая укрепленная линия, включающая в себя несколько крепостей таких как Павловская, Семеновская, Миусская. **Троицкая крепость** состояла из четырех бастионных фронтов, двух полубастионов и четырех рavelинов, находившихся за контрэскарпом и усиливающих систему наружной обороны крепости. Перед главным крепостным валом, имевшим в высоту более семи метров, находился дополнительный пониженный вал, за которым располагался прикрытый путь. Под укреплениями находились каменные пороховые погреба с каменными же сводчатыми перекрытиями, казармы и оборонительные казематы. Крепостная ограда, обведенная рвом четырехметровой глубины, охватывала город с трех сторон. Спланированная таким образом крепость могла полноценно защитить себя от нападения со стороны поля. К этому времени ее гарнизон состоял из 5660 ратных людей, а на бастионах и в гавани было установлено 327 пушек, что успешно решало и задачу береговой обороны. Помимо орудийных батарей, установленных на молах, со стороны моря «новопостроенный» город защищала также цитадель «Черепаша». Фундамент цитадели был составлен из 30 ящиков-ряжей, рубленных из бревен и заполненных камнем. Длина его достигала 27 сажень ширина в 17,5 сажень. На основании, имевшем овальную форму, располагалась бревенчатая изба, крытая камышом, имевшая в высоту около 6 метров. Изба предназначалась для размещения пушек и гарнизона.

После выздоровления в мае 1709 года Государь отправляется к войскам сухим путём через Бахмут и приказывает Александру Меншикову вызывать наши войска в Полтаве «... что о Полтаве, то и ныне подтверждаю, что лучше б вам к оному городу приступить чрез реку от неприятеля со всеми и помочь городу чинить понеже сие место зело нужно куды надлежит и фельдмаршалу быть сие сколько я могу разуметь кажется из лучшего не последнего дела; впрочем, яко заочно полагаюсь на ваше рассуждение». Царь Петр через Тор, Изюм, Харьков, Ахтырку прибыл 4 июня в ставку Шереметева в село Крутой Берег и тут же выстрелом из пушки полым ядром через стены и через реку он поблагодарил командира Тверского полка полковника Александра Степановича Келина и всех защитников, запёршихся в крепости Полтава. Таким же образом Степаныч возвратил обратное письмо с просьбой доставить в крепость 50 пудов пороху. Из крупнокалиберных мортир полыми ядрами начиненными мешочками с порохом началась переброска. О таком методе доставки я впервые узнал из архивных

документов. Связь так же производилась при помощи переодетых в «черкасскую одежду» донских казаков. Они выдавали себя за сторонников Мазепы, так Келин передал однажды Царю отбитого у шведов породистого коня и бутылку с пивом. Наум Синявин всё время при Царе уже в качестве бомбардира. 21 июня 1709 года шведы выполнили два длинных подкопа под крепость Полтаву и набили их бочками с порохом, но наши их опередили и обезвредили, и вытащили в крепость. Шведы зажгли пороховые шнуры, и все войско в 3000 человек побежало в сторону земляного вала **Полтавы**, намереваясь после взрыва штурмом войти в крепость. Взрыва не произошло, и наши артиллеристы пустили шведов в бег *«стреляя картечью из пушек и из мелкого ружья, а потом и ядрами трактовали»*. Бой продолжался всю ночь и не утихал в продолжение следующего дня.

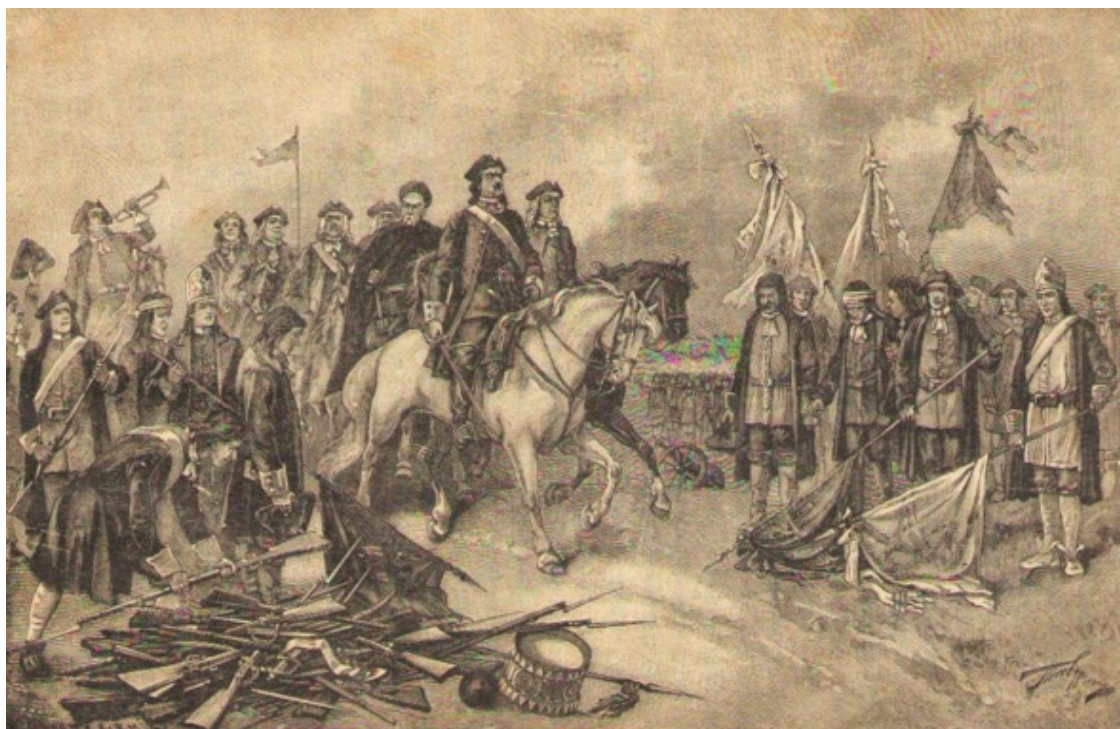

Полтавская битва. Художник Чарльз Симоно.

В «Дневнике Полтавской битвы» сказано: *«...жители Полтавские все были на валу, жены приносили камень. Весь вал кровью был облит и мертвых тел наполнен, в таком жестоком огне были до 4 часу по полуночи... неприятель от штурма отбит и из шанец выбит, причем сочтено тел мертвых неприятельских 1676. От войска Царского Величества убито 272, а ранено 603 человека»*. Защитники крепости отразили 30 сильнейших атак противника. Многие шведские офицеры были ранены. Король Карл выдвинулся к переправе на левый фланг и там был *«ранен в ногу»* донскими казаками. Вот как это было на самом деле, он с немногими провожатыми подъехал к передовой *«...и наехал ночью на российскую казацкую партию, которая стояла неосторожно, и некоторые из оной казаки сидели при огне, что он, усмотря, наехал с малыми людьми и одного из них, сошед с лошади, сам застрелил; которые казаки, вскопча, из трех фузей по нем выстрелили и прострелили ему в то время ногу, которая рана ему весьма жестока была... русская пуля пробила ступню левой ноги короля и застряла в кости, раздробив ее»*. Вот такой момент был у донских казаков с шведским королём. Уже в лагере ему сделали операцию, почти без наркоза, хирург Нейман залил в рот спирт. Карл, которому в то время всего 27 лет, лежал с перевязанной ногой, но осады крепости снимать не хотел, но его переубедили генералы. Шведы вынуждены были убрать большую часть войск с осады Полтавы и направить их против основных Русских сил. Как Пётр, так и Карл рвались в бой пренебрегая

опасностью быть убитыми. Очевидцы вспоминали *«три пули, одна за другой попали в Петра; одна пробила шляпу его, другая ударила в седло, а третья в крест, висевший на груди Государя»*. Шведы пытались занять свои окопы у Полтавы, но гарнизон Келина вышел из крепости и выгнал отступающих шведов генерала Росса. Во время атаки русских у шведского короля Карла убило 2 лошадей в *«качалке»*, в которой его перевозили, а затем разнесло и её саму. Он велел поднять себя на перекрещенные пики и пытался остановить бегущих, крича *«шведы, шведы как вы можете»*, но за грохотом орудий никто его не услышал, всё войско бежало. Видя такую картину, он лишился чувств и упал, его посадили на лошадь. Пройдя несколько шагов лошадь пала, сражённая пулей. Карл упал, но его спас тяжело раненный лейтенант Юхан Ертга, отдав под него свою лошадь. В это время налетели Донские Казаки и чуть не захватили в плен самого Короля. Шведский отборный отряд сохранил Карла, его утащили с поля боя.

В «Истории Лейб-Гвардии Преображенского полка» про этот момент сказано: *«...шведы представляли нестройную толпу бегущих, беспощадно уничтожаемую Русскими: 4 орудия, 137 знамен и штандартов, до 4000 пленных, обоз и шведский лагерь достались победителям. К полудню все было кончено и шведская армия, столь грозная прежними своими победами, почти не существовала»*.

Петр принимает сдачу знамен шведами. Старинная гравюра.

После благодарственного молебна, Царь Петр в знак своего благоволения к заслугам армии с непокрытой головою объехал ряды войск. В своём заключительном слове он сказал *«победа достигнута с легким трудом и малою кровью»*. Убитыми шведы потеряли 9234 человека, 2500 сдались в плен *«кроме тех, которые в розни по лесам и полям побиты и от ран померли, которых счесть невозможно было»*. Наши потери составили 1345 убитыми и 3200 ранеными.

Русский историк Евгений Тарле пишет о причинах поражения шведской армии: *«Политически Карл положил начало гибели своей армии в шведского великодержавия, предприняв покорение России с силами, ни в малейшей пропорции не находившимися в соответствии с грандиозной задачей. Стратегически он совершил вопреки советам, увещаниям и настояниям почти всего своего окружения ряд непоправимых промахов, подчинив все соображения*

одной мысли: кончить войну в Москве, причем завоевание Белоруссии и Украины было лишь как бы подсобной операцией перед далеким походом в Москву... созданной после Нарвы грозной, дисциплинированной, хорошо оснащенной регулярной русской армии Карл упорно не хотел и слушать... наконец, обстоятельства сложились так, что когда наступил момент боя, то Карл даже и как тактик, т. е. в области, в которой он был гораздо сильнее, чем как политик и как стратег, ни в малой степени не проявил своих бесспорных талантов. Как и всегда, он обнаружил в этот день непоколебимое личное мужество, но и только. И Реншильд, и Левенгаупт, и Шлиппенбах, и Роос не получили от короля в это утро ни одного сколько-нибудь дельного, сколько-нибудь ценного указания... политические и стратегические ошибки предрешили неотвратимую ни при каких условиях неудачу завоевательной авантюры, предпринятой Карлом XII. Ни Карл, ни его окружение, включительно с весьма мудрым и проникательным генерал-квартирмейстером Гилленкроком, не имели в самом деле ни малейшего понятия о русском народе, о белорусах, об украинцах. Он никогда даже не допускали мысли о том, что не только регулярные вооруженные силы России будут, не щадя себя, яростно биться с вторгшимся неприятелем, но и население областей, через которые он будет проходить, окажет ему упорное сопротивление, будет истреблять по лесам рассеянные остатки разгромленной армии Левенгаупта, будет избивать шведов у Стародуба и на берегах Псела, Ворсклы, Днепра, будет уничтожать или отгонять от днепровского берега лодки и паромы, на которые так рассчитывал Мазепа, будет деятельно помогать гарнизону в отчаянной обороне Веприка, убежать из своих деревень при подходе шведов и ничего не доставит добровольно в лагерь врага – ни хлеба, ни мяса, ни сена. Полный провал в деле Мазепы явился неожиданностью и для изменника, и для его искусителей и покровителей. Уничтожение Батурина, разгром изменивших запорожцев, геройское сопротивление жителей Веприка и Полтавы – все это были явления одного порядка, все это было прямым проявлением народного сопротивления, которое и не предвидел Карл и которое он не понял». Пётр в ноябре пишет письмо **поручику Ивану Синявину** «...ежели со шнявами, которыя с вами из Пскова отправлены к Мовужейскому устью, захватят вас морозы и будет озеро становиться, тогда со оными от устья отойди, и поставь их для зимовья в станы в удобном месте. Однакоже покуда не будет опасности конечной от морозов, то будь ещё тут до указа и от устья не отходи».

Наступил **1710 год**, зимой 17 февраля Государь Петр Алексеевич направил свои мысли к Выборгу и отбыл в Петербург из Москвы. После неудачного похода в 1706 году на эту крепость он пришёл к выводу что взять её можно только обложив с берега и моря. Пётр приказал флоту быть готовым к военным действиям «солдат из гарнизонов взять и посадить на корабли и бригантины». Когда погода установится и лед сойдёт отправить часть флота до Березовых островов для помощи наземному десанту. Другую часть флота отправить к Выборгу, а ещё раньше он отправил Ингерманландский осадный корпус Апраксина по льду Финского залива к **крепости Выборг** в которой было 6000 шведов и 141 пушка. Русские войска подошли к городу с западной стороны и перерезали пути сообщения противника.

22 марта генерал-адмирал Фёдор Матвеевич Апраксин прибыл на 50 -пушечном корабле «Рига» к деревне Хиетало и начал осадные земляные работы. Вот цитата из письма Ф. М. Апраксина Петру I, в котором он отмечал, что «неприятель выстроил против нас три батареи; стреляет zelo жестоко и цельно: одну пушку у нас разбили, а другая раздулась от многой стрельбы; осталось у нас на батареях 10 пушек...»

Русские бригантины Крюйс и Апраксин отдали под командование поручика Наума Акимовича Синявина, другие 10 под руководство Ипата Муханова. На 14 пушечной шняве «Лизет» был Синявин. На ней шаутбенахт корабельного флота Царь Петр Алексеевич поднял свой вымпел. Вице-адмирал Корнелий Крюйс имел свой флаг на фрегате «Олифант». Десант посадили на бомбардирские корабли «Штандарт». «Думкрат», «Самсон», «Олифант», и меньшую часть на шнявы «Мункер», «Петух», «Лизет».

К каждому кораблю прицепили по несколько «карбусов с провиантом». Русский Балтийский флот проделал рискованный ледовый поход и искусство маневрирования во льдах и 8 мая подошёл к Тронгзунду. Путь был очень тяжелым, ибо море ещё окончательно не очистилось от льда; и его пришлось ломать, местами «*втягивая маленькую пушку на бугирприт и затем роняя её на льдины*». Этот способ подсказал Царю поручик Наум Синявин.

По прибытии Государю салютовали из двух укреплений (шанцев) с обеих сторон у входа в гавань. Наши пришли вовремя так как через 2 дня явился шведский флот. Пётр приказал Апраксину в узком месте пролива затопить 4 торговых судна новгородских пришедших с провиантом. Главная **крепость Выборга** состояла из пяти бастионных фронтов: Гольц, Ньюпорт, Клейн-Платформ, Вассерпорт и Элеонора, соединенных каменной стеной. Другая часть крепости, соединявшаяся с главной, состояла из трех земляных шанцев (Вальпорт, Панцерлак и Эвроп). Перед куртеной, соединявшей два последних бастиона, располагался равелин Крон и два капанира. Внутри главной крепости все строения были каменные. Отдельно от этих укреплений на островке располагался каменный замок Шлосс, соединявшийся с главной крепостью при помощи моста. Сразу по прибытии Петр осмотрел укрепления Выборга и составил «*Инструкцию по подготовке к штурму Выборга*». По ней предписывалось сделать 2 батареи из 60 пушек и 3 кетеля на 8 мортир, то есть против крепости было сосредоточено 60 пушек и 18 мортир.

Выборг. Фрагмент карты 18 века.

Для усиления Тронгзундских укреплений генерал-адмирал в месте возможного прорыва «*велел сделать линию и поставить пушки и посадить батальонных людей*». Галеры шаутбенахта Боциса поставили в протоке и закрыли доступ с моря. Все эти приготовления не дали шведам помочь Выборгу с моря.

Тут возникла проблема: на каменистой местности было невозможно тихо возить орудия, а кроме того, начиналось лето, и в разгаре белые ночи *«ночи светлы как день»*, поэтому шведы постоянно вели огонь, от которого гибли люди. Царь приказал начинать бомбометание как можно скорее. 1 июня 1710 года начался второй штурм крепости. Обстрел укреплений и бомбардировка продолжались до 6 июня, в результате чего *«сделался великий брешь, что по сдаче города два батальона на нем строем стали»*. За эти 6 дней по крепости было сделано 2975 выстрелов из мортир и 1539 из пушек. Государь Пётр и бомбардир Наум Синявин оба владели искусством стрельбы из пушек и одни из первых начали метать бомбы. 6 июня было принято решение брать крепость штурмом. Следующие два дня прошли в подготовке к нему. Уже были назначены люди, командированные на штурм, но 9 июня комендант полковников Шернстроль выслал парламентёра, который сообщил, что он готов сдаться. 13 июня гарнизон Выборга сдался, не дожидаясь штурма, так как разрушения, сделанные огнём русской артиллерии, не оставляли коменданту никаких шансов отстоять крепость. Сдавшийся выборгский гарнизон состоял из 3880 человек, в том числе 156 офицеров и чиновников и 3274 нижних чинов. Потери шведов убитыми составили около 2500 человек. Артиллерии принадлежит решающая заслуга во взятии Выборга, после чего *«... чрез взятие сего города Санкт-Петербурху конечное безопасение получено»*. За успешные действия Фёдор Апраксин был произведён в генерал-адмиралы и награждён орденом Андрея Первозванного, генералы награждены именными, офицеры золотыми, а нижние чины серебряными медалями и полугодовыми окладами содержания. Такой же золотой медалью был награждён 30 летний Наум Акимович Синявин.

Медаль за взятие крепости Выборг 1710 года.

Начался **1711 год**. Царь Пётр в январе отправился в Москву и оттуда поехал к армии, где его ожидала поражение в Прутском походе. В Петербурге главным остался генерал-фельдмаршал князь Меншиков. В Финском заливе было затишье. Государь перед отъездом послал в Воронеж для строительства кораблей адмирала графа Апраксина и вице-адмирала Крюйса. Корабельный флот занимал свой обычный пост у Кроншлота и командиром над ним был назначен старший из капитанов Ян Валронг, а галерами начальствовал грек по происхождению шюттенахт граф Иван Боцис. В конце апреля пока не было в Балтике шведской эскадры комендор Госслер, и поручик Наум Синявин привели из Выборга в Петербург *«32 судна с оставшеюся там артиллерию и в крепости медью»*. Боцис на галерах благополучно доставил

в крепость провиант. Так же Синявин успешно прошёл 32 пушечный трёхматчевый фрегат «Самсон» купленный за границей князем Меншиковым и подаренный им Царю в день именин. За ним от Ревеля гнались два шведских корабля, но он ушёл от них. Управлял им голландский капитан Карл Клинкер.

В июле Государь пишет первое сохранившееся в архивах письмо Науму Синявину от Днестра. Порутчик Наум Синявин был отправлен в Ярославль. Приведу его полностью: *«Господин порутчик! По получению сего поезжайте вы с Мухановым в Ярославль, наперёд взяв с собою у господина подполковника Долгорукова солдат и приехав туда уберите суды, которые там велено сыскать посланным офицерам Караулову и Дурасову, которые посланы от генерал-майора Гешова, а имянно: осьмнадцать, чтобы они были на воде и к ходу во всякой готовности. Чтобы нам за тем в Ярославль не было мешкоты и особливо из тех судов у двух сделайте каюты, с перегородками и с нужниками, так как прежде было сделано на Нашем судне. когда мы плыли Вислою от Солнцы до Таруни»*. Подписано «Пётр» подлинной рукой Его Императорского Величества.

Второе письмо Пётр пишет Науму 10 августа из местечка Злочев: *«Господин порутчик! Паки подтверждаем вам, дабы вы как возможно скорее суды приготовили, а имянно судов десяток больших; буде же больших не сыщется, то хотя малых судов пятнадцать; и ежели Поляки не станут добровольно отдавать, то оберите у всех, где сыскать мочно, и объявите им, что оные после отдадим им назад, так же парусы и вёсла чтоб у всех были готовы; и буде парусов нет готовых, то холста возьмите у Бурмистрова и сделайте; а коликое число возьмёте, и то велите им записать, и скажите, что за оной деньги им будут заплачены»*.

Третье письмо Государь отправляет из Жолквы: *«Господин порутчик! Письмо ваше, писанное из Ярославля августа от 11 дня, до нас дошло, на которое вам отвечаем, дабы вы о приготовлении судов конечно старались как возможно и обирали у всех, где сыскать мочно, також парусы и весла у хозяев тех судов возьмите с запискою, и скажите, что оное отдано им будет назад; ибо нужда того ныне требует: однакож ежели гораздо будут в том упорны и станут здорить, то только запишите их имяна и когда мы придем, то при себе велим взять; о протчем приказали Мы словесно к вам с порутчиком Мурзиным»*.

В 1712 г. Науму Синявину и капитану-командору Рейсу было поручено ответственное задание: привести из Копенгагена в Ревель три недавно приобретенных Фёдором Салтыковым 50 пушечных корабля. Они назывались «Антоний Падуанский», «Рандольф» и «Гарденбрук». Голландские и английские «перегонные» экипажи отказывались работать в зоне боевых действий, опасаясь быть захваченными шведами. Синявину необходимо было набрать на месте хотя бы минимальные команды и осуществить переход через воды, в которых крейсировала вражеская эскадра.

Государь Пётр летом этого года находился в Шведской Померании в городке Грайфсвальде. Там не хватало продуктов, для матросов, которые будут наняты на русский флот. Он пишет: *«Рожь которую велели Мы привозить вам в Волгаст, и ныне оную привозите сюда в Грибсвальд»*. В сентябре Пётр даёт указ Науму Акимовичу сколько офицеров требуются нанять на один корабль: *«один капитан, два подпорутчика, два боцмана, один констапель, два подконстапеля, один штурман, два подштурмана, один лекарь, один плотник»*. 25 сентября из Грайфсвальда Царь пишет приказ Науму Синявину *«Указ Порутчику Синявину. Когда корабли станут купленыя збираться, а тем временем Дацкой флот придёт в Копенгаген и матросов распустят, тогда нанимать на каждаый корабль по 50 или по 60 человек, так же и офицеров, к тому же русских солдат по сто человек с лишком на корабль, нанимать матросов на кампанию будущую, а буде далее похотят и без того не пойдут, то и далее времени нанимать. Припасы самые нужные взять, с чем доехать, так и провиант. Путь иметь по правую сторону Ворголма и Готланта прямо к ревелю. Деньги получать от господина Куракина на всё. Також, когда корабли зберутся, тогда оных расснастить таким образом, что мочно*

в сутки или двои паки оснастить. Провиант чтобы весь класть на оные и голос пустить, что оные весною пойдут. Матросам части велеть жить на кораблях переменяясь, так же и солдатам, а прочим как солдатам, так и матросам квартиры нанять. А буде возможно, тоб лучше всем жить на кораблях близ того места, где корабли стоят, чтоб, когда время будет, мочно бы конечно в три дни вытти в море. Сигналы пришед к Ревелю чинить: первой поставить синей флаг на формаите и выстрелить однова. По том красной на безане маит и дважды выстрелить. По том белой на грот маите трожды выстрелить. В ночи сигналы, когда поставлены будут на грот стенге с флажитока три фонаря и выстрелить из трёх пушек».

Для успешного проведения кораблей из Копенгагена Государь выдаёт Науму Синявину охранную грамоту со своей подписью и государственной печатью *«Божьей милостью Мы Пётр Первый Царь и Самодержец Всероссийский и прочия, и прочия, и прочия. Объявляем и ведомо чиним, что корабль зовомый Рандолф, обретающийся ныне в Королевской Датской пристане Копенгаген, имеет отправиться оттуда в путь свой на Балтийское море, под правлением Капитана Наума Синявина, и понеже Мы позволили и указали, дабы помянутой корабль такой свой намеренной путь всемерно восприял, и тамо крейсировать имел, такоже и над неприятельскими кораблями, где оные найдёт, поиски чинил; того ради Мы заблаго изобрели оному дать сей Наш пас, и при том всех Держав морских и земных, Королевских Величеств, Светлейших Электоров, и иных Принцов и Речей Посполитых дружесбно просим и оных Адмиралов и прочих команду имеющих сей путешествующей корабль встретитсь и между их флотов и кораблей иногда оному где быть случитсья, каждого и обще всех благоизволительно желаем, дабы ради союзов и дружбы, которую Мы с каждым Потентатом и Речью Посполитою содержим, помя той корабль зовомый Рандолф под правлением Капитана Синявина купно со всеми на нём будущими людьми и вещьми и товары не токмо свободно без всякого препятия, задержания или помешательства путь отправлять и крейсовать позволили, всякие благовоительные вспоможения показывать. Мы сей Нашею рукою подписанной нас Нашею Царскою печатью утвердить повелели».*

Наум отправился в эту командировку так же со своим братом, Иваном, который в этом году управлял царской шнявой «Лизетою». Иван должен был в Гамбурге дожидаться изготовления нового корабля и с другими пришедшими из Англии следовать в Ревель. Сенявиным удалось успешно выполнить обе задачи. Зимой набрав матросов, около 250 человек большей частью неопытных, но желавших подзаработать в рискованном деле, им удалось успешно привести все 4 корабля в Ревель к весне следующего года. В феврале 1713 года Пётр указывает Науму Акимовичу с тремя кораблями прийти немедленно к Ревелю. За выполнение этого ответственного поручения Синявины были произведены в капитаны-поручики, и Наум получил под командование один из приведенных кораблей «Рандольф». Это был 50-пушечный линкор английской постройки. Государь в письме приказал привезти обязательно солдата «Сонцова Засекина» и пушки разного калибра. Иван поступил на корабль «Екатерину» которым командовал капитан Госслер.

Летом 1713 года на рейде Гельсингфорса осаждаемого русскими войсками пришла шведская эскадра из 11 кораблей. Царь находился на корабле «Полтава» под управлением капитана Хендрика Гельма. Новый 54 пушечный трёхмачтевый линкор сошёл со стапеля Санкт-Петербургского адмиралтейства. Строил его Федосей Склеяев при непосредственном участии Петра.

16. Указъ о производствѣ Синявинныхъ въ капитанъ-поручики, 1713 года апрѣля 3 (²).

1713 года апрѣля 3 дня именнымъ Е. Ц. В. указомъ, за подписаніемъ руки Е. В. С. г. адмирала, вѣдѣно морскаго флота поручиковъ Ивана да Наума Синявинныхъ за ихъ службу написать и написаны въ морскомъ флотѣ капитанъ-поручиками; жалованье опредѣлено имъ давать по 20 рублевъ на мѣсяць, по 240 рублевъ на годъ.

Снимок из «Материалов по истории русского флота».

Он занялся осмотром первой партии купленных кораблей. Для испытания судов Государь, пользуясь северным ветром ходил между Берёзовыми островами и Гаривалдаем, становился на якорь и снимался. Вместе с Наумом Синявиным испытывал английский «Рандольф» и потом писал Апраксину *«подлинно достоин названия приѣмши... ибо гораздо малы перед нашим и, хотя и пушек столько же число... zelo тупы на парусах»*.

У острова Гогланда увидели 3 шведских корабля и начали за ними погоню. Первые 3 русских корабля «Выборг», «Рига» под руководством вице-адмирала Крюйсом и «Эсперанс» шедшие впереди всех сели на мель. Новый 50 пушечный корабль «Выборг» под командованием капитана Шельтинга сел на камень наполнился водою и после был сожжён. Ночью эти корабли почти настигли неприятеля и готовы были уже взять на абордаж, но случилась беда.

Корнелий Крюйс в письме к адмиралу Ивану Апраксину писал: *«... токмо Господь все сие не допустил, понеже каменная мель под водою прямо в фарватер, на которую в начале капитан командор обмелелся, потом вскоре и мой корабль, а неприятельский командор с половину длины корабля от нас был, також на мель попал»*. Наум Синявин в этом походе командовал «Рандольфом». Иван Синявин был на шняве «Лизет». Из Ревеля получено было известие о прибытии туда трёх купленных кораблей «Виктория», «Страффорд», «Оксфорд» и двух фрегатов «Лансдоу», «Святой Николай».

Для привода судов из Ревеля в Петербург, послан был капитан-поручик **Иван Акимович Синявин**. Большинство английских матросов отказались идти к Котлину, Государь отправил вслед к Синявину капитана Сиверса с офицерами и матросами. Пётр решил сам лично выйти к Ревелю, но так как шведская эскадра стояла в Балтике его Крюйс просил *«в путь не изволил идти»*.

Царь мог погибнуть в сражение или попасть в плен. Пётр решил ответить вице-адмиралу письмом, в котором писал: *«... я уже 18 лет служу сему государству и в скольких баталиях, акциях и белагах был и везде от добрых и честных офицеров прошен был дабы не отлучался, да бы дома яко дитя остался... только бы корабли ревельские сюда в целости препровождены были, в чём и прочем может господин вице-адмирал ответ дать. Прочее, ради вышереченнаго себе афронта, пресекая корреспонденцию, остаюсь»*. По этой переписке можно судить каким опасным был этот поход кораблей из Ревеля. Пётр советовал *«... в походе впереди иметь трёх лучших ходяков. От сильнейшего неприятеля уходить, а с слабейшим вступить в бой»*. Вице-адмирал Крюйс в июле вышел с флотом из 13 кораблей в море для встречи новокупленных кораблей. В составе был Наум Акимович Синявин на 50 пушечном «Рандольфе». Капитан-поручик Иван Синявин справился с поставленной задачей. Он довёл корабли до Кроншлота. Сюда прибыл контр-адмирал Пётр Михайлов осматривать новые суда. Всем флотом они вышли к Берёзовым островам. Позже Государь Петр перешёл к **Ивану Синявину** на шняву «Мункер» и с преображенским батальоном размещённом на 5 скампавеях повёл в шхеры суда с провиантом, в котором нуждалась наша армия. По пути в Гельсинфор попали в сильный шторм. Их загнало между 2 каменными островами и хорошо, что Синявин успел бросить якорь

и закрепиться в камнях, а то бы судно потерпело крушение. Государь Пётр мог погибнуть. Шняву крутило и стучало об камни. Ветер менял своё направление, и капитан-поручик Иван Синявин, видя такую перемену, сумел переставить паруса, и их вынесло из каменного плена в море. Во время этого шторма погибло 2 гальота и 6 карбасов с провиантом. Через 3 дня шнява «*Мункер*» вошла в порт Гельсингфорса. Здесь генерал-адмирал Апраксин, по приказу князя кесаря Ромодановского о присвоении Петру чина генерала: «...генерал-поручик Пётр Михайлов пожалован за его многия прежния службы, а паче за нынешнюю показанную в Голштинши службу и труд над фельдмаршалом шведским Штейнбоком и над всею его армиею-генералом полным». Государь был очень доволен зимней проводкой корабля Иваном Синявиным, что опять летом отправляет его к городу Архангельску для принятия под начальство 3 новопостроенных корабля. Иван пишет Государю «...при отделке оных в такелаже и аммуниции остановки не будет; понеже с Вологды и из Нючпы все привезено Матрозов набрано в Архангельске 350, да в Кольском Остроге 300, остальных ожидаем с Вологды».

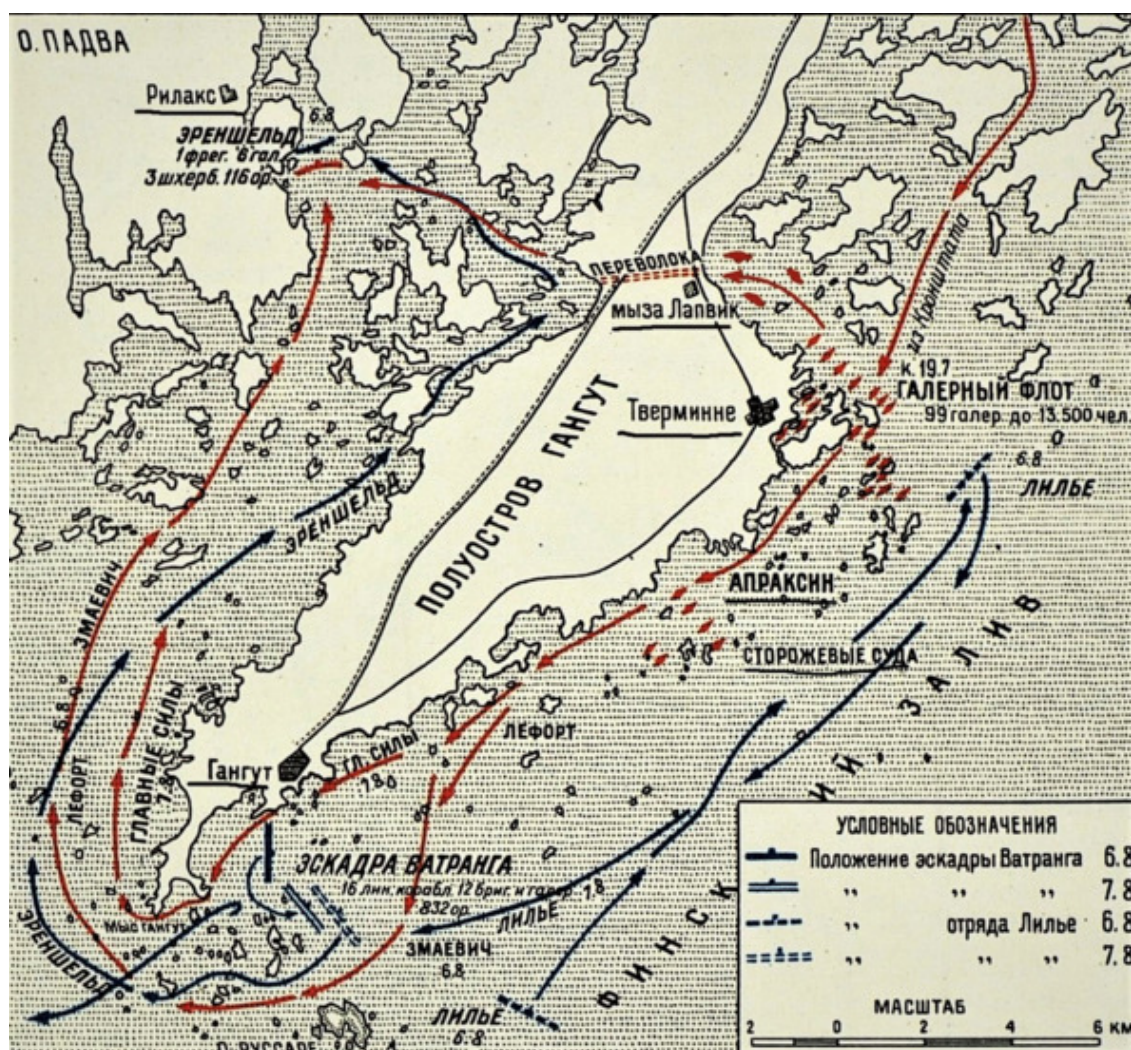
Пётр отдаёт указ Ивану Акимовичу из Санкт Петербурга по поводу поездки для набора из северных моряков на службу во флот: «Указ Капитану Порутчику Синявину! Ехать ему к городу Архангельскому и приехав как там у города, так в Колском и в Сумском острогах и в других местах, где есть лутчие работники, которые хотят на море за рыбным и звериным промыслом на качах, морянках и протчих судах, набрать в матрозы 400 человек и чтоб не были более как до 30 лет, и для того набору взять себе в помощь у Вице-Губернатора офицеров (или дворян), також и солдат сколько потребно, и за ними накрепко самому тебе смотреть, чтоб оные в том наборе не учинили каких блудень, и как оные набраны будут, тогда оным учинить имянной список и пересмотря их отправить в путь с довольным на проход провиантом при себе с добрым приводом, которого взять у Вице-Губернатора, придав ему по рассмотрению конвой и распорядя их в пути вручить с имянным списком оному продавцу и потом ехать тебе самому к нам наперёд».

На следующий 1714 год Пётр приказывает отправлять в Россию купленные и построенные корабли в худшее время в феврале «ибо к Ревелю путь во всю зиму свободный, а шведам из камня выходить трудно».

Построенный в Архангельске корабль «*Архангел Михаил*» из-за льда не мог выйти в море и остался зимовать там же, а 52 пушечный линейный корабль «*Рафаил*» дойдя до Кольского залива, остановился в этих краях. Государь отправляет зимой за этим кораблём капитана-поручика **Ивана Синявина** специалиста по проводке кораблей сквозь льды. Отправляет с приказом вести его зимним путём прямо к Ревелю «...чтоб не попасть на шведских крейсеров в Шотландском море держаться правой стороны». Этой зимой войска князя Михаила Голицына полностью овладели Финляндией. Что бы полностью утвердиться на этих землях необходимо было привести флот и создать базу. Контр-адмирал Пётр Михайлов встал в командование корабельным флотом. Галерным флотом командовал генерал-адмирал Фёдор Апраксин. Моряками на галерах после смерти Боциса командовал капитан-командор Змаевич. В апреле Иван Синявин благополучно прибыл на «*Рафаиле*» до Рогервика и там не дошедший до Ревеля из-за льдов остановился на осмотр. Для охранения кораблей срочно были присланы солдаты по 100 человек на один корабль и на берегу построили батареи. Капитан-поручик **Наум Синявин** писал Государю «...в 6 милях от Ревеля стоят 3 корабля прибыть невозможно за умножением льду, а пиловать ныне льду нельзя». Он взял с собой отряд солдат в 300 человек и начал «лед пиловать с тех мест, где уже ходить льдом невозможно, понеже нанесло ветром с моря, а твердого льда до гавани 1200 сажень». Государь пишет письмо 16 апреля Науму Синявину из Санкт Петербурга: «Господин Капитан Порутчик! Вчерашняго дня получили Мы подлинную ведомость, что 3 корабля отпущенные из Англии: а имянно Арундель, Армут, Фортуна, за пять миль к Ревелю счастливо пришли, о которых хотя Мы и имеем ведомость, сколько на них есть по калибрам пушек, однакож не о всех, а имянно на корабль Арундель

какова калибра пушки, того подлинно не росписано. Того для как наискоря подлиннее о том Нас уведом, так же сколько на который корабль надобно якорей и кабельтоу, о сих двух делах тотчас дайте знать. Так же спросите Англинских Офицеров, которые на тех кораблях приехали, про корабль Ляферм, который из Англии к Ревелю отпущен, где он ныне обретається». Спустя некоторое время 29 апреля все купленные и построенные корабли благополучно пришли к Ревелю. После расхода льда 4 мая явились шведские корабли у Або и 9 мая у Гельсинфорса.

Командовавший корабельным флотом шаутбенахт Пётр поднял флаг на корабле «Святая Екатерина». Вот небольшая цитата из Гистории Свейской войны: «...пред подыманием якоря приехали на корабль к государю двое морских афицеров Синявиных и сказали что приехали к Ревелю за три дня до прибытия его величества со флотом два корабля, один купленный Леферм в 70 пушек, а другой от Архангельского города Святой Михаил и того же дня государь был сам на тех караблях»

Фрагмент карты Гангутского сражения.

Весь флот пришёл к Берёзовым островам, где праздновали 30 мая день рождения Государя. Шведский флот адмирала Ватранга вышел в море значительно раньше, так как ему не мешал лед.

25 апреля 1714 года неприятельская эскадра в составе 16 линейных кораблей, 2 бригадин, двух бомбардирских кораблей, 8 галер и других судов заняла позицию у полуострова Ган-

гут, чтобы преградить русскому галерному флоту путь в Або-Аландские шхеры. Наш галерный флот, за которым следовали провиантские суда, после остановки у Березовых островов 31 мая вошел в шхеры, и только 11 июня он достиг Гельсингфорса, так как сильные встречные ветры мешали его быстрому движению. У Гельсингфорса галерный флот простоял до 21 июня. Здесь была произведена выгрузка на берег провианта для сухопутной армии, действовавшей в Финляндии под командованием Михаила Голицына.

24 июня галерный флот пришел в Поэ-Кирки, где была выгружена часть провианта и оставлены суда для полков Голицына, которые шли сюда из городка Або. Контр-адмирал (шаутбенахт) Петр Михайлов, получив донесения о создавшейся обстановке, отправился к галерному флоту и 20 июля находился уже на полуострове Гангут. Генерал-адмирал Федор Апраксин, и все другие морские руководители решили немедленно занять Гангутский мыс, изучить его окрестности, возвести на нем укрепления и вести пристальное наблюдение за шведским флотом. Петр поднял свой флаг на 64 пушечном линейном корабле «Святая Екатерина», капитан-командор Шельтинг на 50 пушечном «Риге», капитан-командор Сиверс на «Леферме» капитан-лейтенант Тран на шняве «Наталиш».

Капитан-поручик Наум Синявин на «Леферме» (Le Ferme- твердый) базировался в Ревеле и курсировал вдоль южного берега Финского залива от Рогервика до Кашпервика для наблюдения за кораблями противника. Шаутбенахт Пётр Михайлов с корабля «Св. Екатерина» пишет 13 мая очередное письмо Синявину: *«Господин Капитан Поручик! Когда получишь сие письмо, то немедленно отдай Лантратам, и когда они станут спрашивать тебя, чего потребуешь, скажи чтоб дали нарочитых людей на лошадях человек 100, чтоб разставить по берегу их для осматриванья неприятельских кораблей, и когда (сколько на первой час как наискоряя) получишь, тотчас разставь от Рогорвек к Ревелю, а от Ревеля до Кашпервека, и во оных трёх, також и в иных причинных местах, поставь из морских Русских по человеку или по два, дабы где увидишь неприятельских сколько и каких кораблей, друг другу давали знать, для того, что Мы идучи к Ревелю будем во всех пристанях спрашивать о том, дабы нечаянно на неприятеля не напехаться. Сие всё как наискоряя управше».*

22 мая Пётр находясь у Берёзовых островов в Финском заливе пишет ещё одно письмо Науму Синявину: *«Сего числа получили Мы ваше письмо мая от 18 дня, в котором пишешь, что Шведские корабли у Ревеля являются, а где оные стоят за Наргеньым или инде где, о том имянно не пишете: того для проведайте немедленно, где оные стоят, ежели за Наргиньым, то пошлите хотя ночью в лодке с Чюхнами ково нибудь из своих матрозов на этот остров осмотреть, в котором месте они стоят и сколько их числом, и с тем репортом пришли к нам немедленно, навстречу хотя к Кашпервику сухим путём, и там вели ждать ково Мы пришлём туды морем, дабы Нам знать, сколько их есть».*

Шаутбенахт Пётр Михайлов присылает указ капитану-поручику Науму Синявину, чтоб он собрал 310 матросов и 1100 солдат и распределил их по новым кораблям *«из оных на Ляферм -100, на Арундель, Армунд, Фортуну по 70 матрозов... в том числе взять у Ивана Синявина 60 человек».* Взять под команду этот отряд и отправляться к Гангуту.

22 июля Государь находился с флотом у полуострова Гангут (по-шведски Hangö udd) лично производил рекогносцировку окрестностей в узком месте. К группе островов, расположенных посредине мыса, было послано 15 скампавей, которые должны были следить за противником. При обследовании полуострова у мызы Лапвик было найдено удобное место для перетаскивания скампавей сухим путем. Расстояние между берегами равнялось здесь всего 2 с половиной версты. У Петра Алексеевича родилась оригинальная идея устроить в узком месте *«переволоку и перетащить по ней часть легких галер»* и зайти противнику в тыл, а там как будет *«неприятеля привести в камфузию».* Что было и сделано русской пехотой.

Шведский адмирал Густав Ватранг (Wattrang Gustaf), узнав от местных жителей о принимаемых русскими мерах, решил пойти на столкновение. Для этой цели часть шведской эскадры

под командованием вице-адмирала Эрика Лиллье отправили к тверминнскому рейду для атаки стоявшего там наших галер и линейных кораблей. Отряд в составе фрегата «*Элефант*», 6 галер и 3 шхерботов шведского контр-адмирала Нильса Эреншильда (Nils Ehrenschöld) был послан к западному берегу Гангутского полуострова для занятия позиции у места предполагаемой «*переволоки*». Остальная часть флота под командованием адмирала Ватранга находилась на прежнем месте в 2 милях от урочища Агнаут. Ошибка шведов, что они раздробили свои силы, чем не замедлил воспользоваться контр-адмирал Петр Михайлов, который по суше ездил смотреть шведский флот.

25 июля наш корабельный и галерный флоты в Тверминне услышал пушечные выстрелы. Линейные корабли вышли в шхеры перед городком Тверминне. **Капитан-поручик Наум Синявин** на своём корабле прикрывал галеры, на которых пошёл вперёд Государь. Петр, ещё не видя противника, выдвинулся с 35 скампаевыми вперед, на линию сторожевых судов к середине полуострова. Приближаясь, он заметил, что шведский вице-адмирал Лиллье с 14 судами направился в море к юго-востоку, а на якоре остался адмирал Ватранг с несколькими линейными кораблями и фрегатами. На следующее утро Петру удалось установить, что Лиллье, выйдя из шхер, повернул к востоку в обход Тверминне, намереваясь там запереть выход в море русскому галерному флоту и зайти в тыл. Надо было принимать срочные меры для спасения нашего галерного флота, стоявшего у Тверминне.

Адмирал Фёдор Апраксин приказал, немедленно галерам приготовиться к выходу из бухты. Шаутбенахт Петр Михайлов решил прорваться в Аландские шхеры морем, обойдя стоявшие под берегом корабли Ватранга мористее, вне досягаемости их огня. Утром следующего дня 20 скампаев капитана-командора Змаевича начали прорыв. Шведский адмирал Густав Ватранг, заметив движение русских, тотчас же приказал сняться с якоря, но была хорошая летняя погода и шведские корабли из-за штиля не смогли двигаться. Вот эти большие линейные корабли пришлось ботами буксировать в море. Шведы открыли сильный огонь по прорывавшемуся отряду, но он не достигал русских галер. Попытка шведов помешать прорыву была безуспешной. Петр Михайлов и Апраксин, видя, что обход совершается удачно, послал по тому же пути еще 15 галер, стоявших до сих пор под командованием бригадира Лефорта в качестве сторожевых судов. Эти галеры также прошли успешно. Прорвавшиеся галеры заблокировали отряд шведского контр-адмирала Эреншильда в фиорде у деревни Рилакс у острова Падва. 26 июля главные силы галерного флота были передвинуты ближе к Гангуту. Петр прибыл на военный совет на галеру Апраксина. Там в 3 часа ночи, решили, воспользоваться новой ошибкой адмирала Густава Ватранга и провести главные силы галерного флота в промежутке между шведским флотом и берегом, придерживаясь к последнему так близко, как это позволит глубина.

С рассветом 27 июля стоял «*мертвый штиль*», адмирал Апраксин в строгом порядке повел свои галеры «*дал указ пробиватца сквозь оного, не огребая кругом*». Шведы, заметив новый маневр русских, открыли ураганный огонь. Но он не причинил русским вреда, так как шведский флот стоял далеко от берега, а наступивший штиль на море не давал возможности шведам подтянуть свои корабли к берегу. Как на ученье «*в стройном порядке, двинулись наши галеры одна за другой*». Только 3 шведских корабля, стоявшие ближе других к месту прорыва, были прибуксированы поближе к берегу и смогли сделать до 250 выстрелов, нанеся незначительные повреждения русским галерам «*только у одного капитана ногу отбили*».

Гангутское сражение. Старинная гравюра. Художник А. Ф. Зубов

Наши галеры, кроме одной, севшей на мель прошли благополучно. Шведами были захвачены *«один майор, капитан, два прапорицка, один комиссар, один казначей и один пастор,*

а равно мешок с деньгами и 179 нижних чинов». Смелый маневр русских моряков опять блистательно удался. Морская позиция шведов, казавшаяся неприступной, была обойдена. Гребцы не щадили сил и около полудня собрались в заливе против фиорда, где находилась запертая Змаевичем шведская эскадра. Теперь перед русским флотом стояла задача уничтожить заблокированный отряд шаутбенахта Эреншильда.

Передовым русским галерам было приказано не выпускать отряд шведов из Рилакс-фиорда. Контр-адмирал Эреншильд, используя выгодную позицию, расположил суда вогнутой линией, примкнув фланги к суше. В центре позиции стоял 74-пушечный линейный корабль «*Элефант*» (Слон), по сторонам его по 3 галеры, а позади линии 3 шхербота. На всех этих судах шведы имели 116 пушек и около 1000 человек экипажа. Тут подошли главные силы нашего галерного флота. Крупные галеры по диспозиции начали выстраиваться в боевой порядок: впереди «*авангардия*» под командованием шаутбенахта Петра Михайлова. Они расположились тремя группами: в центре 11 скамповей бригадира Лефорта; на правом и левом фланге по 6 скамповей генерала Вейде и Змаевича, Волкова и Дамиани. Своими загнутыми флангами авангардия полукругом почти охватила все неприятельские суда. Русские суда «*арьергардии и кардебаталии*» расположились за ними. Шведы имели преимущество в артиллерии.

Шаутбенахт Петр и адмирал Фёдор Апраксин понимали, что бой потребует множество жертв с обеих сторон. К шведскому контр-адмиралу Эреншильду послали генерал-адъютанта Ягужинского с предложением о сдаче. После безуспешных переговоров на мачте скамповеи Апраксина взвился синий флаг и раздался пушечный выстрел. Это был сигнал «*вступить в бой*», который продолжался 3 часа. Стреляли железными ядрами и картечью. Началась знаменитая «*Гангутская баталия*», покрывшая неувядаемой славой русских моряков. Шведы, надеясь на подход главных сил, оказывали упорное сопротивление, но из-за штиля главные силы не могли помочь своему заблокированному отряду. Невзирая на сильный артиллерийский огонь, русские передовые галеры два раза подходили к противнику, но оба раза были отбиты. Только в третий раз авангард под командованием шаутбенахта Петра Михайлова, ударив по флангам противника, сломил сопротивление шведов. Наши солдаты шли на abordаж и лезли даже по самым стреляющим пушкам, так что даже некоторые «*духом пороховым были разорваны*». Шведы, пользовавшиеся славой непобедимых, отчаянно сопротивлялись «*ни одно судно без абординования от наших не отдались*».

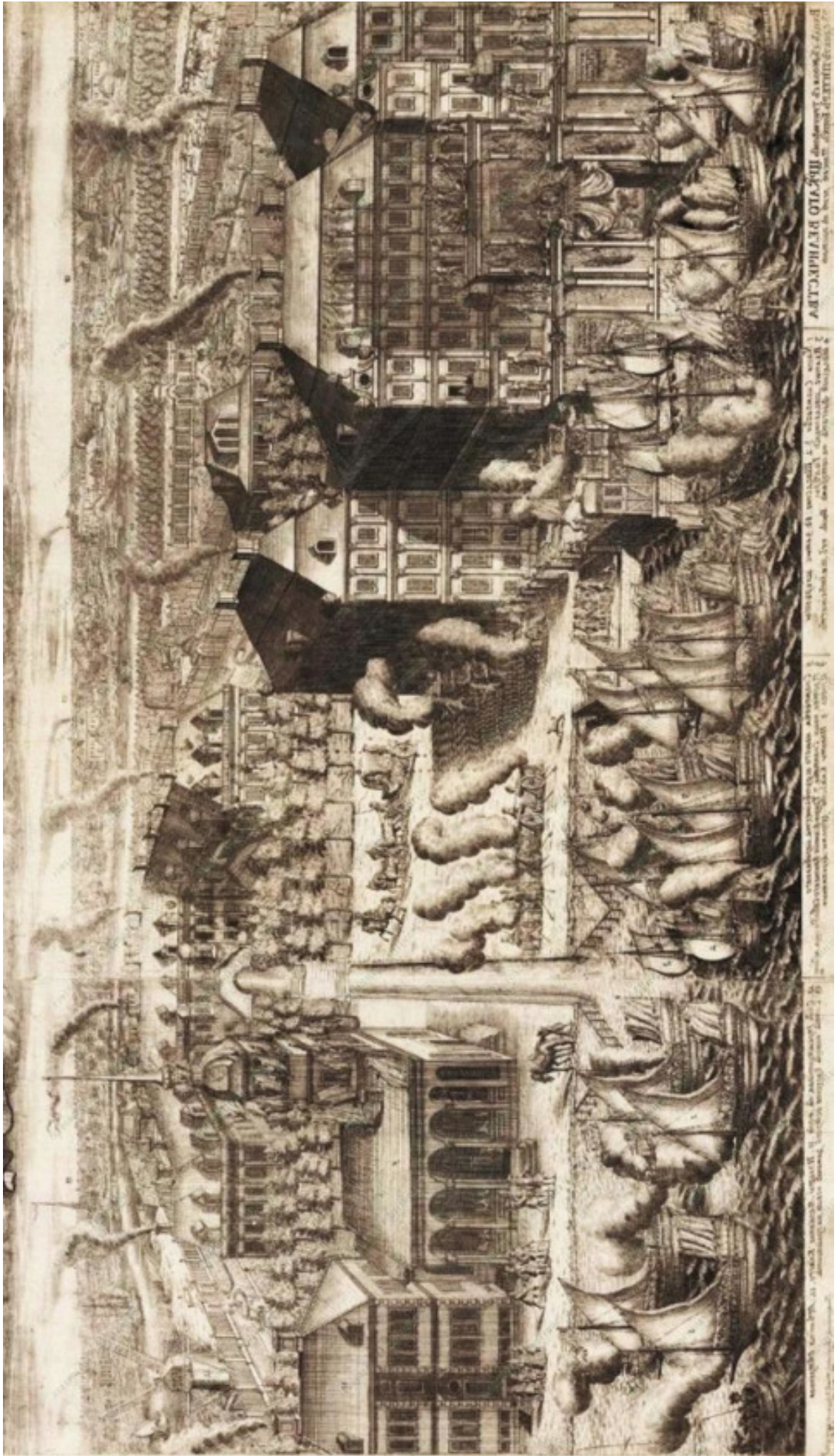
Отважный штурм русских заставил их сдаться. Одно за другим суда начали спускать флаги. Последним спустил свой флаг шаутбенахт Эреншильд. В бою он был ранен и хотел уйти на небольшой лодке, пользуясь нашедшим туманом, но был замечен и взят в плен «*Ингермоландскому полку от капитана Бакеева з гранодеры*». Петр всегда чтит храбрость противника. Здесь на корабле лично помогал приводить в чувство обескровленного шведского контр-адмирала Нильса Эреншильда и приставил к нему своих врачей. Этот герой оставался в нашем плену вплоть до заключения мира. Намного позже уже при освобождении Пётр Алексеевич в качестве признания мужества и героизма подарил Нильсу свой портрет, украшенный драгоценными камнями.

В Гангутском бою шведы потеряли 10 судов, вооруженных 116 пушками, 711 человек убитыми и ранеными, а оставшиеся 237 человек были взяты в плен; наши потеряли 127 человек убитыми и 342 человека ранеными. Занятие Финляндии открыло путь на шведскую столицу Стокгольм. Это была первая серьёзная победа, одержанная Балтийским флотом. Наш флот после боя вышел из бухты и стал на шхерном фарватере, ведущем в Або. Морально подавленный адмирал Густав Ватранг на другой же день оставил Гангут и ушел к Аландским островам, чтобы прикрыть берега своей страны.

3 августа адмирал Апраксин пошёл со всем флотом к Або. Пленные суда были отправлены в Петербург с капитан-командором Сиверсом. Великий шаутбенахт Петр Михайлов на своей скамповее успел захватить 2 шведских купеческих судна.

9 августа пришли к городу Аланту и послали бригадира Лефорта с 9 галерами к старому замку. 14 августа собрав всех командиров, наши руководители написали обращение к народу об окончании битвы. На другой день всех шведских офицеров посадив на 5 галер отпустили к Петербургу. Пленных генералов сопровождал сам Государь. В это время пришла новость от Выборгского коменданта полковника Шувалова, что он взял Нейшлотскую крепость. Захвачено там 18 пушек, много ядер и гранат. На корабле адмирала состоялся военный совет, на котором решили возвращаться к Гельсинфорсу и далее в Ревель.

1 сентября налетел сильный шторм, который чуть не погубил линейные корабли. На нескольких кораблях были сломаны мачты и волны накатывались такие что суда валились на бок и черпали воду. На корабле «*Святая Екатерина*» находился Царь Петр Алексеевич и он видел, как его корабль подняло и стукнуло об воду, что «*раскололся в двух местах бушприт*». Но слава Богу пронесло и ветер утих. Наш флот подошёл к Березовым островам и там укрылся. В это же время побил 16 русских галер в финских шхерах и погибли 74 матроса.

Прибытие шведских пленных кораблей в Санк-Петербург. Гравюра 18 века. Неизвестный художник.

4 сентября наш морской отряд вместе с пленными шведскими кораблями прибыл к Кроншлоту. Штормовой ветер не утихал и корабли прибыли в Петербург лишь 9 сентября. Пленные суда выставили перед площадью на Неве. Взятые флаги и шведских офицеров, и моряков вывели в город. Этот момент можно видеть на старинной гравюре того времени. Корабли стоят у Васильевского острова, а с берега салютуют пушками. На мосту Петропавловской крепости в честь победителей была построена Триумфальная арка. На одной из картин был нарисован орёл, напавший на слона и подпись *«орёл не мух ловит»*.

Государь Петр Алексеевич после всех летних баталий снова заболел, поднялась температура и он слёг, но благодаря *«добром старании медиков»* снова был на ногах. С Адмиральской верфи 6 ноября спущены два новых линейных корабля *«Шлюсенбург»* и *«Нарва»*. 23 ноября освящена ново построенная церковь Воскресения Господня. В эти дни был выпущен орден Святой Екатерины и первой награждена была Екатерина Алексеевна за *«баталию с турки у Прута, где в такое опасное время не яко жена, но яко мужеская персона видима всеми была»*. Шаутбенахту корабельного флота Петру Алексеевичу за Гангутскую баталию присвоено звание *«вице-адмирала синяго флага»*, а генерал Вейде награждён орденом *«Святого Андрея Первозванного»*. Капитаны-поручики Наум и Иван Синявины награждены были золотыми медалями и получили денежную премию.

Здесь следует сказать про старшего брата, который строил Петербург **Ульяна Акимовича Синявина**. В октябре по доносу писаря из канцелярии он был взят под стражу и помещён в один из казематов Петропавловской крепости. На следующий год Черкасский был назначен обер-комиссаром столицы и ему поручен был надзор за производством архитектурных работ в ней, причем сам Пётр дал ему *«пункты о постройке строений»*. Именным указом ему повелено было наблюдать, *«чтобы никто против указу и без чертежа архитекторского нигде не строился»*. С назначением князя Алексея Михайловича Черкасского на пост губернатора Сибири и за недостаточей улик был помилован и восстановлен в прежней должности директора Канцелярии городовых дел.

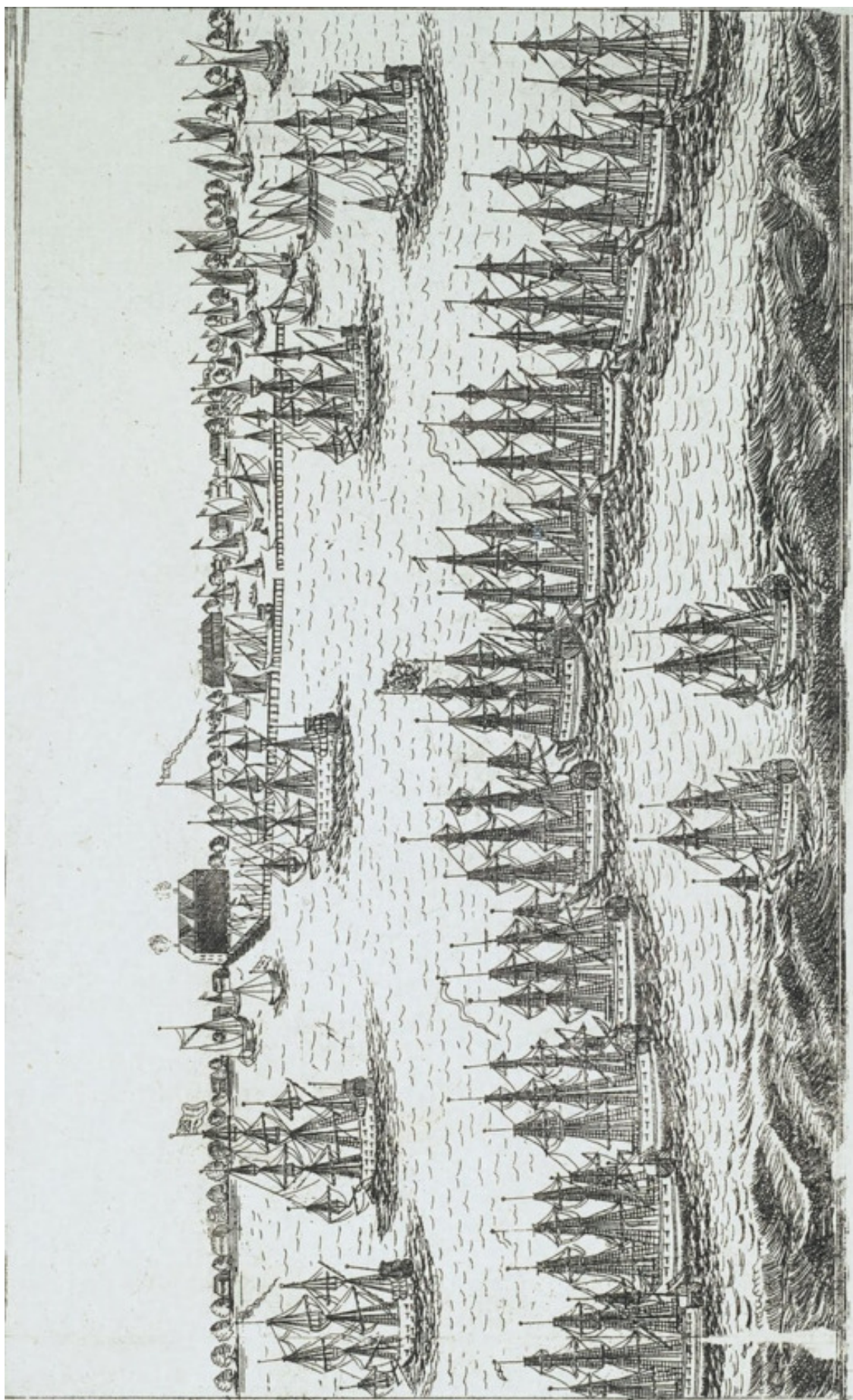
4 декабря 1714 года прибыли из Константинополя полномочные послы Петр Андреевич Толстой и Петр Павлович Шафиров с *«подтверждением с Турками вечнаго мира»*.

Наступил **1715 год**, стояли сильные морозы. В Петербурге на Адмиралтейских верфях и Кроншлоте Государь Петр Алексеевич приказал капитану Эдварду Лейну все бывшие в походах карабли *«валать»* и *«производить им починку»*. Так же был приказ капитанам Петру Бредалю и Велиму Фангенту в Ревеле производить ремонт мачт, рей, делать *«килгален, салить и мазать»* оставшихся там на зиму 12 кораблей. Капитан Наум Акимович Синявин так же производил ремонт своего *«Рандольфа»*. Весь Балтийский флот в этом сезоне Петр планирует из 29 кораблей *«от 40 до 70 орудий»*. Новопостроенные и купленные в Британии князем Борис Ивановичем Куракиным 3 корабля планируют привести вместе с Английским флотом. Осип Соловьев купил в Голландии 2 новых корабля.

Адмирал Федор Апраксин вместе с Государем решают в марте отправить, как и прежде капитана-поручика **Ивана Акимовича Синявина** в Архангельск к вице-губернатору Лодыженскому за проводкой кораблей в Ревель через Копенгаген *«принять там 4 корабля и управить оные к ходу как наискорье»*. Апраксин ему рекомендует *«...где случиться идти мимо датских воинских кораблей, то поступать по поставленным с ними пунктам, а от других кроме гогландских, отдаляться... а вымпелы и парусов не спускать под смертную казнию, но обороняться сколько возможно... имена кораблям Уришл, Селафаил, Ягудишл, Варахишл»*. Капитан Иван Синявин поднял свой флаг на 52-пушечном *«Уришле»*, на *«Селафаиле»* был капитаном Витус Беринг. После очень трудного плавания эти два корабля в ноябре прибыли

в Копенгаген. Из-за сильнейшей бури их до того раскачало, что по приходе в порт их пришлось «килевать».

Ещё в ноябре король Карл вернулся из Турции в Стральзунд. Шведы снова пришли в себя после поражения, и многие морские капитаны надеялись на лучшее в новом году. Шведские корсары, поощряемые королём, начали захватывать множество торговых судов разных стран. Англия и Голландия решили выслать свой соединённый флот из 32 линейных кораблей в Балтийское море. Капитану Науму Сенявину Государь выдал предписание руководить вооружением и оснащением линейного корабля «*Ингерманланд*», в постройке которого царь принимал непосредственное участие и на котором впервые поднял свой вице-адмиральский флаг. Корабельный флот стоял у Кроншлота. 27 июня внезапно от молнии взорвался линейный 64 пушечный корабль «*Нарва*» и почти все 400 человек экипажа погибли. 6 июля корабельный флот из 30 вымпелов пришли в Ревель. Адмирал Апраксин имел свой флаг на «*Леферме*», а вице-адмирал Пётр Михайлов поднял флаг на «*Ингерманланде*», капитан-поручик Наум Синявин держал флаг на «*Страфорде*».

Флот у острова Котлин Гравюра 1715года. Художник П. Пикарт

В августе того же 1715 года Сенявин на корабле «*Страфорд*» был командирован царем в Голландию и Англию с заданием произвести обширные закупки. Требовалось приобрести не только шлюпки, пушки и другое снаряжение, но и семена огородных растений. На корабль нагружено 270 бочек «*смальцу*», 300 бочек смолы, 72 «*бунта пеньки*». В задачу капитана-поручика Наума Акимовича Синявина входил так же поиск и наем на службу людей, обученных работе с водолазным колоколом. На обратном пути «*Страфорд*» был затерт во льдах у острова Тексель. Наум Синявин писал Государю про свой корабль «*...нанятыми людьми большими помпами воду всю вылил и починивать оный начал*». Корабль был спасён, удалось залатать пробоину, и он уже стоит ждёт, когда сойдёт лед чтоб соединиться с капитаном Бредалем у голландских берегов. Весной его отправляют в Копенгаген. Он везёт туда нанятых капитаном Шельтингом 400 матросов на новопостроенные корабли: 52 пушечный линейный корабль «*Девоншир*», 54-пушечный «*Портсмут*», 60 пушечный «*Мальбург*» и фрегат «*Самсон*». В отношениях с иностранцами Наум Синявин не расшаркивался, а твердо отстаивал честь русского флага. Когда голландский капитан «*ошибочно*» принял «*Девоншир*» за торговое судно и потребовал его досмотреть на предмет контрабанды, Синявин ответил категорическим отказом, выражая готовность сразиться в случае чего со всем голландским флотом. В другом случае капитан военного корабля под флагом вольного города Гамбург не отсалютовал русскому кораблю, заявив, что не знает такого флага. Чтобы повысить эрудицию немца, капитан Наум Синявин приказал трижды выстрелить из пушки по гамбургскому штандарту, после чего русский военно-морской флаг удивительным образом начали узнавать и салютовать. Иван Синявин по указанию адмирала флота летом этого года вышел в путь с 4 кораблями и одним транспортом в Белое море. Здесь открылась течь на корабле «*Ягудил*» и он отправил его в Архангельск. Капитан Иван Акимович Синявин в декабре доносил Петру «*что 27 ноября прибыл он с капитаном Витусом Берингом в Копенгаген. Капитан-поручик Бенс зашёл на своём корабле в Флекен. Ржи я от города не взял; а взял 1000 пудов свинца, да 500 пуд железа. Оно здесь дороже нежели у города, и ежели будет нужда, то стану оное продавать; корабль от великих штормов разшатался и не возможно пробыть чтоб не учинить килевания. А транспорт стал против Хотенбурга на Клип и от великаго шторма пропал. Есть здесь в Копенгагене слух, что Поручик и при нем несколько Русских и иноземцев спаслось*». Государь ему пишет в приказе, чтоб он остался в Копенгагене до его последующего повеления.

Летом **1716 года** вся Балтийская эскадра в количестве 22 вымпелов прибыла в Копенгаген, где её дождался вице-адмирал Пётр Алексеевич. Сюда же пришли корабли английской эскадры под командованием адмирала Джона Норриса. Сюда же пришли голландские суда. Царь на шнявах «*Принцесса*» и «*Лизета*» осматривал неприятельский берег от Гельсинборга до Ландскроны. Датский генерал-адмирал Гульденлев привёл свой флот. Вице-адмирал Петр Михайлов отправляет капитана Ивана Синявина на корабле «*Архангел Уриил*» в разведку к острову Ганно вместе с английскими и датскими кораблями и сказал: «*... между тем ежели увидишь неприятеля в числе 10 кораблей или меньше, тогда поставит вам флаг свой на фок-стенге и выстрелит одинаково, а ежели увидишь 20 кораблей или больше поставь на грот и на фор-стенгах по флагу и выстрелить*».

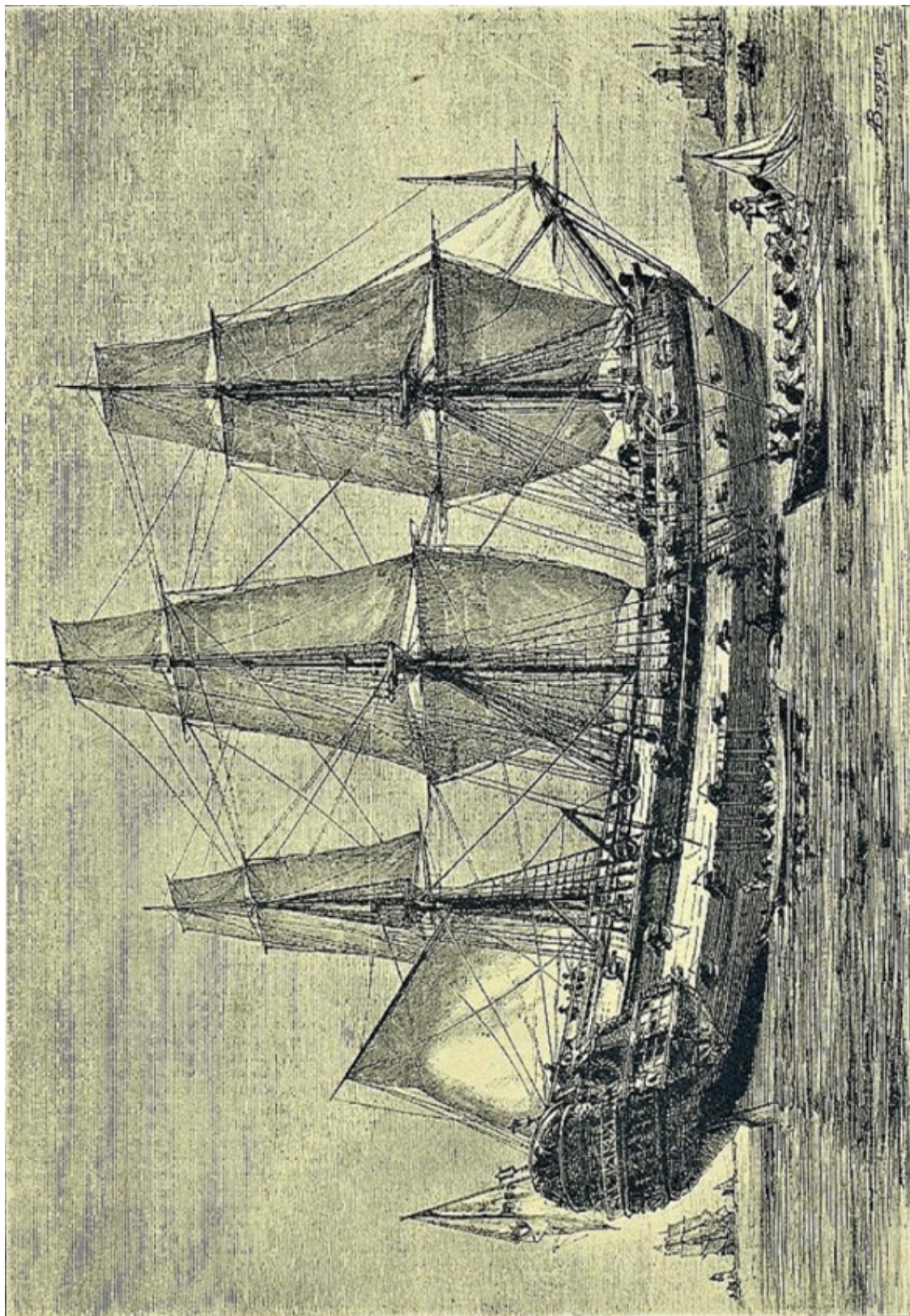
Здесь сделаю отступление и приведу цитату из очерков Ф. Ф. Веселаго про флаг и русский флот: «*... укажем на Наума Акимовича Синявина, который при своём крайне дерзком характере был одним из отличнейших и достойнейших русских моряков своего времени. До чего могла доходить дерзость Синявина в частных сношениях, показывает следующий случай: в бытность свою в июне 1716 года в Копенгагене он поссорился с генералом-адъютантом Девьером, доверенным лицом государя и зятем князя Меншикова. Наум Акимович, зазвав Девьера к себе на корабль, так обругал его, что по словам поданной жалобы «ника-*

кой шельмы, которой достоин руганья, не можно так ругать». Но Синявин этим не удовольствовался и в заключение побил противника, после чего тот, притворно или действительно, но более недели пролежал в постели. Однакоже распорядившийся таким образом вне службы, тот же Наум Акимович, вот как понимал и отстаивал высокое значение русского флага: когда Синявин, бывши с своим кораблём в Текселе, пошёл оттуда в Англию, то агент наш Соловьёв заметил ему, что он напрасно не позволил голландцам осмотреть свой корабль, когда те просили об этом, потому что, за отказ в осмотре, корабль едва не арестовали. Синявин отвечал: «корабль свой осматривать не дал, то есть правда, того ради, что я ещё хочу честь и живот свой продолжать, а буде я бы оный дал осматривать, то весьма честь и живот вскоре минулся, и хотел бы сего шельмища видеть, который вам грозит арестованием! Разве и весь голландский флот на мя подвинется и тот добровольно осматривать не может, разве силою. Правда, мы здесь сильны только одним флагом и вымпелом. для чего не боимся и всего их флота, а за оныя его такие непотребные слова об аресте корабля вашей милости не надлежало донести кому надлежит, понеже хотя бы на будар был поставлен флаг и вымпел Его царского Величества, то уже корабль стал военный, а не торговый, которому на море всегда голландский военный корабль мусит (должен) салютовать и вымпел свой спустить, что мы столько раз видели и впредь будет!».

Государь Пётр 5 августа 1716 года поднял флаг на русском линейном корабле «Ингерманланд» и дал команду флоту сниматься с якоря. Никогда Балтика не видывала более величественной парусной флотилии четырёх государств. Эта армада состояла из 69 военных кораблей: 21 линейных русских кораблей, 19 английских, 6 голландских, 23 датских и более 400 торговых судов, перевозивших пехоту. Из письма барона Шафирову к князю Меншикову от 7 августа находим такие слова: «...такой чести ни один монарх от начала света не имел, что изволит ныне командовать 4 народов флотами, а именно английским, русским, датским и голландским, чем Ваше Сиятельство поздравляю». В письме к Апраксину Пётр писал: «...чаю ваша милость сие прочтя пословицу свою не забудешь, что от роду впервые». К вечеру все флоты стали на якорь в Киегенбухте, где простояли 2 дня. Видя такое превосходство кораблей шведский флот числом линейных кораблей до 21 флага ушел из Балтики в Карлскронскую гавань под защиту пушек. 14 августа Государь с отрядом из 4 кораблей и 2 шняв отбыл к Стральзунду. Капитана-поручика Наума Синявина Пётр отправляет на корабле «Девоншир», с фрегатом «Самсон» крейсировать между Борнгольмом и Ругеном: «...и там проведать нет ли каких неприятельских фрегатом, которые искать и отогнать или с Божию помощью разорить... торговые шведские суда брать и приводить». Корабельная эскадра под начальством шаутбенахта Вейбранта Шельтинга в конце октября отправилась на зимовку в Ревель. В ноябре Иван Синявин произведён в капитаны 3 ранга и отпущен в деревню к родным на побывку.

С начала 1717 года Пётр Алексеевич отправился в Голландию и Францию. Балтийский флот под руководством генерал-адмирала Апраксина должен крейсировать между Гангутом и Дагерортом. Если появится сильный шведский флот, то уходить к Кроншлоту. Порт Ревель велел приготовить к защите, туда отправились Фёдор Апраксин и Корнелий Крюйс. Пётр писал «первое, что неприятелю страх, другое, обучение людям, третье ежели надобно будет всегда готова и ретирада безопасная, понеже тут море узко и неприятелю обойти нельзя». Шведскому флоту вместо нападения на русских пришлось скрываться в своих гаванях, потому что у шведских берегов стоял английский флот из 25 кораблей.

15 мая 1717 года произошло радостное событие, родились две дочери близняшки у Наума Акимовича Синявина и Неонилы Федоровны Языковой, которых назвали Авдотьей и Феодосией. Жена Неонила была младше Наума на 8 лет. После рождения душевно больного первенца Якова у этой четы Наума и Неонилы Синявиных долго не было детей и вот родились две прекрасных дочери.

Русский линкор «Ингерманланд» рисунок из альбома «Русский военный флот» 1904 года.

Весной **1718** года корабельный флот числом 32 вымпелов под начальством адмирала графа Апраксина на «*Москве*», вице-адмирала Петра Михайлова на «*Ингерманланде*», шаят-

бенахт князь Меншиков на «*Святом Александре*», так же были контр-адмиралы: Шельтинг на «*Марльбурге*» и Паддон, командоры Сиверс, Сандерс, Гордон и соответственно капитан Наум Синявин на «*Девонишире*». Общее число экипажей составляло более 10000 человек и 1436 пушек. Вся армада пришла в Ревель иногда высылая по 5 кораблей в крейсерство. В этом году спущен на воду линейный 90 пушечный, трёхпалубный корабль «*Лесное*». В строительстве принимал непосредственное участие Государь «*тесал киль, работал на верфи у корабля*». **Иван Акимович Синявин** приобрёл особенную доверенность у Царя и когда один из чиновников Адмиралтейских Провиантских магазинов проворовался он его назначил «*Презусом Комиссии Военного суда*» и назначил к нему помощниками подпоручиков Головина, Золотарёва, Ладыженского, Торсона и Гарбоу.

В январе **1719 года** Пётр отправляет капитана-поручика **Наума Синявина** в Гамбург, для принятия корабля «*Рандолфа*» подаренного Государю королём прусским. После возлияний в новогодние праздники у Петра опять проявились боли в почках, и он был вынужден в зимнее время отправиться на лечение на воды. Государь отбыл к Олонецким минеральным водам куда ему пришло известие, что умер шведский король Карл и государством правит его сестра Ульрика-Элеонора. Он усиленно лечился, принимал воды в течение 20 дней, и, вероятно, они процедуры ему помогли.

Пётр Алексеевич принимал активное участие в составлении «*Правил докторских, как при оных водах поступать*». Там, в частности, есть такой пункт: «...а перед обедом чарку водки тем, которые обыкли, выпить позволяется, а особливо анисовой, а за обедом рюмки три вина Бургонского или рейнвейну, или легкого вина Французского, так же от жажды поллива или легкого самого пива пить помалу не запрещается». Зато квас, кислые щи, брага, овощи, ягоды и грибы, были запрещены к употреблению. Считалось, что они способствуют брожению и, соответственно, вредят здоровью. Вероятно, Петр брал с собой докторов «*медикусов*». В правилах были перечислены болезни, от которых избавляли марциальные воды: «...а имянно цынготию, ипохондрию, желчь, бессильство желудка, рвоту, понос, чечуйную, каменную, ежели песок или малые камни, и оные из почек гонит, от водяной, от запора, от апеленши, выгоняют глисты, а также лечат килы и от прочих болезней силу имеют». Именно туда на воды пришло письмо от Наума Синявина из Гамбурга, где он сообщает Петру: «...корабль Рандолф лежит у Глюкитата в гавани в безопасном месте ото льду, а яхта и торшилот лежат у Гамбурга и без починки на море идти не могут... договорился с корабельным мастером киль, гют, руль, рюсты новые сделать... в реке льду множество... мундиры матросам подрядил, воистину они очень голы... да капитан датский Питерсон просил принять в службу Царскому Величеству капитаном по 30 рублей».

14 апреля капитан Наум Синявин сообщает Государю, что он «*золочёную яхту*» отдал послу Василию Долгорукому, а с кораблём «*Рандольф*» и капитаном Блорием выходят из Копенгагена в Ревель куда и прибыли в начале мая. Его государь приказывает срочно прибыть на яхте в Петербург. Он приказал ему взять под командование крейсерский отряд из 6 кораблей и одной шнявы. 10 мая капитан Синявин отправляется в Ревель для приёмки под своё командование 7 кораблей с капитанами и командами. Здесь стоит перечислить линкоры, это 52-пушечные: «*Портсмут*» (Синявин), «*Девонишир*» (Зотов), «*Ягудишл*» (Деляп), «*Уршил*» (Торнгоут), «*Рафаил*» (Шапизо), «*Варахаил*» (Стихман) и 18 пушечная шнява «*Наталья*» (Лопухин). Этому отряду приказано срочно отправиться в Пилау и Данциг, так как туда пришли 3 шведских военных корабля. Шведы захватывают торговые суда с хлебом и отправляют их в Стокгольм. Тем временем капитан-поручик граф Александр Апраксин сын адмирала и капитан-командор Фангофт курсировали с кораблями между островами Лансдорт и Готландом и взяли в призы 18 торговых судов.

24 мая 1719 года капитан 2 ранга **Наум Акимович Синявин**, которому уже 39 лет на корабле «*Портсмут*» во главе морской эскадры встретили 2 шведских корабля и брига-

тину у острова Эзель. Он своим кораблём вступил в бой против командорского 50-пушечного линейного корабля «*Вахтмейстер*» капитан-командора Врангеля, фрегатов «*Карлскрон-Вапен*», «*Рускенфельт*», и бригантины «*Бернгардус*». Обоюдная стрельба продолжалась в течение 4 часов «...и с Божиею помощью против командорского корабля, подняв красный флаг стали стрелять и были друг против друга от пятого часа и даже до девятого». Шведский линкор «*Вахтмейстер*», став «меж двух кораблей и несколько времени беспрестанно в пушечном бою бился». Шведский капитан-командор Врангель стрелял точно и сбил на корабле Наума Акимовича «штанги имарса-фалы, отчего оба марселя упали на эзельгофты». Сделав «*Портсмутом*» разворот и встав против «*Вахтмейстера*» боком Синявин картечью уничтожил большую часть моряков и «запалил деку». С другой стороны, подошёл капитан Деляп на «*Ягудиле*» и решился на абордаж «капитан Деляп хотел абордировать, но потом отворотил и выпалил в противника всем лагом и испортил много такелажса и руль». После на помощь «*Портсмуту*» которому в корму приблизился другой шведский фрегат, подошёл «*Девоншир*» под командованием капитана 3 ранга Конона Зотова. Именно он открыл огонь бортовой артиллерией по шведскому фрегату «*Карлскрон-Вапен*».

Шведская бригантина «*Бернгардус*» помогая флагману Врангеля открыла огонь по Зотову. Флагман «*Вахмейстер*» попытался выйти из боя так как шведский капитан-командор Врангель, командовавший боем, был ранен и потерял сознание. Шведские корабли спустили флаги, а потом, когда наша артиллерия прекратила стрелять большой 50 пушечный корабль капитан-командора Германа Врангеля «*расставил все свои парусы и пошел на утек*».

Наши корабли «*Ягудил*» (капитан Деляп) и «*Рафаил*» (капитан Шапизо) по приказу Синявина устремились за ним в погоню, в то время как Зотов с кораблем «*Девоншир*» и шнявой «*Наталия*» остался с плененными фрегатами и бригантиной. Исправив повреждения, в погоню за шведским флагманом направился и Наум Синявин на «*Портсмуте*». Линкор имея малое количество парусов убежал как мог. Через 3 часа погони капитан Шапизо на «*Рафаиле*» атаковал неприятельский корабль, но, имея больший ход, проскочил вперед.

Эзельский бой. Картина 19 века. Художник Людвиг Рихард.

Капитан Деляп на «*Ягудише*» подошел к линкору «*Вахтмейстеру*» на расстояние, которое позволяло «*бросать с марсов гранаты*». Деляп приготовился брать неприятеля на abordаж, но шведские матросы изготовились к отражению атаки. Русский корабль изменил курс и произвел всей бортовой артиллерией залп. Развернувшись, капитан Шапизо также открыл огонь «*сделал всем лагом залп, которым кроме людей перебил у неприятеля много такелажа*». Шведский капитан Тролле заменил Врангеля и продолжил неравное сражение. К месту боя подошёл Синявин на «*Портсмуте*» и так же открыл огонь.

Тролле приказал спустить флаг, но канаты были перебиты и случилась заминка. Линкор «*Рафаил*» капитана Шапизо успел сделать ещё один залп. Оставшийся без мачт с пробоинами в бортах «*Вахтмейстер*» около трёх часов дня всё же спустил флаг. Капитан Деляп на «*Ягудише*» шлюпки так как все канаты были перебиты. Капитан Шапизо с «*Рафаила*» подспешил и отправил своих моряков принять сдачу шведского флагманского корабля. Позже в Ревеле оскорблённый такой несправедливостью Деляп говорил всем английскую поговорку «*я срубил куст, а он (Шапизо) убежал зайцем*». В итоге этого боя капитан 2 ранга Наум Синявин «*взял в призы*» линейный корабль «*Вахтмейстер*», 34-пушечный фрегат «*Карлскрон-Вапен*» и бригантину «*Бернгардус*». На судах было взято в плен 387 человек с капитан-командором Врангелем, убито около 50 и ранено 13 человек. Потери русских составили 7 человек убитыми и 9 человек ранеными. Наум Синявин после боя писал Петру: «*все сие... сделано без великой утраты людей, я иду со всею эскадрою и взятыми шведскими кораблями в Ревель*». Государь назвал Эзельскую победу «*добрым почином Российского флота*»

Капитан 2 ранга **Наум Акимович Синявин** был произведен через чин в **капитан-командоры**, командиры судов были произведены в следующие чины. Ему было пожаловано имение из отписанных в казну деревень в Рязанском уезде. Синявин получил от вице-адмирала Петра Михайлова медаль с надписью «*прилежание и верность превосходят сильно*» и денежную премию. Вернувшись в Ревель Наум Акимович заходил с «*призом*» и береговые пушки стреляя холостыми зарядами приветствовали его «*и тогда командор новый Синявин поставил на своем корабле бредевымпел и благодарил из 13 пушек, а потом Его Величество был в гаване и смотрел взятых шведских воинских кораблей*». **Эзельский бой** оказался первым корабельным сражением, в котором русским флотом была одержана победа пушечным огнем без abordаж. Победа у острова Эзель окончательно лишила шведский флот господствующего положения на Балтийском море.

2 июня 1719 года весь корабельный флот прибыл к Котлин острову под командованием Петра Михайлова на «*Ингерманланде*». После соединения со стоявшими на Ревельском рейде кораблями флот состоял из 21 линейного корабля с общим числом орудий в 1672 пушки и экипажем в 10711 чел. Спустя 4 дня галерный флот (132 галеры, более 100 островских лодок с 26 000 человек десантного войска) под командованием генерал-адмирала Апраксина прибыл к Ламеланду. Капитан-командора Наума Синявина Государь отослал с 4 кораблями для осмотра неприятельского берега.

12 июля генерал-адмиралом Апраксиным были отправлены 21 галера и 12 островских лодок с десантными войсками под командой генерал-майора Ласси к северу от Стокгольма с целью его разорения.

Через десять дней произошла высадка десанта численностью 2400 человек генерал-майора Ласси на шведский берег близ деревни Лефста. Встретив на берегу шведский отряд из 1600 воинов, Ласси атаковал его и обратил в бегство. Наши морские десантники углубились на шведскую территорию, уничтожили железные рудники и заводы, после чего возвратились на свои суда и отправились к главным силам галерного флота.

№. 40.

Указъ господину Капишану Командору Синявину.

Ишшишь тебѣ съ кораблями, Урїиломѣ, Сеалфїиломѣ и Рандольфомѣ, прямо къ Швецкому берегу, къ Спокгольмскому фарвашеру сколько возможно блиско, и ошшоль возлѣ того берега до Ласерсоносѣ и осмошрѣшь, ешшь ли какія непрїяшельскїе корабли, и чшо увидишь, съ шѣмѣ репоршомѣ пришишь ко флошу; буде же непрїяшель подѣ мочѣ, чинишь промыслѣ, а буде силенѣ, решировашься ко флошужѣ.

Подлинной подписанъ собственною Его Императорскаго Величества рукою тако :

ПЕТРЪ,

На кор: Ингермонландїи при Родгамѣ на якорѣ. Іюля 8 дня 1719.

Снимок из архивной переписки Петра 18 века.

13 августа 1719 года галерный флот генерал-адмирала Фёдора Матвеевича Апраксина подошёл к проливу Стекзунд, ведущему в Стокгольм, и произошла высадка на оба берега пролива десантов по 3 батальона пехоты под командой князя Иван Фёдоровича Барятинского на левый берег и Фёдора Стрекалова на правый берег. Между отрядом князя Барятинского и шведским отрядом генералиссимуса принца Гессен-Каеельского (2 полка пехоты и 1 полк кавалерии) произошло кровопролитное пятичасовое сражение. В итоге этого сражения шведы были разбиты наголову и обращены в беспорядочное бегство.

В результате успешных набеговых действий, продолжавшихся свыше месяца, было уничтожено много металлургических и оружейных заводов, захвачены торговые суда и другие трофеи. Государь Пётр Алексеевич так же хотел оказать на шведское население информационное воздействие. На шведском и немецком языке был напечатан манифест, который распространяли среди местных жителей. В нём разъяснились причины войны, Россия предлагала мир. Сообщалось, что погибший шведский король Карл хотел заключить мир, но нынешнее правительство Швеции желает продолжить войну.

№. 42.

Господинъ Капитанъ Командоръ!

Письмо ваше отъ 6 сего мѣсяца отъ Дагарорта писанное чрезъ Поручика вашего получилъ, на которое отвѣшшвую, что кораблямъ обѣимъ сюда ходить непочто, понеже и весь флотъ въ Ревель скоро будетъ. Слава Богу, что у васъ болѣе поврежденья нѣтъ. Мы зѣло сумнѣвались, что такъ долго о васъ не вѣдали; а вы получа сие письмо поѣзжай въ Петербургъ и тамъ прими корабль, С. Исакия Викторю, и радѣй о выводѣ скорей къ Кроншлоту.

Изъ флота отъ Ламеланта въ 12 день Августа 1719.

Подлинное писано собственною Его Величества рукою и подписано тако:

ПЕТРЪ.

Снимок из архивной переписки Петра.

Вина за военные бедствия возлагалась на правительство Ульрики-Элеоноры. Народу предлагали оказать воздействие на своё правительство с целью скорейшего заключения мира. Граф Андрей Иванович Остерман отвѣз в Швецию несколько сот экземпляров этого манифеста. Шведское правительство, почувствовав силу нового удара русской армии и флота, обратилось к Петру с просьбой прекратить военные действия и продолжать мирные переговоры.

Несмотря на поражение Швеции и усиление России в Балтике произошли коренные изменения на политическом поприще. Англия, Пруссия и Дания вопреки бывшего сотрудничества с нашим Государём вдруг внезапно заключили мирный договор с Швецией. Пётр понимал, что теперь совместно англо-шведский флот может сделать нападение на Россию. Он решил спешно усиливать свои порты Котлин, Ревель и Санкт Петербург *«оборону флота и сего места иметь до последней силы и живота, яко наглавнейшее дело»*.

Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин. Художник В. Н. Бовин.

Для усиления и реконструкции крепостей из Петербурга были привезены гвардейские полки и несколько тысяч крестьян для строительных работ.

Именно в этот год старший брат **Ульян Акимович Синявин** был назначен командовать всеми кирпичными заводами. Англо-шведский флот из 25 вымпелов в конце мая появился перед Ревелем, но простояв неделю удалился к Стокгольмским шхерам. Получив известие что неприятель показался близ острова Ламеланда князь Михаил Голицын с галерным флотом отправился искать шведов. Он вышел к острову Гренгаму *«где было место для наших галер способное»*. Шведский вице-адмирал Шеблат снялся с якоря и пошёл на сближение, подвергнув наши галеры обстрелу. Галерный флот стал поспешно отступать на мелководье, куда и попали преследующие его шведские корабли. На мелководье шведы напоролись на мель и более маневренные русские галеры и лодки перешли в атаку и сумели взять на бордаж 34-пушечный фрегат *«Стор-Феникс»*, 30-пушечный фрегат *«Венкер»*, 22-пушечный *«Кискин»* и 18-пушечный *«Данск-Эри»*, после чего оставшаяся часть шведского флота отступила. Убито

было 103 шведа и 407 взято в плен, у наших убито 82 человека и 246 ранено. Этим сражением окончились военные действия этого года. Наши держались в оборонительном положении, а неприятель не делал попыток к нападению.

В 1721 году Наума Акимовича Синявина как опытного морского командира назначили присутствовать в Адмиралтейств-коллегии. Он участвовал в её работе в столице и в местах базирования флота. Он был направлен «для наилучшего изследования дел», контроля за строительством кораблей на верфях, вооружением кораблей после зимнего периода отстоя в гаванях и их разоружением на зиму. При его присутствии были спущены на воду, когда ещё не сошёл лёд три корабля 80-пушечные «Святой Андрей», «Святая Екатерина» и «Фридемакер». Командиром на «Св. Андрее» стал капитан-командор **Иван Акимович Синявин**, который так же присутствовал на заседаниях адмиралтейской коллегии. Под её руководством были различные отдельные управления такие как: военно-морская, адмиралтейская, обер сарваерская, провиантская, подрядная, мундирная, счётная, лесная, контролёрская, цехмейстерская, казначейская, и аудиторская. Иван Акимович построил себе дом на Котлин острове. Дом был большим и сложен был из камня «в доме было 4 жилых комнаты и двое сеней: из службы: кухня, людская комната, конюшня, баня и погреб». Иван Синявин весь прошлый год занимался доставкой леса из Казани для строительства этих линкоров. Эскадра под руководством Наума Синявина стояла у Гельсинфорса при заключении **Ништадского мирного договора**. К России отошли часть Карелии, расположенной к северу от Ладожского озера, с Выборгом, Ингерманландия от Ладоги до Нарвы, часть Эстляндии с Ревелем, часть Лифляндии с Ригой, острова Эзель и Даго. За эти земли Россия выплатила Швеции компенсацию в 2 млн ефимков или 1300000 рублей.

Государю Петру Алексеевичу было присвоено звание «адмирала красного флага... дабы в знак понесённых своих трудов в сию войну». **Науму Акимовичу Синявину** было присвоено звание контр-адмирал или по-старому шаутбенахт. Этот мир укрепил за Россией значительные приморские порты. Нашими стали Выборг, Нарва, Ревель и Рига. Уже не окно прорубил Пётр в Европу, а целую дорогу.

Русский историк морского флота, генерал **Фёodosий Фёдорович Веселаго** в своём труде «Очерк русской морской истории» пишет: «*Временное утверждение России на Азовском море и прочное на Балтийском оправдали справедливость знаменательного изречения великого Государя: „Птеннат (владелец), который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет“.* Пётр Алексеевич создал эти две сильные руки, способные не только на защиту Родины от нападений врага, но и для угрозы ему в его собственных владениях. Теперь море перестало представлять для русских непреодолимую преграду, а напротив превратилось в торный, удобный путь. Создание флота придвинуло Россию к Европе».

22 октября в церкви Святой Троицы в Санкт-Петербурге, после литургии и прочтения мирного трактата, Сенат именем всего народа просил Царя за его труды, заслуги и благодеяния, оказанные отечеству принять титул «*Отца Отечества, Великого и Императора Всероссийского*». Государь Император Петр Алексеевич «*при выходе из церкви паки с восклицанием виват от народа и потом 3 раз из пушек и мелкого ружья поздравлен*». С тех пор считается, что страна стала **Российской Империей**. Имперский титул русского властителя был признан другими странами не сразу, но уже в то время «*де-факто*» Россия вошла в круг ведущих стран Европы и как Российская Империя стала участвовать в разделе мира. Эпохальное событие в истории страны ознаменовалось залпом сотен пушек с Адмиралтейства, Петропавловской крепости и Балтийского флота и со 125 галер. При стоящих 27 полках «*беглым огнем из мушкетов стреляно*». Очевидец тех событий пишет: «*...все, казалось, объято пламенем, и можно было подумать, что земля и небо готовы обрушиться... что казалось якобы валы петербургские и река Нева, которая галерами наполнена была, загорелась*». Были изготовлены два

специальных фонтана на площади, которые *«из одного белое, а из другого красное вины испу- щали... и ещё многими птицами наполненный бык, целой жареной позлащенной, поставленный на полку о шести степенях народу на употребление отдан»*. Всю ночь были зажжены различ- ные фейерверки и специальные триумфальные пирамиды *«якобы алмазы и бриллианты были и у каждой по звезде такого же огня... зажиганы колеса, фантаны и протчия огнестрельныя пушечныя вещи»*.

В следующем **1722** году Царь Пётр Алексеевич предпринял поход из Москвы в Астра- хань, а затем в Каспийское море. Летом он с войсками занял Дербент.

Здесь хочу сказать читателю, что у Наума Акимовича 5 октября в Северной столице родился сын Алексей Наумович Синявин, герой моей книги будущий адмирал Российского флота. Тем временем в Петербурге 6 ноября 1722 гола по окончании мореходного сезона, была собрана Адмиралтейская коллегия, которая направила шаутбенахта Наума Синявина в Воро- неж *«и в транжамент и в приписные к адмиралтейству города на железные и прочие заводы для освидетельствования оных»*.

Сделаны были распоряжения о воссоздании верфей в Таврове и Павловске. Указом адми- ралтейской коллегии было велено построить в Воронеже 15 ПРАМов, 16 галер и 30 бригантин. Главным распорядителем дела назначен вице-адмирал **Матвей Христофорович Змаевич**. Мастерами для постройки прамов и бригантин **Федосей Моисеевич Склаев** и итальянец **Дипонтий**.

№. 48.

Господинъ Шаутъ Бенахтъ.

Людей мастеровыхъ и протчихъ Адмиралшейскихъ служителей, которыхъ указъ имѣешь выслать въ Писербургъ, получа сіе не высылай, пока здѣсь уви- дишся самъ со Мною. Того для управя дѣла свои приѣзжай сюды.

Изъ Преображенскаго въ 22 день Декабря 1722.

Подлинной писанъ собственною Его Величества рукою и подписанъ тако :

ПЕТРЪ.

Снимок из архивной переписки Петра 18 века.

В связи с низкими температурами на Волге Петр вынужденно поменял свой маршрут. От Царицына 23 ноября он поехал в сторону Воронежа, где планировал посетить судострои- тельные верфи. Пробыв один день в Воронеже он отправился на санях в Москву.

В апреле следующего **1723** года вице-адмирал Петр Михайлов посетил Котлин ост- ров и проводил осмотр военных судов. В мае был спущен на воду 52 пушечный корабль *«Михаил Архангел»*. Через месяц ещё один новый линкор 74 пушечный *«Леферм»* присоеди-

нился к эскадре. В июле весь Балтийский флот вышел к Ревелю, с ним в походе был сам Государь Император.

Генерал-адмирал **Федор Матвеевич Апраксин** был на линкоре «Гангут», адмирал Петр Михайлов на «Святой Екатерине» под руководством капитана Калмыкова, вице-адмирал Вильстер на «Фридемакере» с капитаном Бенсом, вице-адмирал Гордон на «Норд Адлере» с капитаном Армитажем. Шаутбенахт Наум Акимович Синявин находился на «Святом Андрее» с капитаном Баршем, шаутбенахт Дуфус на «Нептуне» с капитаном Деляпом, шаутбенахт Сандерс на «Святом Петре» с капитаном Трезелем. Вице-адмирал Вильстер в море перед Государем испытывал на полном ходу линейны корабль «Пантелеймон Виктория». Весь флот 12 июля пришел из Ревеля в Рогервик, где Государь в торжественной обстановке заложил гавань. Контр-адмиралу Синявину приказано было взять с собой 6 кораблей и идти в море к Гангуту и там курсировать между финскими берегами и островом Рогервиком. В отряд входили «Астрахань» с капитаном Грисом, «Мальбрук» с капитаном Мишуковым, «Рандольф» с капитаном Фремом, «Армонт» с капитаном Шапизо, «Полтава» с капитаном Вильстером. 20 июля Балтийский флот вернулся к острову Нарген и к Ревелю. Петр сухим путем отбыл в Петербург. Генерал-Адмирал Федор Апраксин приказал *«понеже морская компания более сего времени впредь продолжаться не имеет и главный флот возьмет свое следование для зимования к Кроншлоту»*. Весь флот после месяца в море пришёл в конце июля обратно в Кроншлот.

Адмирал Петр Михайлов встретил его у Красной горки и 5 августа сам привел его на кроншлотский рейд, куда встречать всех прибыла на яхте Императрица Екатерина. Когда Государь Петр Михайлов вернулся в Петербург он заложил новый 100 пушечный линейный корабль по составленному им самим чертежу (чертеж литера К), который так и назывался *«собственный Его Императорского Величества корабль»*. Корабельным подмастерьем был Матиас Каральбом. Этот линкор 1 ранга строили лучшие вольные плотники, получавшие большую зарплату 3 рубля 50 копеек в месяц.

Встреча флотом ботика Петра. Художник С.Д Всеволожский

По прибытии в Петербург адмирал Апраксин приказал капитану-командору Ивану Синявину «*в адмиралтейской коллегии присутствовать и в исправление коллежских дел вступить*». Адмиралтейская коллегия выслушала донесение капитана-командора Демьянова «*что на Васильевском острове у гаванного строения застроены 30 казарм, нет плотников, и они ныне стоят непокрытые*». Приказано срочно купить «*гвозди и ганты*» от подрядной конторы, сделать крыши и заселить матросов «*доколе оные солдаты и матросы при той работе будут, давать им денежного жалования сверх их окладных дач по 20 копеек человеку на неделю*». Велено заложить строительство при адмиралтействе 52 бота «*длиной до 35 футов, шириной до 10 футов и глубиной до 4 футов*».

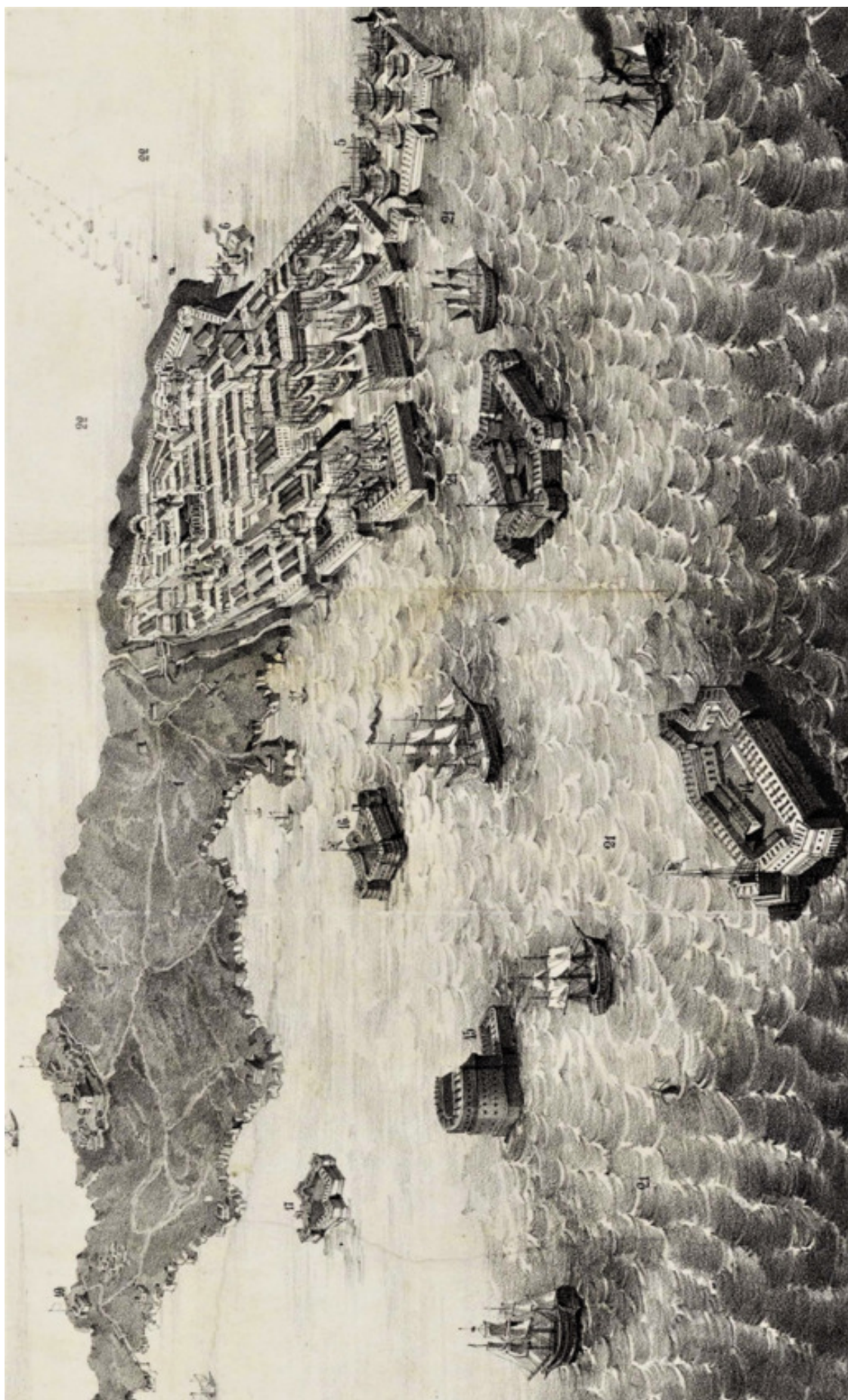
Пётр придумал устроить особое торжество, для почётного приёма «*дедушки русского флота*» среди его доблестных внуков. 7 августа ботик в сопровождении невского флота прибыл к Котлину. Все флагманы флота собрались на самом большом линейном 92-пушечном корабле «*Гангут*», стоявшие против средних ворот купеческой гавани. Все морские высшие офицеры спустили ботик на воду, поставили на нём мачту и подняв на ней штандарт, пошли на рейд. Адмирал Пётр Михайлов правил рулём, Фёдор Апраксин был командиром. На вёслах были вице-адмиралы Сиверс и Гордон и шаятбенахты Наум Синявин и Сандерс. Лоцманом был назначен вице-адмирал князь Меншиков, а фельдцейхмейстер Отто из маленьких пушек стрелял в ответ на салют флота.

В сентябре в Петербург прибыл персидский посол. Император Петр Алексеевич, посетив адмиралтейство приказал «*все палаты и магазины чистотою убрать и экипажеским офицерам и мастерам быть в добром платье, понеже сего числа 12 сентября всё будет смотреть персидский посол с его свитою, да французский капитан*». Адмиралтейской конторой в столице временно назначен «*управляющий должность директора*» капитан-командор **Иван Акимович Синявин** вместо вице-президента и адмирала Корнелия Крюйса. Новому исполняющему обязанности адмиралтейство прислало: «*1000 человек с Котлина острова с капитаном-поручиком Лопухиным направить для адмиралтейских работ в гавань к кранам, для варения пику к смольной бане, для таскания на магазины брусья*».

2 октября была заложена крепость и поселение на острове Котлин городка **Кронштадта**. Петр собственной рукой нарисовал чертёж крепости. Невский флот вышел сопроводить императорские яхты. После торжественного молебна Государь положил «*первые 3 куса дерна*», за ним последовала Императрица, принцы гессен-гамбургские, герцог голштинский и другие гости. Затем Петр Алексеевич «*угол отрезал как быть больверку и с Кроншлота учинена из пушек стрельба. Потом солдаты и матросы стали носить и класть дерн и как наложжили в длину до указанного места, а в ширину на 8 дернин, тогда на том заложен солдатами и матросами был погреб и знатным господам подношено было по бокалу хорошего вина бургонского. На вечер сидели все в доме у генерал-фельдмаршала князя Меншикова и ночевали все по своим судам*».

1 января 1724 года в честь Нового года в Троицкой церкви слушали литургию от епископа Тверского Лопатинского и по окончании в Санкт-Петербургской крепости была стрельба из пушек. После обеда была организована «*ассамблея в аудиенц-камере*» то есть бал и танцы в Сенатском зале, где встречали послов. Присутствовали все знатные гости герцог Голштинский, Гессен-Гамбургские князья, Государыня Императрица Екатерина с Цесаревнами и Царевны Екатерина Ивановна и Прасковья Ивановны оставшиеся дочери Иоанна Алексеевича и другие знатные дамы. На этой ассамблее присутствовали все братья Синявины: Наум, Иван, Ульянов Акимовичи. Потом был ужин и на Троицкой площади был организован праздничный фейерверк. На утро другого дня Государь был дома и чертил план города Кронштадт, а после обеда поехал на пороховые заводы на реку Охту и к генерал-фельдцейхмейстеру графу Якобу Брюсу главному человеку в России по артиллерии.

Кронштадт. Гравюра 19 века. Неизвестный художник.

В зимующую в Ревеле эскадре контр-адмирала Наума Акимовича Синявина *«приказано быть в готовности к 15 апрелю»*. В состав назначены корабли и фрегаты, а именно *«Принц Евгений»*, *«Перл»*, *«Рандольф»*. *«Крейсер»*, *«Амстердам-Галей»*, *«Кронделивде»*. Император указал загрузить на них провианта на 4 месяца, *«пороха по 20 выстрелов на каждую пушку... и ожидать о вояже указа»*. Вице-адмирал Сиверс передал указ Науму Синявину, прибывшему в Петербург, срочно отправляться в Москву к Государю.

Наступило 6 июня 1724 года, и Кронштадтская эскадра вышла в море к Красной горке под руководством вице-адмирала Даниэля Вильстера и шаутбенахта Наума Синявина числом 16 кораблей, 4 фрегатов и 2 бомбардирских корабля. Шаутбенахт Дуфус привел из Ревеля 4 линейных корабля и 2 фрегата. Весь флот занимался тренировками с 19 по 25 июня. Обучались молодые моряки и проводилось взаимодействие при маневрах. Однажды сильный ветер и шторм повредил 5 кораблей. Вице-адмирал так писал в адмиралтейств-коллегию: *«...повреждения здесь при Красной горке исправить было невозможно ...на корабле Москва контр-адмирал Синявин отправлен от нас для исправления той починки в Кронштадт, а по исправлении возвратиться паки сюда по-прежнему»*. 2 июля шаутбенахт Наум Синявин, исправив повреждения на 5 кораблях вернулись во флот.

5 августа Император Государь Петр Алексеевич прибыл в Петербург и через 2 дня был произведён спуск на воду 64-пушечного корабля *«Дербент»*. Государь всю ночь праздновал на нём *«до 4 утра и очень веселился»*. В октябре Государь на яхте отправился для осмотра работ на Ладожском канале и также посетил *«соловарни на озере Ильмень»*. На обратном пути в Петербург он **5 ноября** заехал на Лахту для осмотра Сестрорецких оружейных заводов. В один из тёмных и бурных вечеров сел на мель бот с матросами, и проезжая мимо Петр на шлюпке решил помочь утопающим. Его лодка так же остановилась в мелком месте и Государь, соскочив с неё по пояс в воде помогал спасать людей. Конечно, позже оказалось, что он сильно простыл и его болезнь ещё сильнее обострилась.

Наступил **1725 год** и Государь Император Петр Алексеевич, присутствуя в сильный мороз 6 января на церемонии Крещения, ещё раз простудился и слег с температурой. Когда болезнь немного отступила Петр подписал указ, касающийся наказанных солдат Гвардейских полков, в нём было сказано: *«...по которым делам в полках лейб-гвардии по военным артикулам присуждены к смертной казни или в ссылку на каторгу вечно, тем всем вины оставить, кроме государственных вин, касающихся к первым 2 пунктам и смертных убийств, и учиненных не однократных разбоев из-под арестов освободить и при свободе объявить им, что их тяжкие вины отпущены для здравия его и чтоб он о том его здравия к Богу молитвы свои принесли»*.

16 января у Государя наступило ухудшение здоровья, появился *«сильный озноб»*, Царя госпитализировали в Зимний дворец, и он уже почти не вставал с постели. Лечивший императора лейб-медик Блюментрост обратился за советом к знаменитым в то время европейским врачам Герману Бургааву в Лейдене и Эрнсту Шталю в Берлине. Так же они собрали на консилиум всех врачей, находившихся в Петербурге. 23 числа была сделана операция и больному стало чуть легче. Через два дня была сделана *«катеризация мочевого пузыря»*. 26 января Государь попросил есть, но во время приёма пищи у него неожиданно возник *«удар»*, он потерял сознание на 2 часа. Очнувшись, все медики констатировали, что Император утратил способность говорить и владеть левыми конечностями. Приглашены были священники и его миропозамазали. Архиепископ Новгородский Феофан Прокопович пишет в своих воспоминаниях, что: *«...в 27 день генваря, в исходе второго пополудни часа, государь весьма оскудевать и к кончине приближаться начал»*. Когда к нему явились священники и стали его причащать, то он *«засхлым языком и помешанными речью»* повторял слова молитвы. После этого в *«кон-*

торку», где лежал Пётр стали приходить прощаться сенаторы и генералы и «руку государеву с плачем и хлипанием целовать начали. Лежал он, молча и всех входящих взглядом приветствия». Наум Синявин успел попрощаться с Государём. Через некоторое время Пётр «не без труда проговорил „После“» это было его последнее слово. И «тем словом покоя ли требовал, или о времени смерти, следующем говорил, про то неизвестно, и так все из комнаты вышли». Телом и духом Император был силён и ещё 15 часов боролся за жизнь. Всю ночь Екатерины держала его за руку. Рано утром **28 января 1725 года около 6 часов** дыхание остановилось **Государь Император Петр Алексеевич умер.**

Наум Акимович Синявин, очень тепло и уважительно относившийся к Императору. Он и его братья болезненно восприняли кончину Петра I, которая ознаменовала собой завершение целой эпохи в истории России. Будучи уже к тому времени достаточно состоятельным человеком. Во время службы он получал жалование «100 рублей в месяц и имел при себе 6 денюжков». Наум Синявин и его братья во всех церквях, расположенных на своих имениях, справляли панихиды и в изобилии раздавали деньги нищим. При похоронах Государя Наум и Иван Синявины находились «при шнурах балдахина, несённого капитан-командорами». Взошедшая на престол Екатерина Первая сохранила к Синявину благосклонное отношение и позже наградила его орденом Святого Александра Невского.

После смерти Государя в Петербургской Морской Академии и Московской Навигационной школе училось 608 русских учеников для нужд флота. Всё духовное богатство, оставленное Петром в наследство стране, всё же привело к печальным результатам упадка его дела, забвения его уроков. Он умер, не назначив приемника. Русская знать провозгласила на правление страной его супругу Екатерину I. В «*верхушке*» страны начинают развиваться честолюбие и властолюбие. «*Верховники*» начинают интригами губить друг друга. В первый состав **Верховного Тайного Совета** вошли: Меншиков, Апраксин, Головкин, Толстой, Голицын, Остерман. В советники Адмиралтейств- Коллегии были назначены не флагманы, а ничем по службе не выделявшиеся капитан 3 ранга Шереметев, лейтенант Голицын, Дмитриев-Мамонов, Головин.

В начале **1726 года** в Адмиралтейскую Коллегию пришло донесение от капитана-лейтенанта Фёдора Соймонова что жесточайшем штормом изломало весь лёд и при наводнении подняло все суда (21 шт.) в Ярковой пристани на острове Четырёх бугров и вынесло на берег. Коллегия эту ситуацию донесла до Государыни Иван Акимович Синявин был произведён в контр-адмиралы (по-старому шаутбенахты) за свои заслуги перед флотом, с назначением командиром Астраханского порта. Но это ещё не всё по повелению Екатерины I его 19 летний сын **Иван Иванович Синявин** был произведён в мичманы Российского флота.

По пути в Астрахань Синявин осмотрел корабельные верфи и строящиеся там суда в Нижнем Новгороде и Казани. По прибытию в Астрахань организовал работу по проведению новой описи акватории Каспийского моря и судоходных рек, впадающих в него. На астраханской верфи предложил сосновые гекботы строить из более прочного дубового леса, а также превратить их из транспортных судов в военные, путём повышения высоты бортов и прорезания в них пушечных окошек.

27 августа 1726 года Иван Акимович Синявин скоропостижно скончался в Астрахани. Особое потрясение перенёс сын Иван, на глазах которого умер великий флотофодец его отец. Братья Синявины потеряли своего старшего брата. Его тело перевезли в Москву и похоронили в Златоустовском монастыре. На погребение Ивана Акимовича Синявина адмиралтейств-коллегия выделила 300 рублей его жене Анне Дмитриевне (урождённой Потёмкиной) и сыну 20 летнему мичману Иван Ивановичу Синявину. Старший брат ранее сибирский воевода, а позже судья в Боровске Ларион Акимович Синявин был переведён в Бахмут командовать соляными разработками.

*204. Высочайший указъ адмиралтействъ-коллегии, 1727 года
апрѣля 12 (').*

Видѣ челомъ намъ морскаго флота мичманъ Иванъ Синявинъ, чтобъ данныхъ отъ адмиралтейской коллегии для погребенія тѣла покойнаго отца его шаутбенахта Ивана Синявина 300 рублей, которые велѣно возвратить пакъ въ казну нашу, за многолѣтнюю службу отца его, въ казну не возвращать, а пожаловать тѣмъ его. Того для повелѣваемъ по вышеписанному его прошенію тѣхъ денегъ въ адмиралтейскую коллегію на немъ мичманѣ Синявинѣ и матери его нынѣ и вредъ не спрашивать.

Снимок из «Материалов по истории русского флота».

Наум Акимович помог своему племяннику в дальнейшем продвижении по службе и 4 мая «За многолетнюю службу отца и что служил на Каспійском море у смотра новозавоеванных крепостей и описания морских берегов в кампанію 1726 года», мичман Иван Иванович Синявин произведён в «унтер-лейтенанты до вакансии, без баллотирования, другим не в образец». Ему перешёл во владение дом на Мойке в Москве. Младшему брату Николаю был всего один год, а сестре Анне Ивановне 18 лет.

28 марта Наум Синявин назначен членом комиссии при кабинете Ея Императорского Величества для рассмотрения окладов и расходов двух воинских коллегій (военной и адмиралтейской).

Внезапно умирает в апреле от воспаления лёгких царица Екатерина I вступает на престол малолетний Пётр Алексеевич. 6 мая 1727 года **Наум Акимович Синявин** на 47 году своей жизни был произведён в **вице-адмиралы** став первым русским человеком, достигшим такого высокого чина. Затем он был назначен главным командиром над галерным флотом, то есть в его непосредственном подчинении находились все гребно-парусные суда российского флота, построенные в период Северной войны для действий в шхерах Финляндии. Строение больших кораблей было приостановлено, а наш герой продолжал строить галеры. Командовал флотом и готовил приказы адмирал Фёдор Апраксин, а малый государь Пётр II только подписывал. Вот что в «Истории руского флота» сказано:

наго Тайнаго Совѣта Императоръ приказаль: «для избѣжанія напрасныхъ убытковъ корабли большіе, средніе и малые фрегаты, что касается корпусовъ ихъ и принадлежащаго къ нимъ такелажа, содержать в всякой исправности и починкѣ, чтобъ въ случаѣ нужды немедленно можно было вооружить къ походу; провіанты и прочіе припасы заготовлять подождать, только изготовить изъ меньшихъ кораблей 5 — для обыкновеннаго крейсерованія въ морѣ, для обученія офицеровъ и матросовъ, а въ море безъ приказа не выходить; галерамъ же быть въ полномъ числѣ, готовить и дѣлать ихъ неослабно».

Снимок из документов «Истории русского флота».

В августе этого года Наум Акимович принял под своё командование 66 пушечный линейный корабль 3 ранга «Дербент» построенный в Санкт-Петербургском адмиралтействе Ричардом Козенцем при непосредственном участии Петра. Однажды в августе был сильный гром

и молнии, от которых на «Дербенте» раскололо фок мачту и у кюйт-каморы убило часового и ещё 3 моряков «под баком убило». Начальствуя отрядом судов и имея флаг на корабле «Дербент», Наум Акимович ходил в Киль для отвоза туда герцога голштинского и цесаревну Анну Петровну со свитою через Данию в город Киль «во время бытности в Киле в великом были все довольстве, и от их высочества получили в награждение все чины за треть жалования. Анна Петровна пожаловала золотую табакерку и изволила ездить в барже по всем караблям и прощатца... на котором карабле быв палено по 5 раз виват и по 19 залпов из пушек». После этого похода ему была пожалована деревня и имение в Брянском уезде. Наум Синявин был крепким, сильным, «с тяжельми чреслами» мужчиной среднего роста. Любил хорошо покушать и повеселиться. Он был «нрава открытого, лёгкого», но нередко, сталкиваясь с кем-либо из должностных лиц, проявивших неисполнительность, неистовствуя, мог ударить от души.

В 1928 году была проведена церемония Венчания на Царство в Успенском соборе Московского кремля Петра II. Он в основном развлекался, предоставив вести государственные дела князьям Долгоруковым. В Верховном тайном совете Апраксин, Головкин и Голицын выражали своё недовольство тем, что император не присутствует в Совете и двое членов его, князь Алексей Долгоруков и Остерман, являются посредниками между императором и Советом.

В праздник Богоявления 6 января 1730 года, несмотря на жесточайший мороз, Пётр II вместе с фельдмаршалом Минихом и Остерманом принимал парад, посвящённый водоосвящению на Москве-реке. Когда Пётр вернулся домой, у него начался жар, вызванный оспой.

В первом часу ночи 19 января 1730 года 14-летний государь пришёл в себя и сказал: «Закладывайте лошадей. Я поеду к сестре Наталии». Он был вгорячке позабыв, что она уже умерла. Через несколько минут Петр скончался, не оставив потомков или назначенного наследника. На нём дом Романовых пресёкся в мужском колене.

15 февраля 1730 года новая Государыня Анна Иоанновна торжественно въехала в Москву, где войска и высшие чины государства в Успенском соборе присягнули государыне.

№ 158.

Протоколь Верховнаго тайнаго совѣта.

21-го февраля 1730 г.

О немедленномъ прибытіи въ Москву генераль-кригсъ-коммиссару Головину съ вѣдомостями по его конторѣ и вице-адмиралу Науму Синявину съ отчетами о корабельномъ и галерномъ флотахъ, а также и о всякихъ адмиралтейскихъ работахъ.

1730 г. февраля въ 19 день, Ея Императорское Величество указала: генераль-кригсъ-коммиссару Головину съ вѣдомостями надлежащими до его конторы, такожъ вице-адмиралу Науму Синявину съ вѣдомостями же, какъ о корабельномъ, такъ и галерномъ флотѣ и о всякихъ адмиралтейскихъ работахъ и о прочемъ, что до Адмиралтейской Коллегіи принадлежить, быть въ Москву немедленно и о томъ въ Адмиралтейскую Коллегію послать указъ.

Подлинный подписали: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайло Голицыня, князь Василій Долгорукій, князь Дмитрій Голицыня, князь Алексѣй Долгорукій, Василій Степановъ.

Подписанъ февраля въ 21 день 1730 года.

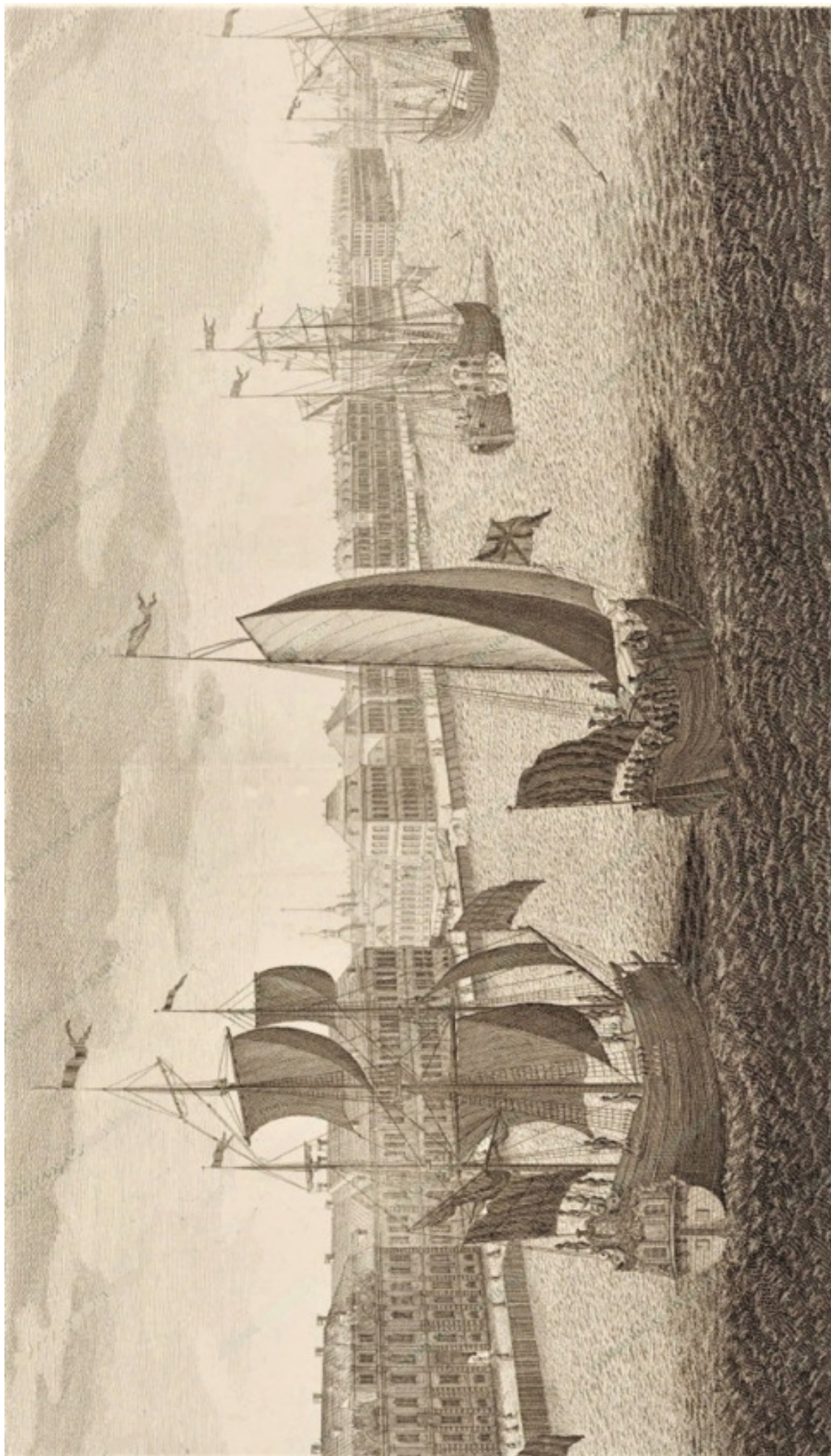
Снимок из «Истории русского флота» С. Веселаго

Сама Царица не очень интересовалась государственными делами, предоставив ведение дел своему фавориту Бирону и главным руководителям: канцлеру Головкину, князю Черкасскому, по внешним делам Остерману и по военным делам фельдмаршалу Миниху. Чуть позже Анна распустила Верховный тайный совет, заменив его в следующем году кабинетом министров, в состав которого вошли граф Андрей Иванович Остерман, граф Гавриил Иванович Головкин и князь Алексей Михайлович Черкасский. В этом году Наума Синявина вновь отличили. Царица наградила нашего морехода 1167 душами крестьян из деревень, приписанных к Тырпицким заводам. В этом же году умирает старший брат **Фёдор Акимович Синявин**, который работал с Ульяном Акимовичем на строительстве Петербурга.

В июне 1730 года Государыня Анны Иоанновны издала указ учредить Воинскую комиссию, целью которой было наведение порядка в армии: *«Всякий верный сын отечества признать должен, что крепость и безопасность государства, содержание мира и святого покоя от чужжих неприятелей и, следовательно, благополучие всех подданных по Бозе от содержания порядочной армии зависит; а по кончине дяди нашего многие непорядки и помешательства при ней явились и ныне еще являются и происходят, для поправления которых еще при тетке нашей [Екатерине I] и племяннике нашем [Петре II] особливые комиссии учреждены были, но в действо не произведены. Наше соизволение есть учреждение Петра Великого крепко содержать, все непорядки и помешательства исправлять и привести армию в доброе состояние без излишней народной тягости»*.

В 1731 году был заложен 66 пушечный линейный корабль «*Слава России*». Строительство вёл корабельный мастер в ранге капитан-командора Осип Най. Императрица распорядилась возобновить морские учения в Балтийском флоте с регулярным выходом кораблей в море: *«...иметь сие и людям обучение и кораблям подлинной осмотр, ибо в гавани такелаж и прочее повреждение невозможно так осмотреть, как корабль в движении»*. Адмиралтейств-коллегия приказывает вице-адмиралу галерного флота Матвею Христофорычу Змаевичу *«имеющие тамо прежних годов азовския, троицкия и воронежския подлежащая к адмиралтейству дела отобразить и описать и по описи принять оныя в тавровскую адмиралтескую контору... имеющиеся при Таврове корабль, который стоит у Азовских ворот и транспорт, хотя оные и весьма гнилы, точию ныне не ломать, а до указу хранить»*. В ноябре Змаевича указом отправляют в Воронеж *«все прежнего строения ПРАМы, галеры и другие суда, которые хранятся в Таврове, имели в своей коммисии и строении и ежели по осмотру вашему в чем явятся неисправны, то как такелаж, так и артиллерию и прочими припасами во всём исправили, дабы в случай нужды во всем были в готовности»*. В этом же году умер старший брат Ларион Акимович Синявин, который проживал и работал в Бахмуте, детей у него не было.

22 января 1732 года императрица особым указом учредила **Воинскую морскую комиссию**. Председателем комиссии был назначен вице-канцлер граф Андрей Остерман. Одним из первых документов, появившихся в ходе работе комиссии, стало «Рассуждение о принципах содержания флота» адресованное императрице. В нем обосновывается содержания определённой структуры и размеров флота. В данном документе формировалась первая в России военно-морская доктрина. За уменьшение петровских штататов выступали два русских флагмана вице-адмирал Наум Синявин и контр-адмирал Василий Дмитриев-Мамонов.

Корабли на Неве. Из архива Музея А. С. Пушкина.

К этому времени Русский корабельный флот состоял из 50 судов, в том числе 36 линейных из которых только 8 были боеспособны и хорошо вооружены. Для войны на Балтике при суровых северных ветрах мало подходили трёхпалубные линкоры. Многие корабли в более пресной воде Финского залива погнили от различных микроорганизмов. Тяжёлые, глубоководящие 3 палубные корабли были малопригодны в шведских шхерах. Он так же планировал увеличить число галер для компенсации предложенного им сокращения флота. Наум Синявин подготовил собственное мнение о развитии Балтийского флота, которое было представлено в Военскую Морскую Комиссию 5 февраля 1732 года. Далее приведу цитаты из этого документа, ранее оно было опубликовано только раз за последний 3 века кандидатом исторических наук Н.Н.Петрухинцевым.

Мнение о корабельном и галерном флотах вице-адмирала Н.А Синявина (РГАДА. ф248. кн.1089. л.719—724): «...содержание флота определено указами и регламентом, о перемене чего мнением своим и дерзать не подлежало, но токмо ныне по указу Вашего Императорского Величества и к тому ещё для нижеписанных резонов всенижайшее моё мнение с покорностью приношу. **Первое.** Дубовые леса на корабельное строение заготовляли и ныне заготовляют в Казане и протчих тамошних местах, где уже оных весьма умалилось и с великим трудом как на большие, так и на протчие карабли принципиальные деревья находятся, а как видно ис присланных ведомостей от тамошних бывших и нынешних управителей, что через малое время впредь уже в лесах на большие карабли надежды иметь нельзя. А в других местах по описям посланных от калегии офицеров и геодезистов по знатным рекам нигде лесов не находитца; того ради не соизволит ли Ваше императорское величество из объявленного числа 27 караблей. Трёх палубные, а имянно: 90-пушечных-3, 80-пушечных-4, да шняв-3 убавить, и впредь строением оставить. А содержать бы впредь повелеть 76-пушечных-3, 60-пушечных-12, 54-пушечных-6, итого будет линейных 21 карабль, да фрегатов-6, шняв-3, бомбардирских-3 и 2 ПРАМа, да карабль для госпиталя и 2 брандера. И тако ис корабельного флота убудет 6 линейных караблей и 3 шнявы. Ежели же заблагоовермянно тех больших караблей ныне не убавитца, и впредь строением оставленно не будет, то весьма чрез краткие лета не токмо на те большия карабли принципиальные деревья и обшивочные доски сыскацца могут, но и на меншия уже того доставать будет трудно; и тако тогда и поневоле за не имением дубовых лесов принуждены будем разве из сосновых строить или из других государств через покупку вывозить. К тому ж такая большия карабли как вывосокою к пристаням лесов и привозу чрез великой наём с пристаней до Санкт Питербурха чрез 2 и 3 лета становятца великова кошту, ис чего ныне оказалось, что за один провоз лесу 100-пушечного карабля только за 3000 да 200, за 63 дерева заплачено 28799 рублей, а за достальные 1116 дерев и досток надлежит по разчислению ещё добавить 11217 рублём, и того будет за один провоз 100-пушечного карабля с пристаней до Санкт Питербурха кроме рубки и вывоски на пристани 40016 рублей, к тому ж оной ещё и строением во окончании всего корпуса с убором, такелажем, аммунициею думаю, что более 60000 рублей станет, а когда и построитца, то по худобе здешнего дуба через 3 и 4 года великой починки востребует, как то видно ис преждеделанных здесь караблей, что некоторые через 10 лет в разломку пришли. Такие великие карабли по здешнему худому дубу маловремянного их в твердом и крепком состоянии не сдержатца, ис чего великой и бесполезной государству убыток причинится, однакож для славы Российского Государства один во 100 пушек карабль содержать всегда надлежит. К тому ж ещё и сие донести могу, что на здешнем море такие большия трёхпалубные карабли ходить неспособны суть за пространством сего моря и за многими подводными каменьями и банками о которых и донести ещё несведомо, понеже и в прошедшем лете многия сыскались, да и в прошедшую 20 летнюю войну большее действо было противу неприятеля от меньших караблей. А при

вышеобъявленных оставших караблях иметь как боты, так и шлюпки, такелаж и протчую аммуницию как настоящую, так и опробованному в 1727 году от Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны в бывшем Верховном Тайном совете штату. А Кронштата на камелях и втаскивании оных на брех, и паки спускания и на камелях отвод до Кронштата чинится немалый кошт и караблям не без вредов и опасности за мелким фарватером и хотя ныне при Кронштате валянием карабли и чинятся, то токмо и оттого им имеется великий вред, того ради надлежит как возможно скоро в Кронштата сделать хотя 3 дока и когда оные сделаются, то можем избежать великова труда, опасности и кошту починкою тех караблей.

Второе. По указу Блаженныя и высокославныя памяти дяди Вашего Государя Императора Петра Великого повелено содержать галер больших 70, средних 50, конных 10 итого 130, а во сколько банок того не определено, чего ради по определению Калезжскому в 1728 году велено галер содержать 22 банок-19штуку, других в 20 банок-41штуку, 16 банок-70, итого 130 галер. Ныне оных налицо 90, да на 40 галер велено приуготавливать леса и заготовя класть в амбары, которые и заготавливаются, а строить до указа не велено, да в 1724 году сверх того сделано 37 каек на которых по 12 вёсел на стороне, да несколько каншебашей, а по моему нижайшему мнению надлежит к вышеобъявленному числу вместо убавленных караблей прибавить галер ещё 20 и впредь содержать. А именно: 22 баночных-25штуку, 20 баночных-50, 16 баночных-75 итого будет 150 галер из которых всегда содержать в готовности под сараями 100 галер, а 50 как леса, так и такелаж и протчую аммуницию изготовить заблаговременно и леса отесав по лекалам покласть в крытые сараи, а такелаж и аммуницию в особливые магазейны не примешивая к корабельным. Да к тем же галерам в прибавок иметь 50 канебашей оные иметь во время войны, а ные разве только заготовить на них леса, которые походят на островские лотки. Оные крепостию островских лоток весьма находятся лутче и на море и в ихерах были как в прошедшую войну, так и ныне безопасны, к тому же и невеликова стоят кошту. А имеющиеся кайки, которые ныне имеется 37 впредь не строить и при том галерном флоте не содержать понеже оные весьма неудобны быть и больших ветров никак терпеть не могут, и гораздо вышеобъявленных каншебашей находяцца во всем хуже, а коштом происходят большие. А за умалением дубовых лесов впредь галеры обшивать, что в воде-сосновыми досками, а выше воды вверх-дубовыми, понеже в воде сосновый лес не гниёт и к тому ж ещё прибавится галере в ходу на гребле лехкости, ибо и в прошедшей 20 летней войне едва галеры и не все были сосновые. А при тех галерах боты и шлюпки, такоуж настоящей такелаж и запасные припасы и аммуницию иметь по учинённому штату, которое нынче на наличное число галер и имеется; а о служителях на тех галерах, поскольку каких чинов иметь на каждой галере, в регламенте не печатано и указом не определено. Во всем том галерном флоте повелено калезжским определением в 1728 году содержать флагамена-1, обер-офицеров-62, ундер-офицеров-182 и рядовых 2026 человек, да во оном же числе имеется 3 роты солдат с их обер и ундер-офицерами по пропорции над которыми определен майор один, в чем имеется кроме обер-офицеров великий недостаток. Того ради по моему мнению надлежит быть по учиненной мною 3 галерными офицеры по приложенной при сем табели и ежели Ваше Императорское Величество толикое число как караблей, так и галер впредь содержать изволите, то можем ещё с ими в здешнем море противу других не токмо свободны и порты выходить, но по времени и сами кого запереть понеже хотя б где и большие караблей имелось, токмо Вашего Императорского Величества корабельному флоту великая помощь имеет быть от галерного флота, что и в прошедшую 20 летнюю войну оными действовали большие, нежели караблями, чего ради и впредь на них иметь большую надежду. А о ластовых судах и всего Адмиралтейства и о отдаленных портах как о мастерах, так и о мастеровых людях всех мастерств, каким образом и сколько их впредь содержать надлежит ныне принести мнения своего не могу до тех мест, доколе точно о корабельном и галерном флоте ука-

зом Вашего Императорского Величества определено будет. Всего по табелю надлежит быть на галерах каждого рангу служителей обер и ундер-офицеров и рядовых на 150 галерах всего 2275 человек». Вице-адмирал Синявин.

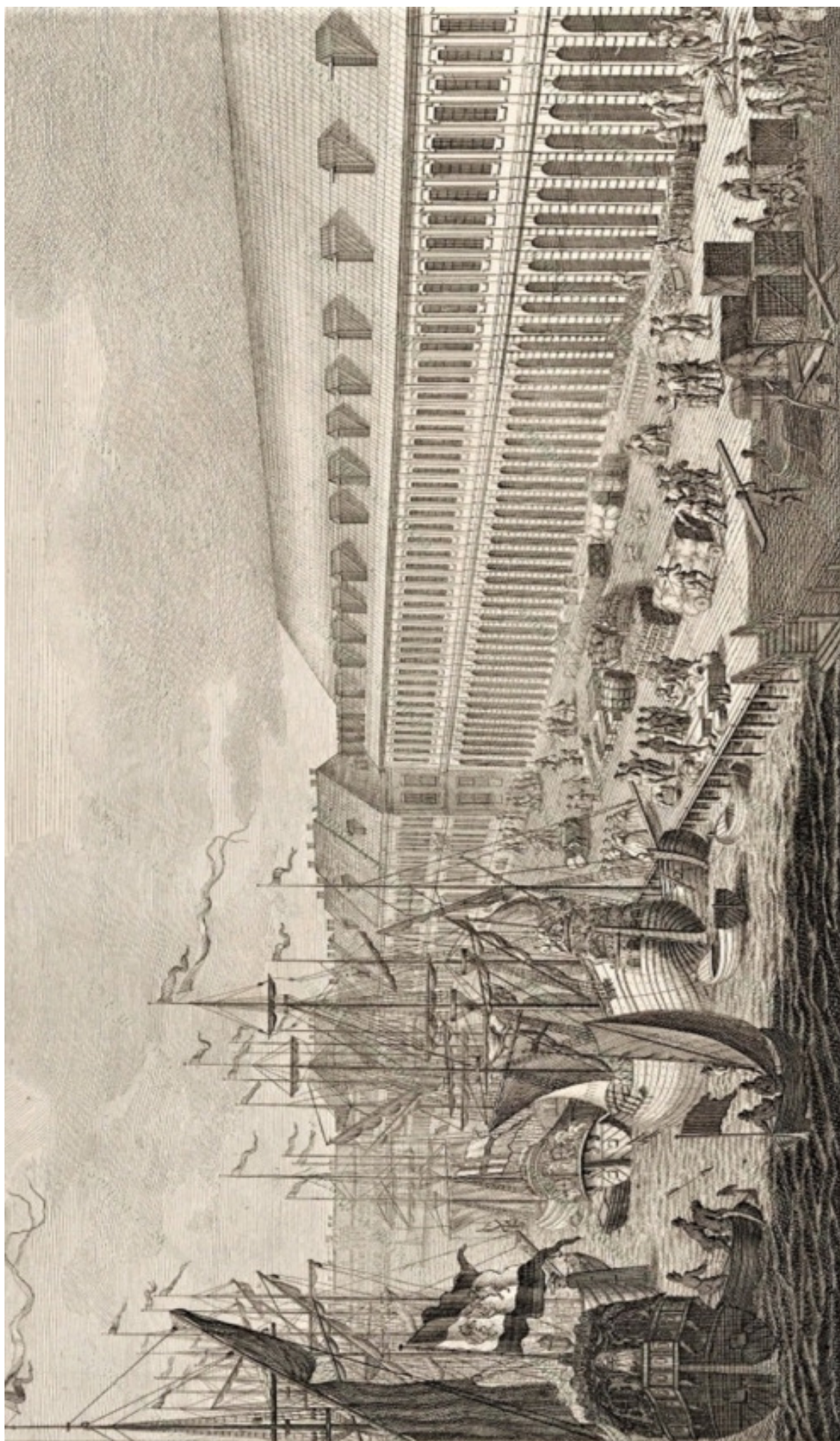
Другой документ **Рассуждение Н. А. Синявина о принципах содержания флота** (№126 записано 16 марта 1732 года. РГАДА ф.248. кн.1083. л 471—474).

«Оборона государственная учреждается на токмо по силе государственной, но и больше и наипаче по препорции тех опасностей или неприятельских нападений, которые с какой стороны приключиться могут. Оная препорция берется от силы тех государств, от которых или по соседству, или по каким иным причинам такие неприятельские наступления могут быть... России безспорно надлежит всегда иметь опасение от Швеции. Нынешние российские границы с Швециею божиим благословением таковы, что сухим путем Швеция, особливо пока Выборг в Российских руках будет, против России едва ли какие сильные действия предпринять может, и в последней войне показалось, что и российское войско с той стороны в Финляндию ворваться, сколько о том ни трудилось, не могла, но принуждено было морем дорогу искать. Его Императорского Величества Петра Великого намерении при заведении и увеличении флота по всему виду ни на чём ином как вышеписанных рассуждениях основаны были, ибо Его Величество завёл флот двойной, один карабельный, другой галерной. На вопрос что карабельный флот не в состоянии ивецкого стоять можно ответствовать: что дело ещё было новое и со временем флот равно так против ивецкого стоять будет, как и сухопутное войско, которое такоже сначала против ивецкого стоять в состоянии было. Что галерному флоту без защиты карабельного действовать едвали возможно, ибо не будучи от карабельного защиты, самое малое число неприятельских хотя лехких караблей при случаях весь галерный флот разорить может. Сверх того, ещё следующие резоны могут в рассуждение приняты быть:

1. *Слава государственная, которая от умаления флота потерпеть может, ибо известно есть, что и морская сила в Российской Империи у других держав немалое почтение подает и весьма союзники Ея Императорского Величества о Российском флоте особое рассуждение имеют, и для того такоже во учиненных с Россиею трактатах постановили, что в потребном случае вместо сухопутного войска кораблями военными им вспоможение учинить.*

2. *От малого числа караблей и малой пользы ожидать мочно.*

3. *Но паче от умаления флота неприятелю силы прибудет, ибо хотя б и Российский флот никаких знатных действий учинить в состоянии не был, то однакож, пока оной есть, в случае войны неприятель принужден для своей безопасности такой же флот вооружить и всегда не токмо в готовности иметь, но и в море держать к великому своему убытку и крайнему разорению, отчего он освободится, когда от Росейского флота большие опасения не имеет, и тако на вооружение флота поребные иждивении в другом месте против Росии употреблять может.*

Биржа и гостинный двор. Гравюра из архива Музея А. С. Пушкина.

Сии могут быть наиглавнейшие резоны, которые при определении сего пункта в разсуждение приходят». Также в доктрине были распределены роли галерного и корабельного флота: галерный надлежало использовать для наступательных действий, корабельный-оборонительных. Комиссией был предложен новый размер содержания флота в 1 200 000 рублей за год, что было утверждено позже указом от 27 октября 1732 года. Комиссия сократила число флагманов в корабельном флоте до 5 человек. Признав излишним большое количество флагманов, комиссия сочла излишним и введенное Петром разделение флота на три флага -белого, синего и красного. Вместо этого во всем флоте вводился единый Андреевский флаг.

Большую роль в развитии судостроительной базы и обеспечении развития флота сыграло решение комиссии о создании Архангельской верфи, которая стала второй основной строительной базой флота. Наум Синявин и Пётр Бредаль предложили продумать частичную замену дуба на лес других пород. Сенявин предложил использовать архангельскую лиственницу, которая росла на Кольском полуострове. Создание северной верфи давало возможность быстро развернуть строительство большого числа кораблей, используя местную лиственницу и экономя ограниченные ресурсы корабельного дуба. Архангельская верфь стала фактически главной судостроительной базой Балтийского флота. Наличие квалифицированной рабочей силы, меньшие сроки доставки леса и лучшая организация его заготовки привели к тому, что стоимость и сроки строительства кораблей в Архангельске были меньше, чем в Петербурге.

В день 13 мая 1732 года, находясь в тяжёлом состоянии здоровья, старший брат Синявиных, занимавший должность Директора Канцелярии от строений в Санкт Петербурге 53-летний генерал-майор **Ульян Акимович Синявин** составил завещание в котором оговорил все моменты в случае его смерти: *«Лета тысяча семьсот тридесят второго мая в третинадесят день во Имя Отца и Сына и Святаго Духа я раб Божий генерал-майор Ульян Акимов сын Синявин пишу Сию духовную в целом своем уме и разуме. Егда Господь Бог душу мою грешную отлучит от тела то приказываю тело мое погребети брату моему родному вице-адмиралу и ковалеру **Науму Якимовичу Сенявину** да жене моей Авдотье Алексеевне да душеприказчиком статскому действительному советнику Алексею Яковлевичу Волкову да обер прокурору Анисиму Семеновичу Маслову да полковнику Кириле Лаврентьевичу Чичерину где Господь Бог приведет я душу мою грешную поминать им брату моему и жене моей и на сороковустие по церквам рыдать по рассмотрению а недвижимое мое имение имеется за мною в мосальском в серпейском в шлютелбургском в новгородском и в ладожском уездах которые ныне в закладе для росплаты долгов моих и те долги уплатил я при жизни моей семь тысяч пятьсот рублей. А двор мой каменной на Преображенском острову да на Неве реке, Ильинское мое место со всяким строением и Сугоди отдал я брату моему Науму Акимовичу в вечное владение. А ему зато заплатит достальные на мне долги, а именно Санкт-Петербуржским жителям купецким людям Никите Степанову пять сот рублей, Дмитрею Полунину пять сот рублей, секретаря Александра Борисова сыну его Василе сто рублей, дворцовой канцелярии писарю Алексею Воинову сто рублей, баталиона от строений каптенармусу Осипу Савину сыну Волкову сто рублей, ладожского полку солдату Ивану Семенову сыну Овцыну пятьдесят рублей, дворянину Филату Алексеву сыну Ступину двадцать пять рублей, посатскому человеку Федору Зотову сто семдесят рублей, тверятину купецкому человеку Козьме Ворошилову сто семдесят один рубль пятьдесят копеек. Понеже у меня денег не имеется, а вышепоказанных долгов жене моей не платить брату моему родному полковнику Ивану Акимовичу Сенявину отдал я в награждение в вечное влдение московский свой каменный двор, который я купил у Алексея Воинова. Племяннику моему родному Николаю Федорову сыну Сенявину отдал я в награждение и в вечное владение на реке Тосне дачу свою, котору я купил у секретаря Луки Тарчукова. А жене моей Авдотье Алексеевне за верное ее ко мне любление оставил ей на Санкт-*

Петербуржском острову двор мой деревянный со всем строением, да на Черной речке место со всяким же строением и с садом и движимое мое имение все что имеется отдал ей же жене моей на прожиток и на поминование души моей за то что я издержал на свои нужды приданные ей денег три тысячи рублей, да прошу душеприказчикам свои пожаловать роздать на поминование Души моей отцу моему духовному Антонию Сергеевичу пятьдесят рублей да лошадь. А племяннику моему морского флота подпоручику Ивану Иванову сыну Сенявину ничего не определил за непочтение его ко мне. А ежели кто сию мою Духовную в чем-нибудь станет спорить и нарушивать, и тот нарушитель да судится со мною в будущем Веце. К сей Духовной Стрелиной мызы церкви Преображения Господня священник Антоний Сергеев вместо сына своего духовного генерала-майора Ульяна Акимовича сие подписал для того, что он сам за слабостию руки от параличной своей болезни приложить не мог, а оную Духовную писать велел по его прошению руку приложил у сей Духовной душеприказчик стацкой действительной советник Алексей Яковлев сын Волков, свидетелем был и руку приложил у сей Духовной душеприказчик стацкой советник Анисим Семенов сын Маслов, полковник Кирил Лаврентьев сын Чичерин, действительный советник Иван Степанов сын Потемкин, майор Иван Сергеев сын Румянцов, вице-адмирал Наум Акимов сын Синявин, майор Алексей Трофимов сын Баранчев, морского флоту от солдат унтер лейтенант Александр Лопухин, лейтенант морского флоту князь Федор Григорьев сын Волконский».

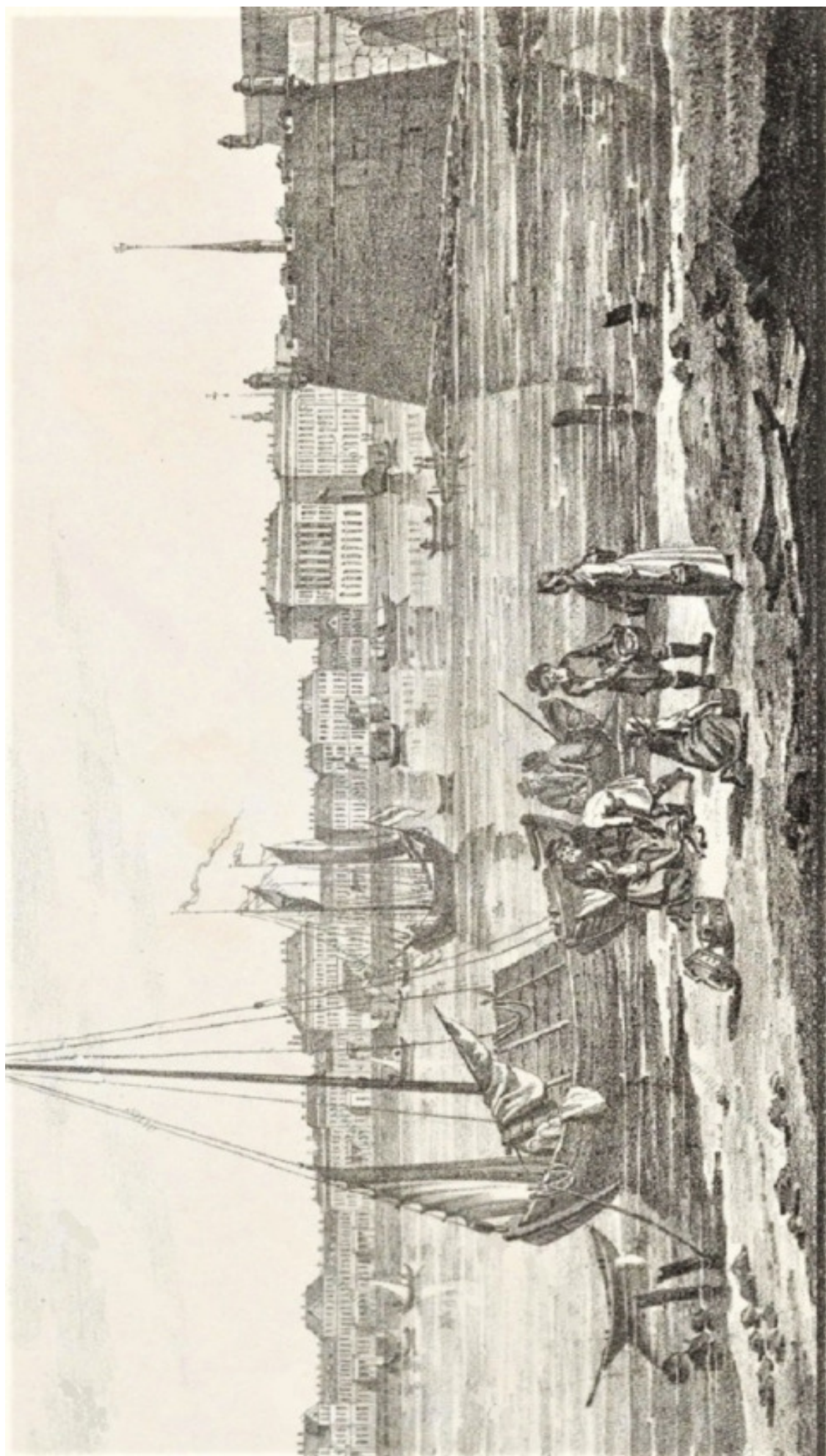

Каменный остров. Гравюра 18 века из архива Музея А. С. Пушкина.

У сей Духовной Ея Императорского Величества Государственной юстиции коллегии печать. Канцелярист Петр Стрельников.

Немного ранее начальник всех городских дел в Санкт-Петербурге Ульян Акимович Синявин был обвинён в издержке казённых материалов, истраченных на строительство дворца Александра Меншикова и ему грозило наказание. Сам Государь Пётр Алексеевич говорил о Меншикове сразу после смерти Лефорта: «...осталась у меня одна рука, вороватая, да верная». Материалы выдавались по письмам и словесным приказам князя, а принимавшие их служители «*росписок не давали*». Долг светлейшего, почти 1200 рублей, хотели взыскать с Синявина. Ульян Акимович обратился к Петру II с жалобой, и чужой долг ему был прощён. Князь Меншиков был арестован, по результатам работы следственной комиссии Верховного Тайного совета без суда, указом императора Петра II, отправлен в ссылку за Урал в городок Берёзов. От эпидемии оспы в Западной Сибири бывший **генерал-фельдмаршал Александр Данилович Меншиков умер 12 ноября 1729 года в возрасте 56 лет**. Из потомков наиболее известен в истории его правнук, генерал-адъютант, адмирал князь Александр Сергеевич Меншиков, военно-морской деятель, главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крымской войне 1853 года. Ещё можно упомянуть тот факт, что дочка Мария Александровна была невестой молодого Петра II. Он громко плакал, когда ему сообщили, что его хотят женить. Мария же со своей стороны терпеть не могла своего жениха. Они даже прошли обряд «*обручения*». Царская невеста получила титул императорского высочества. У неё был свой двор. Гофмаршалом был назначен её родной дядя Василий Арсеньев. У Марии были «*два камергера, четыре камер-юнкера, обер-гофмейстерины, штат фрейлин, пажей и прислуги. На содержание двора отпускалось тридцать четыре тысячи рублей*». Но победили Меншикова другие сильные люди, Остерман и братья Долгорукие которые в прямом смысле слова отняли у невесты обручальный перстень.

Под руководством этого начальника Ульяна Синявина строились в Северной столице бастионы Петропавловской крепости, укреплённые форты Петербурга, Кронштадта и все значительные каменные здания города. Он часто обсуждал различные вопросы по поводу строительства с Петром Великим. Осталось в переписке такой ответ Императора Ульяну Акимовичу: «...*под фланк ныне свай не бить и болверк Трубецкова до весны ничем не трогать*». Хотя и занимал он большую должность, но во времена Царицы Анны Иоановны ценились доносы и, конечно, на него многие завистники писали напраслину. Все строительные работы Ульяна Акимовича можно видеть на старинных гравюрах, да и в нынешней жизни стоит Петропавловская крепость, здание Биржи, дворец Меншикова на Васильевском острове и другие сооружения.

Нева. Гравюра 18 века из архива Музея А. С. Пушкина.

Государыня **Анна Иоанновна** начала возышать иностранцев и принижать русскую знать. Первыми пострадали Долгорукие, двое из них были казнены. Затем пришло время Голицыных. Из представителей бывшего Верховного тайного совета в целых остались только Г. Головкин и А. Остерман. Старая аристократия подвергалась ссылкам и заключениям в крепости. Их место при дворе стали занимать немцы. Срочно из Курляндии был вызван **Эрнст Бирон**, любимец Анны, возведенный ею в обер-камергеры и в Андреевские кавалеры. На первый план вышли **Левенвольды**, один из которых, сформировал новый гвардейский Измайловский полк, названный по подмосковному селу, облюбованном Анной. Во главе армии встали также иноземцы **Бурхард Миних** и **Петр Ласси**.

В этом году Андрей Иванович Остерман стал председателем вновь созданной **Воинской морской комиссии** для улучшения флота, в которую вошли опытные моряки: Н. Синявин, П. Бредаль, Т. Сандерс, В. Дмитриев-Мамонов и граф Н. Головин, получивший должность генерал-инспектора флота. Адмирала Петра Ивановича Сиверса по доносу фон Миниха отстранили от флота. Его место занял **Николай Федорович Головин**. Комиссия разработала регламентацию и штаты флота. Нововведения коснулись Адмиралтейств-коллегий, которая стала состоять из президента, четырёх постоянных членов. При ней восстанавливались прокурор и обер-фискал для обеспечения надзорной деятельности за действиями лиц по хозяйству. Из бывших контор для упрощения делопроизводства создали четыре экспедиции: комиссариатскую; интендантскую; экипажскую и артиллерийскую. Руководство каждой экспедицией осуществлял один из членов Адмиралтейств-коллегий. Они назывались: генерал-кригс-комиссар, генерал-интендант, генерал-экипажмейстер и обер-цейхмейстер. Каждая из экспедиций являла собой коллегиальное учреждение с президентом в основных портах страны Кронштадте, Ревеле, Астрахани и Архангельске. Было определено количество кораблей на флоте: 27 линейных кораблей, 6 фрегатов, 2 прама, 3 бомбардирских корабля и 8 пакетботов. Также был изменен флаг. Взамен трех ранее использовавшихся вмениялся один, с синим Андреевским крестом на белом фоне.

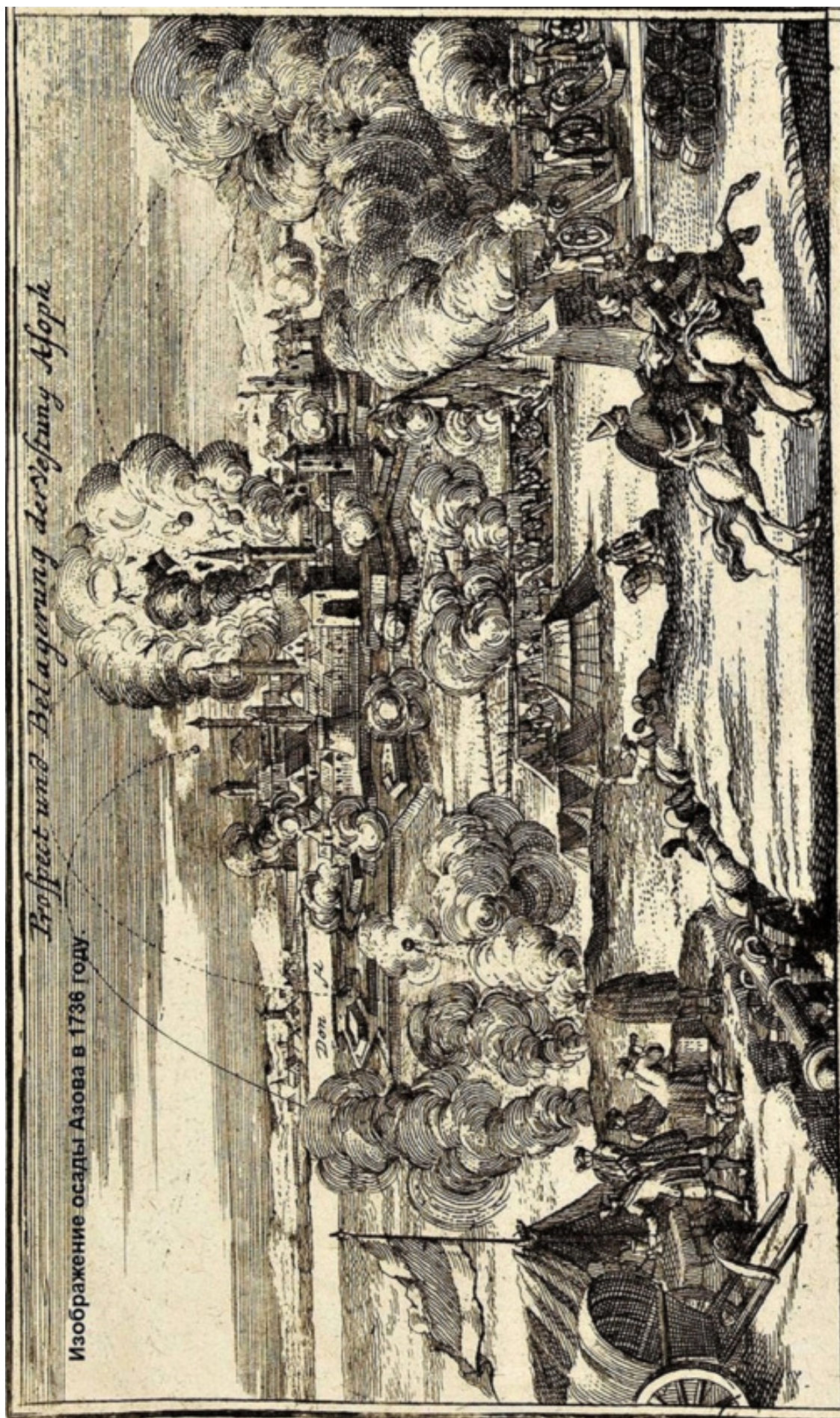
Россия вынужденно вмешалась в дела Польши. При избрании преемника Франция, настроенная враждебно к нашей стране, пожелала поставить на освободившийся престол Станислава Лещинского, приходящегося тестем французскому королю Людовику XV. Россия и Австрия выдвинули своего претендента курфюрста Саксонского Августа. Под давлением Франции одна часть сейма, собравшегося в Варшаве, избрала Лещинского, другая Августа. Тогда Россия продемонстрировала силу и ее войска заняли Варшаву, Лещинский был вынужден бежать в Данциг, надеясь там морем получить помощь Франции.

Наша Адмиралтейская коллегия срочно даёт указание вице-адмиралу Змаевичу, который трудился на строительстве кораблей в Таврове: *«... в указанное число достальные галеры и будары изготовить немедленно, а именно на Воронеже, на Донце около Изюма, на Усмани, на Битюге, в Добром и в Сокольске изготовить подрядом или наймом или с губерний, как где способнее и дешевле будет».*

В феврале **1734 года** адмирал граф Николай Головин приказывает все имеющиеся в Таврове суда *«выконопатить и высмолить и во всем что к вооружению принадлежит приготовить, кончая к нынешней весне, а о спуске на воду ожидать указа».* В это же самое время русская армия под командованием Петра Ласси, а затем сменившего его генерал-фельдмаршала Б. Миниха, осадила Данциг с суши. Для содействия войскам было решено, весной отправить эскадру. При освобождении Гданьска Миних неудачно вел командование войсками, и наша армия понесла большие потери. К тому же он выпустил Лещинского, что усилило недоверие к нему Императрицы.

В середине мая эскадра адмирала Томаса Гордона, состоявшая из 14 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 бомбардирских кораблей и нескольких мелких судов, взяв на борт транспортных судов осадную артиллерию и боевое снабжение для армии генерала Миниха, вышла из Кронштадта в направлении Данцига. Адмирал Гордон поднял свой флаг на 100-пушечном «*Петре Первом и Втором*», вице-адмирал Наум Синявин на 66-пушечном корабле «*Александр*», контр-адмирал Госслер на 66-пушечном «*Штюленбурге*», капитан 1 ранга Барш на 66-пушечном «*Леферме*», на «*Новой Надежде*» обер-штер-кригс-камиссар Саймонов с денежной казною. При отправлении от Кронштата Императрица Анна Иоановна пожаловала «*по порции ради удовольствия на каюты пищею, афицеров денги, капитанам же по сту рублев*». Томас Гордон, дал указание отряду транспортов выгрузить артиллерию у Пиллау. Корабельный флот держась мористее, прикрывали выгрузку пехоты.

В июне русская эскадра прибыла к Данцигу. На следующий день три российских линейных корабля, обстреляли французские суда. 4 июня наша эскадра вновь подвергла обстрелу корабли противника, а кроме того, крепость Вексельмюнде и лагерь французов около нее. В своём «Юрнале» Яков Саввич Барш записал: «*Атака же Данчика жестоко чинится и бросание бомб повсечастно бывает, тоже и пушечная палба слышна*».

Гравюра Осада Азова. Неизвестный художник.

Видимы стали быть два военных карабля с моря, ради которых вице-адмирал Наум Синявин с авангардиею, а я был наперед, подняв якорь, и следовали, ветер же крепки был. После и адмирал Гордон всем флотом поднял якорь и следовал за нами. Мы же догнав те 2 карабля и командор со оных был Синявин, и те карабли военные дацкие по 50 пушек, и вице-адмирал Синявин объявил, якобы оные ради караблей ходят, а повидимому можно знать, что присматривают. И как или, видно было как з бомбардирских караблей одна бомба брошена удачно в крепость Вексель-Монда и подорвало пороховой погреб». Бомбардировка продолжалась несколько дней. 9 июня начались переговоры, после которых крепость Вексельмюнде сдавалась. В качестве призов были взяты французские корабли: фрегат «Бриллиант», один гукор и ПРАМ. В числе трофеев оказались 168 пушек и много ядер.

Только Россия урегулировала наследственный вопрос в Польше, как в **1735** году объявила новую войну Турции. Поводом к этому послужили опустошительные набеги на Украину, совершаемые крымскими татарами-вассалами Оттоманской империи. От адмирала Головина пришёл приказ вице-адмиралу Змаевичу: «*6 малых ПРАМов и 30 каек отправить в Павловск, где уже дожидаются 9 больших ПРАМа и 15 галер капитан-лейтенанта Холкиопола*». Генералу-фельдмаршалу Бурхарду Миниху пришёл указ от Императрицы «*ехать из Польши в Павловск и тамо иметь главную команду*».

Морская коллегия указала вице-адмиралу Науму Синявину «*всю Ревельскую эскадру послать в Ригу ради перевозу ржи и овса в Санктпитебург и наряжены за тем провиантом ис Кронштата карабли „Петр Второй“, „Вахтъмейстер“, „Армонт“, „Девениш“, „Бриллиант“, „Кронделивд“ и 6 ластовых судов*». В сентябре умирает Змаевич и на его место отправляют контр-адмирала Петра Бредаля. Из Астрахани срочно отправляют 300 офицеров 16 медиков, 15 гардемарин и 299 солдат. Всего флот на Дону состоял из 2561 человека. Пехотные полки имели 7680 солдат. Именно в этот год 28-летний лейтенант **Иван Иванович Синявин** был переведён командовать придворной яхтой «*Принцесса Анна*», конечно, ему помог дядя Наум Акимович. Младшему брату Николаю Ивановичу к тому времени всего 10 лет.

В конце **марта 1736** года началась **осада Азова**. В начале операции войско Миниха состояло: из 7 полков (4800 человек), 250 артиллеристов, минёров, 2000 пеших и 200 конных Донских казаков, 1000 доброконных казаков Ивана Краснощёкова. Турки не ожидали столь раннего наступления. Внезапно погода изменилась и пошёл снег. Наши войска встали лагерем в 6 верстах от Азова и спустя некоторое время, а точнее 31 марта наши войска взяли башни на подходе так называемые Каланчи. Турки постоянно делали вылазки из крепости, так 16 апреля 1000 янычар и 500 конных пытались атаковать полки русских.

В начале мая прибыл **генерал-фельдмаршал Ласси**, назначенный командовать осадой крепости Азов. У его армии в начале было три 5 пудовых мортиры и одна 12 фунтовая пушка. Изучив состояние обороны Ласси сказаал «*...город, по-видимому, находится в твёрдом состоянии и по производимой ежедневной пальбе артиллериею довольно и гарнизоном по чинимым до сего времени вылазкам и нынешним их поступкам содержит себя не оплошно*». Началось строительство апрошей. К устью Дона прибыл турецкий флот, но мелководность Дона не позволила войти в устье.

На помощь российским войскам с верховий Дона подошли корабли, составившие к началу мая Донскую галерную флотилию в составе 35 галер, 15 прамов, 29 каиков, а также нескольких судов, доставивших к крепости артиллерию и другие военные грузы. 13 мая **контр-адмирал Петр Петрович Бредаль** на галере произвел разведку устья реки и укреплений Азова. Затем отряд из 6 прамов под общим командованием лейтенанта Н. Костомарова занял позицию, преграждавшую доступ вражеским судам к крепости с моря. После этого начался обстрел цитадели. За два дня непрерывной бомбардировки по батареям противника и по кре-

пости было израсходовано свыше 2000 снарядов. Что бы понять, как проходила осада Азова не надо различных пересказов в интерпретации различных историков, стоит открыть первоисточник, внимательно и не спеша его прочитать. Контр-адмирал Пётр Бредаль в апреле докладывает Царице: «...граф Миних приказал мне следовать в крепость Святой Анны немедленно. Из Павловска я отправился сухим путём и прибыл в крепость 19 марта. Вернулся назад для скорейшего препровождения морских судов. Нагнав галеры поспешил с лёгкими судами к Азову, а прамам приказал как скоро возможно идти. 9 мая против лагерей при Азове по утрам с одной галерою прибыл благополучно, да ещё в вечеру прибыло ж 10 галер. 13 мая от Каланчей вниз по реке Дон к показанному месту я путь возымел и следовал по фарватеру; точно за узкостью хода против Петровскаго на реке Дону с двумя галерами в гребле идти никак не возможно, чего ради оставя одну галеру позади следовал с одною и на Петропавловском острове людей и скота видел, а отогнать того скота без высаживания на берег людей не можно, понеже стоят в немалой дистанции, а тем малым судном близ города подойти было нельзя и весьма опасно. Близ реки Дона на берегу у самого вала имеются батареи и на них пушек не малое число, из которых батарей по нас из пушек палили весьма жестоко, по которым и от меня с галер из больших пушек выпалено 9 раз. 21 мая шесть малых прамов под командованием лейтенанта Костомарова, были поставлены за Азовом у построенных наших батарей в равную линию на фарватере боками к неприятелю для суцзаго препятствия неприятельского к Азову сикурса. Через неделю по прибытию из Павловска к Каланчам прамов: «Разневный» под командованием **капитана Тема**, «Северный Медведь» под **капитаном Герценберга**, «Страшный» под **капитаном Сниткером** и по выгрузке с них артиллерии и прочаго груза на берег у Каланчей, оные 3 прама вниз по Дону к Азову отправлены были июня 1 по полудни в 3 часа и стали на место в исходе 8 часа и 2 числа с третьего часа даже до 9 часов по полуночи по городу Азову непрестанную пушечную пальбу производили с приумножением, и с той пальбы как батареям так и строению учинили не малый вред. И тогоже июня 2 отправился я вниз по Дону на шлюпке на вышеобъявленные три прама, а лейтенанту Апрелеву велел с 4 кайками и с несколькими шлюпками следовать к Петровскому острову, которыхя кайки к тому острову и пристали, а я был на тех прамах; в 8 часу по полуночипоехал к оным кайкам и приехав вышел на берег и поставя 192 человека морских и сухопутных служителей во фронт с ружьем, послал к Петровскому, но токмо за разлитием великой воды к Петровскому их не допустило; и увидев нас из Азова, стали по нас палить и убили у нас 3 человек и стала ещё наибольшая пушечная пальба происходит; и усмотря велел я служителям садиться на кайки и отваливать от берега, при чем ранило 4 человека и кайку «Варгасию» пробило ядрами, а одну шлюпку проломало насквазь, которая кайка от того налилась водою и затонула и оную вверх по Дону буксировать было невозможно; и для того сняв с неё пушку с припасами, такелаж, мачты, райны, парусы, якоря, флаги, флюгеры и прочие припасы и служителей свезли на прам; и на оной кайке борты и прочее велел изрубить, дабы она не могли достаться неприятелю. А 3 кайки и пробитая шлюпка паки приведены к морским судам. А сам я от тех каек пока поехал на шлюпке на прама и усмотрел что с тех прамов в город Азов пальба весьма была действительна, но точно от великой пушечной с тех прамов непрестанной пальбы многое число на тех прамах расколосось пушечных станков и осей и разорвало одну 24 фунтовую пушку и у двух 8 фунтовых пушек треснули дулы, от чего оным прамам от великой из города пальбы весьма опасно, и что действительно теми прамами в тот город более палить никак невозможно... А потом по ордеру генерал-фельдмаршала Ласси поставлены 4 прама у реки Каланчи и Кутюрьмы для присечения неприятелю на крымскую сторону коммуникации, а именно: в устье реки Кутюрьмы «Разгневный» - капитан Тем, «Северный Медведь» - капитан Герценберг, против Каланчи и Кутюрьмы реки у обоих проходов «Страшный» - капитан Сниткер, против Петровскаго у самого хода где ходят азовцы на крымскую сторону и плавают через реки на лошадях, прам «Сердитый» - капитан Темкин. И июня же

9 числа отправлены от меня были вниз по Дону против Азова 2 прама «Близко не подходи» -капитан Штром и «Дикий Бык» -капитан Шевинг, и стали на место по полуночи в восьмом часу и пушечную пальбу зачали производить в том же часу и кончилась по полудни в исходе 8 часа, где и ночевали и стояли в таком разстоянии что действительно по азовским крепостям пушечная пальба происходила; и того же июня 10 по полуночи с 5 часа стали с прамов паки по Азову палить из пушек и перестали палить пополуночи в 10 часу и стали ретироваться от Азова и пришед стали на прежния места. Вышедшие из Азова дезертиры доносили что от произвождаемой с прамов пальбы городу и жилью чинится не малый вред, а особливо де вчерашняго числа не малое число побито и людей, и весьма де от оных прамов болше будет в город пальба, то де принуждены будут без штурма акордоваться.

Приведу здесь цитату из «Материалов по истории русского флота» изданных в 1879 году Федором Веселаго.

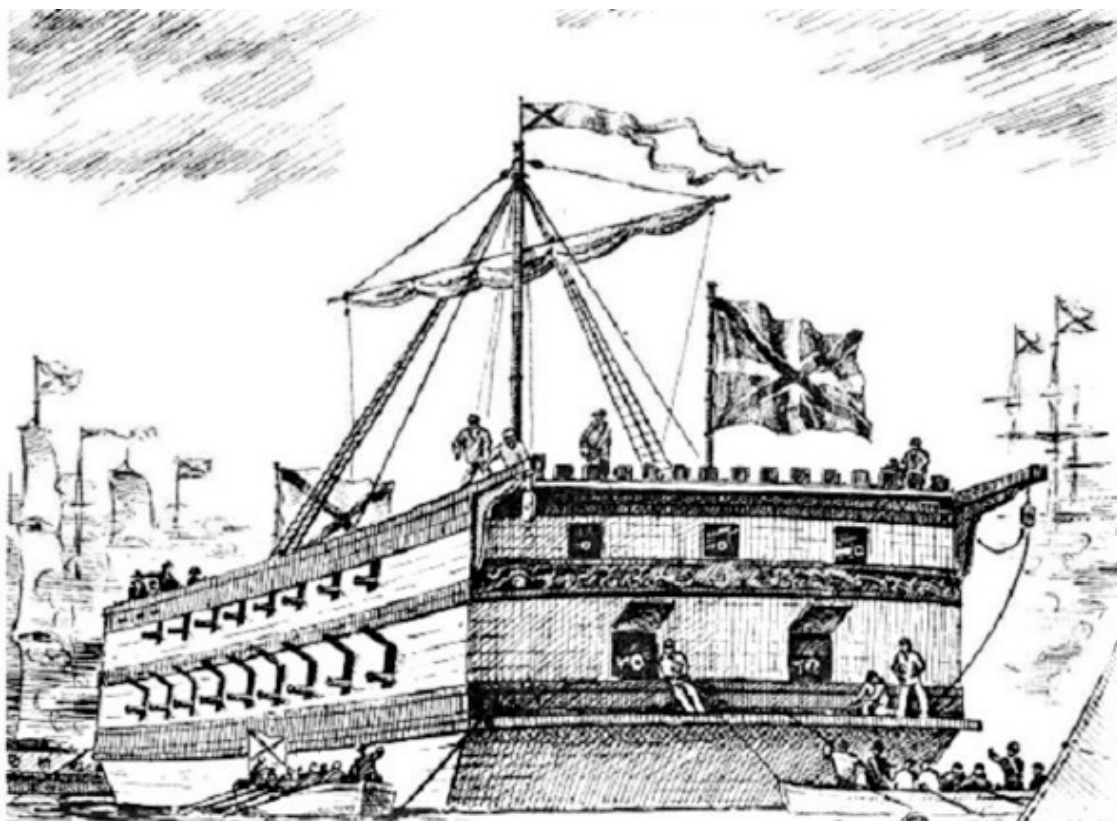
Юня 12 отправлены были отъ меня два прама: *Небоязливый* --капит. Чертковъ и *Дикий Быкъ*—капит. Шевингъ; и производили съ оныхъ прамовъ въ тотъ городъ пушечную пальбу 12 и 13 июня по полудни до десятаго часа и потомъ ретировались на свои мѣста.

Юня 14 отправлены отъ меня были два же прама: *Спѣсивый Левъ*—капит.-лейт. Бибергъ, *Громъ и Молнія*—капит.-лейт. Брамсъ, и пришедъ на повелѣнное мѣсто производили пушечную пальбу съ 4 часа по полуночи до 9 часа по полудни непрестанно и дѣйствительно, отчего на многія времена пальба съ батареяй азовскихъ за усиливаниемъ съ прамовъ пушекъ перерывалась, а потомъ за темнотою отретировались назадъ и встали на свои мѣста.

Снимок из «Материалов по истории русского флота» Ф. Ф. Веселаго.

И для того велено паки отправить против Азова 3 прама, по которымъ ордерам 17 июня отправлены были от меня «Близко не подходи» и «Дикий Бык», и пушечную пальбу производили от 9 часа по полуночи до 10 часа по полудни; а в 11 часу стали оттягиваться назад, а в 12 часу по приказу генерал-фельдмаршала Ласси велено с оныхъ же прамов по городу паки палить и в том же часу палить и зачали, и производили пальбу даже до того же июня 18 числа по полуночидо 3 часа с приумножением и без умолку, и с того 3 часа стали ретироваться на свои прежние места, которые и отретировались». Всего за время бомбардировки крепости Азов было выпущено из ПРАМов 8608 ядер. Турки и азовцы понесли большие потери в живой силе, наши морские войска потеряли убитыми 23 человека и 78 были ранены. После небольших переговоров гарнизон **крепости Азов** капитулировал на следующих условиях: «Город Азов в подданство Ея Императорскаго Величества Всероссийское оставляется»; турецкие войска выйдут из крепости без военных почестей. Под русским конвоем будет отведён в турецкие владения с условием не воевать против русских в течение одного года. Туркам разрешалось оставить собственное оружие в количестве одного ружья, лука, пистолета и сабли.

Казённое оружие остается победителю; артиллерия, пороховые погреба и мины остаются победителю; турецкие подданные могут оставаться в городе 14 дней для завершения своих дел и им обеспечивается безопасность и справедливое отношение к имуществу.

ПРАМ «Близко не подходи» Гравюра 18 века.

Генерал-фельдмаршал Ласси приказал контр-адмиралу Бредалю: «... понеже по силе учиненной с Турецким Пашей Мустафой Агой бывшим в Азове капитуляциии надлежит его и бывшей же в Азове по нем Турецкой гарнизон и всех тамо живущих турецких подданных с женами и с детьми и пожитками водою и сухим путём препроводить нам до первого отсюда их городка имянуемого Ацукка. Того ради изволите ваше превосходительство для того их к помянутому месту препровождения изготовить сего числа 30 каек, 7 ботов и для конвоирования 2 галеры на которых имеют быть пассажирами на одной выше помянутой Паша, а на другой Янычар Ага и велеть оные завтрашнего числа препроводить к Азовской пристани». Гарнизон Азова в составе 3463 человек покинул крепость. Вместе с турками ушли 2233 человека горожан и 121 купец из армян и греков. В городе было освобождено 119 пленных разных наций.

После победы адмиралтейств-коллегия призвала вице-адмирала Наума Синявина «ибо он не токмо в Азове, но и тамошним морем в походах бывал» и получив от конт-адмирала Бредаля представление о фарватере в Азовское море и карту решали какие корабли строить и где именно в следующем году. Он заявил, что «военные корабли проваживаны в море по мелкому фарватеру во время прибылой с моря воды в кастах глубиною до 6 фут как ранее галеры и шмаки употребляемы быть могут и по выводе догрузать на свободном рейде».

Ключи от Азова. Фрагмент карты 18 века.

Шмаки надлежат для перевоза провианта, так как на них можно поместить *«всемерно на каждом вместить и на море безопаснее оные ходит, так и под осадную артиллерию к перевозу иметь могут... а галеры будут как людьми, так и артиллерию довольно вооружены... их работы довольно числа людей и больших пушек иметь и ежели случай позовет к военному действию довольно быть не могут, ход оных только под парусами, а гребле ходить почитай не могут»*. Он напомнил всем что корабли ранее содержались в Таганрогской гавани и на реке Миус, где можно построить небольшую крепость с гарнизоном и склады для содержания провианта. Для перевоза грузов из Азова можно применить будары, а для перевозки людей и лошадей применять канчебасы построенные мастером Ниулоном. Они имеют маленькую осадку и пройти могут по всем рукавам Дона *«к строению галер и шмаков многое число лесов уже заготовлено и по лекалам обложено... а ежели вместо них строить их работы и боты, то многие леса и припасы к тем судам в годность прийти не могут»*.

В указе Императрицы было определено что строить разные суда зимой и весной необходимо как на Дону, так и на Днепре. В Тавров был послан командовать строениями судов **контр-адмирал Василий Афанасьевич Дмитриев-Мамонов**.

Весной 1737 года к Азову прибыло 500 лодок, вмещавших от 40 до 45 человек каждая, и построенных в течение зимы. Они предназначались для совместных действий флотилии и войск под командованием генерал-фельдмаршала Петра Ласси, на побережье Азовского моря. В середине мая, приняв на лодки 14 пехотных полков, Петр Бредаль, возведенный в вице-адмиралы, стал со своей флотилией подниматься по реке Кальмиус, где располагались войска Петра Ласси. Пройдя 10 верст вверх, моряки навели плавучий мост, по которому русские войска перешли на другой берег. 9 июня флотилия прибыла в Гениченск ставшей базой Российских кораблей. Отсюда отряды судов отправлялись к берегам Азовского моря, нередко вступая в бои с кораблями противника. Армии под командованием генерал-фельдмаршала Кристофа Бурхарда фон Миниха требовалось содействие с моря для овладения главного опорного пункта Османской Порты в северном Причерноморье: крепости Очаков. В мае рус-

ские войска под руководством генерал-фельдмаршала Петра Ласси штурмом взяли **крепость Перекоп** (севернее нынешнего Армянска) и открыла себе дорогу ко всему Крыму с северной стороны. В этом укреплении был 3000 гарнизон османских янычар. Наша пехота вошла на валы и потом с помощью пик и рогаток взобрались на каменную стену. Оказавшие сопротивление турки были истреблены, остальные здались в плен. Наши войска захватили турецкий **Кёзлев** (по-русски Козлов, нынешняя Евпатория), где приобрели многочисленные припасы. Далее наши вошли в **Багчасарай** (сад-дворец) современный Бахчисарай и предали огню.

Русские войска **генерала-фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Миниха**, состоявшие из трёх дивизий (первая под руководством генерала Людвиг Гессен-Гомбургского, вторая генерала Александра Румянцева, третья генерала Михаила Леонтьева), так же было 7000 донских казаков, 6000 запарожских черкас и другие. Всего армия насчитывала более 60000 воинов.

Граф Бурхард Миних докладывая Императрице Анне Иоанновне о подготовке к осаде, просил: *«В Брянске на Десне, впадающей в Днепр суда надобно достраивать и послать туда искусного и прилежного флагмана и мастеров»*. Выбор пал на боевого **вице-адмирала Наума Акимовича Синявина**, которого назначили **Главным командиром морской экспедиции и Днепровской флотилии**. В начале октября Синявин встретился с командующим армией фельдмаршалом Минихом в Полтаве. Они решали, какие суда необходимо строить в Брянске и как сплавлять их к морю через Днепровские пороги.

Бурхард Кристоф фон Миних. Гравюра 18 века

Генерал-фельдмаршал писал императрице: *«На вице-адмирала Синявина крепкую надежду иметь можно, что он порученное ему дело исправит, от приготовления же нового надёжного флота зависит возможность принудить турок к миру»*. В середине ноября Синявин начал производить строительство судов: *«...строение судов началось, ради чего по наряду работных людей великороссийских прислано было, и имелось во Брянске на работе в лесах пеших до 12000 и конных до 7000 человек. Строение началось с поспешанием: прамы, галеры, ластовые суды, брегантины, дубель-шлюпки, венецианские боты, казацкие лотки и разных весел шлюпки, что с неусыпными трудами чинено было и работа производилась»*.

Генерал Миних и вице-адмирал Синявин договорились устроить новую верфь несколько выше Запорожской Сечи. Фельдмаршал писал в Петербург по этому случаю: *«Поступками запорожских козаков я очень доволен, все мои предписания они исполняют, жалованием и провиантом удовлетворены, кроме того, получили большую добычу в нынешнюю и прошлогоднюю кампании и потому очень довольны, присылали ко мне депутатов с благодарностию»*.

Хотя они люди дикие, но своевольных теперь между ними немного, и нельзя думать, чтоб они могли затеять что-нибудь противное; строение верфи не может их раздражить, потому что она выше их Сечи и не в близком расстоянии, однако за поступками их я прилежно наблюдаю».

1 июля вся армия переправилась через реку Буг и скорым маршем выдвинулась к Очакову. Все увидели, что предместья вокруг крепости были подожжены. Крепость Очаков была достаточно сильно укреплена, представляя собой замок с тремя линиями стен с форштадтами. Гарнизон крепости состоял из 22 000 человек под командой сераскира Яж-паши и коменданта двухбунчужного паши Мустафы. Артиллерия крепости состояла из 98 пушек, 7 мортир и 1 гаубицы. Вокруг осадной линии были построены 5 редутов и 4 отдельных батарей артиллерии. 12 июля начался обстрел крепости, который продолжался всю ночь. В городе начались пожары и произошёл взрыв главного порохового погреба, где было 500 бочек с порохом. От этого взрыва погибло 6000 янычар.

Османский сераскира Яж-паша пытался бежать на галерах, но донские казаки перерезали путь к отступлению. К галерам, стоящим в Днепровском лимане, прорвалось всего 200 турок. Турецкая крепость Очаков сдалась, в ней были обнаружены 16000 погибших османцев, которых русские военные похоронили за стенами крепости. Лето 1737 года было жарким, и такая крупная река, как Днепр, обмелела, возникли серьезные трудности с проходом знаменитых днепровских порогов. Первые корабли Днепровской флотилии смогли достичь Очакова лишь в июле, когда крепость уже была взята армией Миниха. 19 июля прибыли 14 двойных шлюпок и 70 больших судов под начальством полковника Хрипунова. 4 августа пришли суда бригадира князя Баратынского: 50 двойных шлюпок с пехотой, 4 канчебаса с лошадьми и 57 больших судов. В октябре под стенами Очакова появилось 40000 османская армия. 28 октября турки сделали подкоп и попытались взорвать Измайловские ворота.

Российские войска под руководством генерал-майор Федора Штофельна успешно отбили эту массированную атаку противника. Турки потеряли более 4000 человек, наши потери составили 247 человек. Османские войска отступили от Очакова к Бендерам. В декабре Донские казаки атамана Фролова соединились на реке Ея с калмыками хана Дундук-Омбы которых было до 30000 конников. Переправившись через реку Кубань на остров Мултянский они напали на татарские кочевья у города Темрюк и полностью их разбили.

В январе **1738 года** в Брянск прибыл из Полтавы вице-адмирал Наум Синявин. Барш вспоминает *«...в Канторе строений, и он стал присутствовать и штабский советник Зыбин и я, и строение наше производитца с поспешением и со всякою строгостью, ибо подтверждаются имянные указы и фельдмаршаловы ордера, дабы неусыпные труды приложены были, что и чинилось».* В марте Наум Синявин получил приказ от фельдмаршала Миниха *«о принятии команды в Ачагов, то он взял с собою 1 ластовое судно, 4 венецианских бота, 3 казацкия лотки, 20 весельных 3 шлюпки и отправился, взяв команду».*

Весной на театре боевых действий разразилась эпидемия чумы, «морская язва» принудила оставить Очаков и Кинбурн; гарнизоны при выходе разорили обе крепости. Зараза не исчезала в степи, чума проникала выше по Днепру. Миних писал в столицу, что *«употребляет все средства для пресечения сообщений зараженных мест с незараженными, но встречает большие препятствия, потому что обхватить караулами всю границу трудно; притом никак нельзя удержать пограничное народонаселение по его легкомыслию и непостоянству от переходов из одного места в другое, никакие караулы и запрещения под смертною казнию не помогают».* Вице-адмирал **Наум Акимович Синявин** принял под своё командование все оставшиеся войска и гребную флотилию, стоявшую в Днепровском лимане у впадения реки Буг. Капитан 1 ранга Яков Барш вынужден был сплавлять новопостроенные суда вниз по Днепру без своего непосредственного начальника Наума Синявина. 18 мая Барш прибыл в Усть-Самару, где встретил контр-адмирала Дмитриева-Мамонова. Через 2 дня в Малышевце произошло землетрясение *«что великой страх всем живущим придал. Получено известие, что*

внис по Днепру оказалась немалая опасная болезнь». 25 мая суда проводились через Кайдацкие пороги и дошли до Ненасытца. Далее все построенные суда прибыли в Малышевец «там опасная болезнь заразила, и народу немало померло». Барш пишет в своём Журнале «...9 июня следовал порогами с великою трудностью и многократными ударами о камни. Далее через пороги оные суды: галеры, прамы, брегантины и прочего звания спустили все благополучно, хотя и с великим страхом».

10 июня Барш получает от генерал-фельдмаршала Миниха и от контр-адмирала Мамонова «срочный ордер, чтоб следовал к Ачакову бес потерявши времени, не мешкая ни дни, ни часа, ни минуты, под опасением не токмо суда, но и смертной казни, на 3 десятивесельных шлюпках, взяв с собою двух капитанов, двух поручиков и прочих. И велено прибыв в Ачаков принять флотилию в свою команду и исполнение чинить по данным указом и ордерам вице-адмирала Синявина». Он понял, что Наум Синявин умер. Далее Барш быстро преодолел 146 вёрст и заехал в Сечу к капитану Протопопову на дюбель-шлюпку. Тот лежал с горячкою и сказал, что осталось всего 35 человек из команды в 530 моряков. Осмотрев верфь начатаю Синявиным Барш вернулся на шлюпку «пив чай у него и вотку, простясь отъехал, а уже по известиям после по отбытии моем на другой день оной умер, имея у себя два дни опасную болезнь и не сказал мне, меня же бог спас». Возможно, таким же образом **9 июня 1738 года умер 57 летний вице-адмирал Наум Акимович Синявин.**

У него остался в Петербурге 16-летний сын Алексей Наумович Синявин, про которого будет написано дальше. Очень потрясла эта внезапная смерть старшего брата Ульяна Акимовича Синявина, который был уже не удел государства, но проживал в Санкт-Петербурге. Он умрёт через два года. В последние дни Наум Акимович несмотря на болезнь, переноса на ногах температуру, давал указания и передвигался по Лиману на шлюпке. Он умер в шанце Александр, где командиром был генерал-майор Кейзерлинг «у него с 500 человек померло и в остатке с 350. Тут же была морская команда мастера Мясного с некоторыми судами, который объявил мне о смерти вице-адмирала Синявина, что умер опасною болезнию». В феврале следующего года внезапно и скоропостижно умер контр-адмирал Василий Дмитриев-Мамонов, «жалуясь головою и сидя за столом обедав, ударив в голову рукою, охнул и умер, которой и свидетельствован, но токмо опасной болезни у него не обыскалось».

Приведу выписку из книги В. А. Золатарёва «Три столетия Российского флота»: «По давнему морскому обычаю доктор или фельдшер немедленно докладывает вахтенному начальнику о чьей-либо смерти на корабле, когда бы та ни случилась ночью или днем. Последний заносит факт смерти в вахтенный журнал и докладывает командиру. По обычаю же тело зашивается в парусину, к ногам прикрепляется тяжёлый груз, все помещается на специальной чисто оструганной доске, выносится на шканцы, ставится на небольшое возвышение и покрывается Андреевским флагом. Священник совершает обряд отпевания; в его отсутствие эти обязанности берет на себя командир корабля. С началом отпевания флаг припускается до половины. По окончании церковного обряда под пение „Со святыми упокой“ тело вместе с доской подносится к борту ногами вперед и кладется концом на планиш. Два специально назначенных матроса встают в изголовье и берут края флага в руки. По сигналу горниста (специальный напутственный сигнал умершему) доска приподнимается, и тело выскальзывает за борт из-под флага; в это же время производится троекратный залп судовым караулом. Флаг поднимается до места. На церемонии обязаны присутствовать все офицеры и матросы, не занятые службой. Такая почесть отдается всем служившим на военном корабле, погребаемым в море, без различия служебного положения». Именно так был похоронен Наум Синявин так как нигде в архивах и древних актах не сохранилось какие-либо сведения по захоронению.

Закончился исторический период, в котором служили России братья Синявины, но на смену приходят их сыновья Алексей Наумович, Сергей Наумович, Иван Иванович, Николай Иванович, Дмитрий Николаевич, Иван Григорьевич и другие.

2. Алексей Наумович Синявин. Сергей Наумович Синявин. Иван Иванович Синявин. Николай Иванович Синявин. Флот во времена правления Елизаветы Петровны 1741—1761 год

В год смерти отца Алексею Синявину было 16 лет он учился в Петербурге в Морской академии (там ныне находится Академия художеств). Мичману Сергею Наумовичу Синявину его брату было 22 года, и он также как отец был в Днепровской экспедиции. Двоюродный брат Николай Иванович Синявин был переведён в гардемарины. Эта морская школа славилась своей суровой дисциплиной, поскольку подготовку кадров здесь закладывал ещё Петр Великий и считал делом особой государственной важности. Каникулы были небольшие, а заниматься приходилось до 10 часов в сутки. Дети низших сословий, проходили только две первые ступени обучения. Это была программа обычной сельской школы. И по окончании их направляли писарями к разным должностным лицам или учиться специальностям мастеровых адмиралтейства, помощников архитекторов, аптекарей, врачей. Дети дворян как наш герой Алексей Синявин и его брат Николай Иванович шли дальше и изучали специальные морские науки, а потом посылались в Кронштадт для прохождения обязательной практики на морских кораблях и судостроительных верфях. Морская академия готовила специалистов в области навигации, артиллерии, фортификации, устройства корабля, а позже геодезистов, топографов и картографов. Здесь изучались математика, тригонометрия, навигация, астрономия, артиллерия и другие науки. Дисциплина и порядок поддерживались весьма суровыми наказаниями. По окончании академии ему было присвоено звание мичман. Он был направлен в Днепровскую экспедицию на строительство новых кораблей на Днестре.

В это самое время русская армия под руководством генерал-лейтенанта Карла Бирона под Ставучанами переправилась через реку Шуланец и выставив трёхстороннее каре с пушками внутри и начала обстреливать турецкие укрепления лагеря Вели-паши. Турки организовали контратаку в 13000 янычар и 3000 конницы. Успешные действия артиллерии решили исход битвы при Ставучанах. Турецкие войска были разбиты и Генж-Али-паша последний раз напав конницей на войска Миниха отступил. За ними погнались Донские казаки и Запорожские черкасы. Наши войска почти не понесли потерь. Миних сказал про такой успех *«храбростью российских солдат и сколько артиллерийский и траншейный огонь, которому они обучены»*. Русские войска заняли крепость Хотин. Громадная 70000 Османская армия была разбита.

В 1739 году был заключен **Белградский Мирный договор** между Россией и Турцией. Выход Австрии из войны делал бесперспективным продолжение затянувшейся баталии. Завершилась это противостояние с Османской Империей. По договору Россия получала небольшие города на Правобережье Днестра. Россия возвратила себе Азов, но обязалась не вооружать его и срыть укрепления Малой и Большой Кабарды. России было запрещено иметь флот на Азовском и Черном морях, а торговля в них могла вестись только с использованием турецких кораблей. Днепровская флотилия, насчитывавшая к тому времени 657 судов, была расформирована.

В 1740 году мичман Алексей Синявин был направлен с Днестра на Балтийский флот. В Петербурге настали смутные времена. У племянницы Анны Иоанновны Анны Леопольдовны герцогине Брауншвейгской родился сын Иоанн Антонович, которого Царица назвала своим приемником. И вот в октябре Государыня села обедать со своим фаворитом Эрнстом Бироном и ей стало плохо. Через 10 дней Государыня подписала наследственную грамоту в пользу Иоанна Антоновича под регенством Бирона. Спустя некоторое время Государыня скончалась на 48 году жизни от *«мочекаменной болезни»*. Через две недели произошёл царский переворот,

возглавляемый Бурхартом Минихом. Он послал полковника Кристофа Манштейна с гвардейцами арестовать Бирона прямо в его спальне. Последний был захвачен, разжалован и сослан на каторгу за Уральские горы в городок Пелым.

В августе 1741 года русскому послу в Стокгольме было сообщено что Швеция объявляет войну России якобы за вмешательство во внутренние дела королевства и убийство шведского дипломатического курьера Малькольма Синклера. Этот человек вез документы от турецкого султана и у Бресау убит капитаном Кутлером и поручиком Левицким, которых послал русский фельдмаршал Бурхарт Миних. К середине августа армейский корпус генерала Якова Кейта численностью около 20000 солдат сосредоточился у Выборга. Главнокомандующим армией в Финляндии был назначен генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси.

У Красной Горки расположились войска, которым ставилась задача отразить возможную высадку шведского десанта вблизи Санкт-Петербурга. Русский флот (14 линейных кораблей, 3 фрегата, 2 бомбардирских корабля) в это время стоял в Кронштадте. 13 августа 1741 г. Россия в ответ объявила войну Швеции. Русские войска под командованием генерала Ласси 21 августа выступили из Выборга к Вильманстранду. Через день шведский генерал Врангель вышел из крепости, и там произошел бой, в котором шведы потерпели поражение. Наши войска овладели этой крепостью. Обе стороны понесли большие потери.

В ноябре этого года происходит очередной дворцовый переворот, в ходе которого был свергнут император Иоанн Антонович и его родители, а на престол возведена дочь Петра Великого 31 летняя **Елизавета Петровна**. Она до этого расположила к себе офицеров и солдат Преображенского полка которых называла «*дети мои*». Дочь Петра превратилась в символ национальной идеи скинуть засилье «*немцев*».

Решено Императорного
 Величества Заподписаниемъ Соблюдения
 Ея Величества кнзи Указомъ состоящимъ
 по Высочайшему Ея Величества повелению
 Императорский Престолоу, сообщенныя бывшаго
 кабинета ибвѣщающагося при дворе Ея Вели-
 чества генералитетского и министерско
 Страны Заглавий предвѣдующи Стлѣ ХЗ,
 Прошляна ХѢ: 1741 году ноября 25 числа то
 1743 году;

№	числа	Содержание	листы
Ноябрь 1741 года			
1	25	Министерство приказы екатеринский Ея Императорского Величества Гортю для отправления кнзи указомъ кнзи Страны Заглавий предвѣдующи Стлѣ ХЗ, прошеяна ХѢ: 1741 году ноября 25 числа то 1743 году;	1
1	26	Обытій шриге вицебермасторомъ генералъ тинанствъ еротинитъ ибвѣщающаго бывшаго доинте шговъ герихте Президентта именена, Оунесло мѣсто обытій шговъ герихте по штемъ вице Президентта баронъ Гѣерхъ; Манифестъ каждаго нижегородский губернаторский родственны престолоу Ея Императорского Величества кнзи и мѣждоушная Елисаветъ Петровнаи обвѣщаются снзи снзи;	7
2	28	Манифестъ каждаго нижегородский губернаторский родственны престолоу Ея Императорского Величества кнзи и мѣждоушная Елисаветъ Петровнаи обвѣщаются снзи снзи;	3
2	29	Оимѣннй Епископителеналъ псаинномъ Советникъ Оулетю бестѣхъ Юминт для епо непавинного Прептерения старшинства снтого шрѣмани канв о втотавъ шнв подалова;	3
3	29	Опожалованнй Прѣде бывшаго псаинного патини Сиретора, и пана Герасова Епископителеналъ етатиния, Овенни Юбитій шнв шрибвѣра лений комматинв Ея Императорского Величества Писѣ	5
4	29	Опожалованнй генерала лейтнантца и генерала Оуотмантца шсий Сайышева в генералы;	7

Перечень указов 18 века. Снимок из архивного материала РГИА.

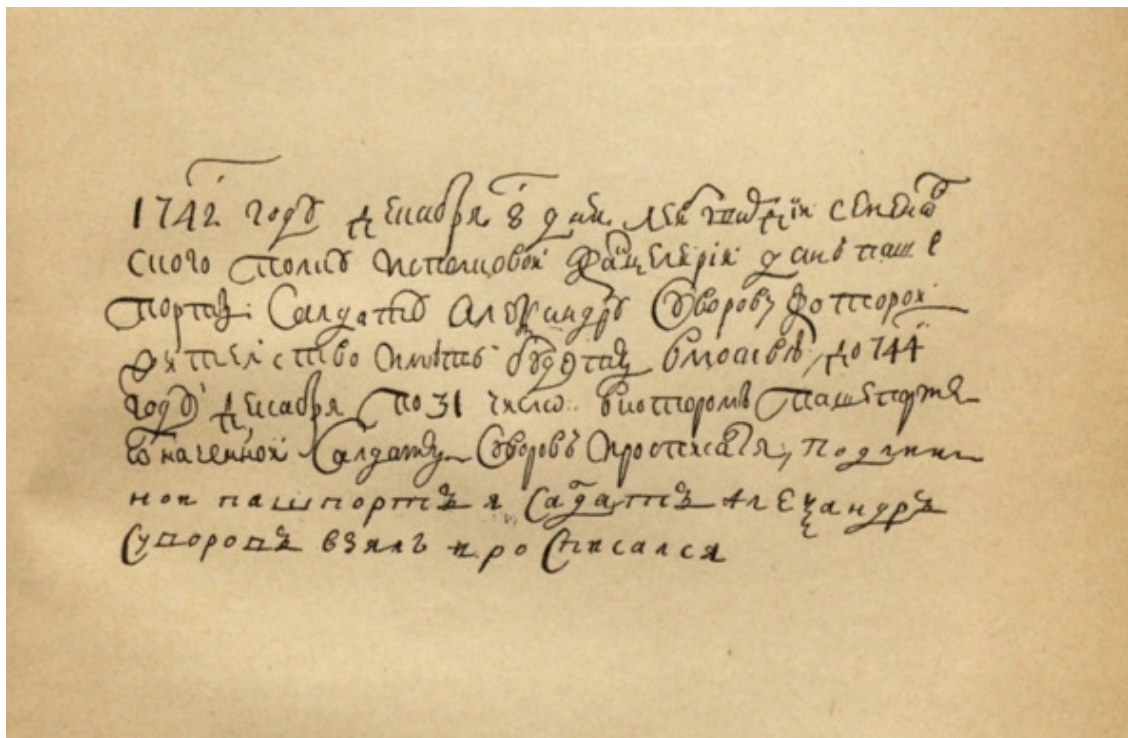
Елизавету поддержали братья Шуваловы, Разумовский, Михаил Воронцов и родные Василий Салтыков, Скавронские, Ефимовские и Гендриковы. Государыня одела армейский мундир на него «кирасу» и приехав к гвардейцам сказала: «*Ребята! Вы знаете, чья я дочь, ступайте за мной*». Она сама объявила в Зимнем дворце об аресте Анне Леопольдовне и Мегдену. Маленький младенец Иоанн признан незаконным государем и сослан в Холмогоры. Регентов Бурхарта Миниха, Остермана, Левенвольде осудили и сослали в Сибирь.

Мичман Алексей Наумович Синявин (которому 19 лет) полностью поддержал вступление на престол Елизаветы Петровны. В декабре принял присягу и был произведён в лейтенанты. При коронации в Москве в апреле 1742 года Елизавета Петровна демонстративно взяла корону из рук митрополита, и сама возложила себе на голову, подчёркивая этим, что обязана властью только самой себе. Императрица полагала, что ей достаточно будет лишь продолжать политику отца. Эта тактика, проводимая под лозунгом восстановления «*священных начал Петра Великого*», оказалась единственно верной: в это время Россия испытывала подъём национального самосознания и гордость петровскими свершениями, и дочь Петра I на троне являлась для многих гарантом сохранения достигнутых при её отце успехов.

В августе Петр Ласси настиг шведскую армию у Гельсингфорса, отрезав ей дальнейшее отступление к Або. В это же время русский флот запер шведов со стороны моря. Русский парусный флот под командованием старого вице-адмирала Захара Мишукова (14 линейных кораблей, 3 фрегата, 3 бомбардирских корабля) и гребная флотилия (106 гребных судов) базировались на Кронштадт. Гребная флотилия должна была помогать армии путем подвоза войск, а парусный флот прикрывать гребную флотилию. Архангельская эскадра под руководством вице-адмирала Петра Бредала (7 линейных кораблей, 5 фрегатов), должна была перейти в Ревель и соединиться с Мишуковым, но из-за сильных штормов вернулась в Колу. Все морские силы преследовали противника. Мишуков подошел к острову Нарген и к полуострову Гангут, но атаковать шведский флот не решился. Он повернул корабли снова к острову, где и простоял на якоре до зимнего периода. У Гельсингфорса наземные войска шведы заняли сильно укрепленную позицию. Наши части обошли этот город и перерезали дорогу на Або. Хорошо вооружённая 17000 шведская армия оказалась в окружении и капитулировала. Армия генерала Кейта заняла Або и в итоге вся Финляндия оказалась в наших руках.

25 октября 1742 года, недоросль **Александр Васильев сын Суворов** подал в канцелярию лейб-гвардии Семеновского полка челобитную на имя Императрицы Елизаветы Петровны об определении его в «*означенной*» Семеновский полк солдатом, «*понеже он в службу еще нигде не определен*».

Недоросль Суворов, был допрошен в полковой канцелярии и «*сказал: от роду ему 12 лет в верности Ея Императорскаго Величества службы у присяги был, отец его ныне обрета-етца в Берг-коллегии при штатских делах прокурором, а он, Александр, доньне живет в доме помянутого отца своего и обучаетца на своем коште французского языка и арифметики, а в службу никуда определен, також и для обучения наук во Академиях записан не был, а во владении за означенным отцом его крестьян мужеска полу в разных уездах, а имянно: в Пензенском двести шестьдесят две, в Переславском Залеского тридцать семь, в Суздальском дватцать, всего триста девятнадцать душ*». Александр Суворов фактически с этих лет являлся полноправным солдатом полка. Оставалось получить «*пашпорт*» и ехать домой в Москву для окончания образования. 8 декабря паспорт был выдан из полковой канцелярии, а с Суворова взят «*реверс*»: «*подлинной пашпорт я салдат Александр Суворов взял и росписался*». Вот подлинный снимок с архивного документа.

Заявление Суворова. Снимок с архивного документа РГИА.

Но продолжим про Балтийский флот. На другой год Ревельская эскадра под командованием контр-адмирала Баржа в апреле вышла к Ганге, благодаря чему шхерный-галерный флот мог пройти в Аландские шхеры. Адмирал Николай Головин должен был вступить в активные действия, но подойдя к шведскому флоту, граф Головин на виду у неприятеля лег в дрейф. Тут налетел шторм, и Головин с флотом укрылся в Рогервике.

В линии у Гангута русского флота было 14 кораблей, 2 фрегатов и 2 бомбардирских корабля, у шведов 21 корабль. На 66 пушечном корабле «Северный Орёл» под командованием **контр-адмирала Якова Барша** проходил морскую службу лейтенант Алексей Синявин. В ожидании первого выстрела флоты простояли день и потом разошлись по своим запасным позициям. Позже в мае Русская галерная эскадра из 9 судов под командою капитана Кайсарова в Аландских шхерах у острова Карпо была атакована шведской эскадрой, но после трёхчасового боя шведы отступили. После капитуляции армии Швеция не могла рассчитывать на успешный исход войны и предложила заключить мир. В марте 1743 г. в Або начались переговоры о мире. Стремясь ускорить заключение мира на выгодных для России условиях, русское командование подготавливало войска и гребной флот для высадки десанта на территорию Швеции. Парусному флоту ставилась задача прикрывать гребной флот во время перевозки и высадки десанта. Несмотря на начавшиеся переговоры о мире, Швеция готовилась продолжать военные действия. Шведская флотилия находилась у Дегербю. Русский гребной флот под командованием Петра Ласси (36 галер и 70 кончебасов) с войсками 3 мая вышел из Санкт-Петербурга, чтобы высадить десант на шведское побережье. Адмирал Головин, несмотря на приказание Ласси, не решился вступить в бой со шведским флотом. На следующий день после непродолжительной перестрелки и маневрирования флоты разошлись. У русских основная тяжесть боя легла на ПРАМы «Олифант» и «Дикий Бык». Только несколько русских галер могли оказывать ПРАМам поддержку. За время артиллерийской дуэли с русских ПРАМов было сделано 1063 выстрела, с галер -322, с береговых батарей -89. На судах боем руководил капитан Иван Кайсаров. Русский флот 10 июня возвратился в Ревель. Шведский флот до окончания войны крейсеровал между островами Готланд и Даго, а затем ушел

в Карлскруну. **7 августа 1743 года** в Або был подписан **Абоский мирный договор** между Россией и Швецией. Граница со Швецией устанавливалась по реке Кюммене и озеру Сайма. Россия получила Кюмменегородскую провинцию с крепостями Фридрихсгам и Вильманstrand и часть Саволакской провинции с крепостью Нейшлот.

Лейтенант Иван Иванович Сенявин 1743 году командуя фрегатом «Россия» после его ремонта ходил в Стокгольм с провиантом и амуницией. Вот выписка из судового журнала: *«Пришед мы в Стокгольму легли на якорь. Для приезда к нам на фрегат генерал-аншефа Кейта выпалено с фрегата из 15 пушек; за здравие Ея И. В. из 15, за здравие внука Петра I, великого князя Петра Федоровича из 15, за здравие шведской короны Королевского величества из 11, для отъезда Кейта из 15».*

В Киеве в это время была Императрица и по прошению Старшин Малороссийских в составе: генеральный обозный Лизогуб, хорунжий Ханенко, Бунчуковый товарищ Василий Гудович, предоставила Малороссийскому народу избрать *«Гетмана вольными голосами»*. В итоге гетманом Малороссии был избран 22-летний граф Кирилл Григорьевич Разумовский. Ему отданы в подчинение Ямполь и Батурин с уездами. В этом году по окончании распределения границ, наше правительство приступило к постепенному заселению заднепровской территории и охране её от неприятельских набегов. Миргородский полковник Капниста и инженер-подполковник Дебоскет основали на польской границе 3 крепости: Крыловскую на устье реки Тясмин, Петровскую на реке Вис и Ново-Архангельский шанец на реке Синюхе. Эти крепости служили некоторой защитой поселениям русских вокруг них.

В начале **1744 года** в Москву из Пруссии вместе с матерью прибыла Софья Августа, которой к тому времени 14 лет. Она стала невестой Великого князя Петра Фёдоровича. Летом немка приняла православную веру, после чего Архиепископ Новгородский помазал её и наименовал Великой княжной Екатериной Алексеевной. В Москве происходило торжественное празднование мира с Швецией. Были награждены: генерал-фельдмаршал граф Ласси-шпагу, табакерку с бриллиантами и 3000 рублей к жалованию, генералы-аншефы Левашов и Кейт-шпаги с бриллиантами и 2000 рублей к жалованию, генерал-лейтенанты Брилли, Штоффельн, Хрущов, Салтыков, Ливен, Брюс, Лопухин-шпаги с бриллиантами. Графское звание получили: Андрей Ушаков, Александр Румянцов, Алексей Разумовский и Кирилл Разумовский, и другие получили награды и звания.

В августе **1745 года** состоялось бракосочетание Екатерины Алексеевны с Петром Фёдоровичем. В этом же году Царица предприняла поездку в Ревель, где перед ней маневрировала Ревельская эскадра. Старший брат Алексея Синявина 25-летний лейтенант **Сергей Наумович Синявин** был на яхте «*Виццоу*», а 23-летний лейтенант **Алексей Наумович Синявин** на яхте «*Елизавета*». В морской коллегии позже слушали доклад генерал-экипажмейстера, по поводу обмундирования *«...что сделанный мундир на капитана Римсаго-Корсакова, да на советника князя Волконского и на лейтенантов Синявиных всем остальным офицерам делать по тому образцу, позумент с городками класть по борту одной стороны мундира».*

Русский фрегат 18 века. Неизвестный художник.

12 августа эти яхты вошли в Неву. На них подняли брейд-вымпелы. Далее эти суда снявшись с якоря переменили место и встали против Зимнего дворца. За ними пришли 24 галеры и пройдя дворец так же встали на якоря. 21 августа со всех судов производился салют из всех пушек. Во время шествия Елизаветы Петровны (по случаю бракосочетания) на реи были выставлены все матросы, которые кричали «*виват*» 11 раз, били на барабанах и играли на трубах.

Лейтенант Алексей Синявин принимал непосредственное участие в этих торжествах. Вышло так что Императрица проплывала совсем рядом с молодым моряком, который трепетно наблюдал за Государыней. Вечером палили с яхт и кораблей из 61 пушки. Ночью все корабли иллюминировали фонарями. Одна из галер буксировала ботик (Дедушку Русского флота) при бое в барабаны и игре в трубы. Бот подошёл к Невскому монастырю и лег на якорь, позади встали яхты «*Виццоу*», «*Елизавета*» и «*Декроне*». 30 августа Елизавета Петровна находилась на Петровском ботике, который с гребцами вышел из Невского канала. За ним тянулись 20 галер. Все корабли палили из всех пушек в честь Ея Императорского Величества. Здесь уточню, что в этом году двоюродный брат лейтенант Иван Синявин командовал 54-пушечным линкором «*Святой Андрей*» и принимал участие в маневрах на Балтийском море.

Весной **1746 года** Адмиралтейств-коллегия издала указ «*употреблять на флоте сбитень вместо пива. Сбитень сварен из горячего вина, пива, уксусу, меду сырца с перцем и имбирем... 8 часть против семи частей воды в порции даваемая довольно и здорово служителям пить*». Весь флот в июле был отправлен для «*экзерциции в море на 5 недель; командирами над оными флотами быть вице-адмиралу Мишукову и контр-адмиралам Баршу и Вильбоа*». В этом году на фрегате «*Воин*» в Ревельской эскадре контр-адмирала Барша был командиром **Иван Иванович Синявин**. Его двоюродные братья лейтенанты Алексей и Сергей Синявины были на яхтах «*Виццоу*» и «*Елизавета*» и стояли на Невском рейде у Зимнего дворца.

В **1747 году** 17-летняя Екатерина Алексеевна жила в Ораниенбауме и часто ходила на охоту: «*Она вставала в 3 часа утра и одевалась без прислуги в мужское платье; потом в сопровождении одного старого егеря, с ружьем на плече, с охотничьей собакою приходила*

к берегу морскому и садилась с ними в ялик, на котором действовал вёслами рыбак. В тростнике, близ берега, стреляла Она в диких уток; часто объезжала длинный канал, на конце которого пристань; иногда в ялике удалялась на довольно расстояние в море, когда оно волновалось». Я так понимаю, что любовь и интерес к морю и флоту как раз появился в молодости, как и у Алексея Синявина и далее проявился во время царствования.

В мае этого года Адмиралтейств-коллегия получила сведения от наших купцов из Болоньи, что готовится провокация *«вооружённый французский капер под командою капитана Якова Тейса явится в Балтийское море для получения призов и он разные флаги, то есть французский. Мы для пользы и безопасности, происходящей из портов наших навигаций и коммерция никакого допустить не может, чтоб такие каперы и хищники на сем море безпокойство и помешательство в том делали... того ради нашей адмиралтейств-коллегии всемилостивейше повелеваем из нашего флота нарядить и сколь скоро возможно будет ныне в море отправить нарочные 3 фрегата и велеть им от наших берегов даже до Зунда и отольдолго крейсировать пока обыкновенное время для компании минует... и таким образом ежели оный капер на море попадетя, то ловить и не смотря ни на какие флаги или имеющиеся у них паспорта, арестовать и в наши порты куда ближе и способнее будет проводить»*. На 32 пушечном фрегате «Воин» в Кронштадтской эскадре был командир лейтенант Иван Синявин *«24 июля фрегат Воин отправлен для отыскания крейсирующих фрегатов №1 и №2 и для передачи им коллежских ордеров, которые курсировали между Готландом и Даницгом»*. На 40 галерах и 10 кончбасов с лошадьми были отправлены в Лифляндию 5 пехотных полков в район Риги и Динаминда под командованием генерала-лейтенанта Дебреньи.

Императрица Елизавета. Старинная гравюра 18 века.

На следующий **1748** год Адмиралтейств-коллегия, озабоченная плохим состоянием флота, решила просить канцлера Бестужева-Рюмина довести до Императрицы Елизаветы Петровны «что весь флот и адмиралтейство в такое разорение и упадок приходят, что уже

со многим временем поправить оное трудно будет... и теперь уже весьма близкая опасность все те несказанные императора Петра труды потерянными видеть». Тридцати двух пушечным фрегатом «Россия» командовал лейтенант Иван Сенявин. Все корабли Кронштадтской эскадры были в подчинении контр-адмирала Люиса и ходили у Берёзовых островов. Затем Иван Синявин ходил в Ревель с провиантом для эскадры. Лейтенант Сергей Синявин был на яхте «Транспорт Анна» Ревельской эскадры вице-адмирала Барша и выходил в отдельное плавание по Неве где перевозил царский двор в Петергоф и обратно.

Капитан-лейтенант Иван Иванович Синявин двоюродный 42-летний брат Алексея Наумовича Синявина в **1749 году** командовал 54-пушечным кораблём «Астрахань» который перевозил из Данцига в Ревель больных и имущество русского экспедиционного корпуса. В июле «с риф-марсельным вестовым ветром весь день ходили под парусами и оный корабль как под марселями, так и под нижними парусами лежит штейф и оборачивается изрядно и в ходу не хуже других кораблей».

До **1750 года** количество штаб-офицеров в корабельном и галерном флоте существенно уменьшилось: 5 капитанов и 21 лейтенант скончались, 6 капитанов и 31 лейтенант по болезни или по старости были аттестованы к отставке, 2 лейтенанта уволились с морской службы по собственному желанию. Конкуренция на вакансиях, предусмотренные петровским регламентом, заметно ослабла, но **Алексей Синявин** продолжает службу на флоте в чине лейтенанта уже почти 9 лет. Он совершает плавание на различных судах эскадры по Балтийскому морю.

В Кронштадтской эскадре под командованием вице-адмирала Мишукова на новом 66-пушечном корабле «Св. Александр Невский» капитан-лейтенант Иван Сенявин ходил в Рогервик, а затем был передан в Ревельскую эскадру. Придворный командир императорской яхты лейтенант **Сергей Наумович Синявин**, родной старший брат капитана 2 ранга Алексея Наумовича Синявина из-за болезни просился у командования и Императрицы «в дом». В архивах я нашёл документ в котором говорится: «... в 1751-м году ноября 24 пожалован именным Ея Императорскаго Величества всемилостивейшим указом х двору Их Императорских Высочеств в камер-юнкеры, в катором и ныне обстою. Сына имею одного 2-х лет и 4-х месяцев, зовут Александр (Сергеевич Сенявин). Мужеска полу дворовых и крестьян имею за собой в разных уездах, а именно, в правинцы в Переславле-Резанском, в Михайлавском уезде и той же правинцы в Муромском уезде, в Воронежском и здесь в Гермоландии и в губернии Новгородской всего 2400 душ. От роду мне 35 лет. Жалованья получаю по 800 рублей. Сергей Наумович Сенявин». РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 439, л. 790.

В **1751 году** была проведена реформа, при которой всех морских офицеров аттестовали по ранжиру. **Ивану Ивановичу Синявину** присвоили звание **капитан 3 ранга**. **Алексю Наумовичу Синявину** соответственно звание **капитан-лейтенант** вместе с Томасом Макензи, Александром Берингом и другими офицерами. В этом году Иван Сенявин на том же корабле был в Ревельской эскадре под командованием вице-адмирала Барша в крейсерство к Дагерорду.

Пока флот продолжал развиваться на севере, на южных просторах России происходили так же преобразования. В **1752 году** левобережье Днепра и южные границы России укрепились за счёт переселения нескольких тысяч семей сербов, болгар, греков, армян, черногорцев и других славянских народов. Сербы под начальством полковника Хорвата образовали 4 полка: 2 гусарских и 2 пехотных по 4000 человек в каждом. В это же время началось строительство **крепости Святой Елизаветы** (Елизаветград) близ верховья реки Ингул. Все эти разнородные поселения слились в одно общее целое военно-земледельческое поселение получившее название Новая Сербия. Общей южной границы не было, были различные оборонительные пункты на реке Самаре как-то Богородицкая крепость. Так же образовались города: Изюм, Тор, Бахмут и лежащие за Северским Донцом Ямполь, Писаревка, Сухаревка, Боровск и другие. Ранее для охраны южных границ у Азовского моря была в 1730 году заложена **крепость**

Святой Анны на берегу Дона у казацкого города Черкасск. Камер-юнкер Императрицы Елизаветы Петровны **Сергей Наумович Синявин** уволен со службы «к статским делам с чином надворного советника».

Но вернёмся к флоту в Балтийском море. В 1753 году произошёл конфликт между капитаном Иваном Сенявиным (корабль «Св. Александр Невский») и контр-адмиралом Вилимом Льюисом (корабль «Северный Орел»), что он действовал не по уставу будучи в Тагелахском заливе. Сенявин в ответ на докладную то же писал в адмиралтейств-коллегию: «...а понеже де я устав морской не редко в руках моих имею, а особливо должность которая до меня лежит памятна мне быть может, понеже я действительно нахожусь в службе Ея И. В. с 1726 года безпорочно и озарником де в противность регулам никогда не бывал... не токмо моих флагманов, но и прочих в настоящих по регулам делах до кого что принадлежит всегда избыток, а призирателем и самовольником в противность регулам не бывал; что де поднятый сигнал с корабля Северный Орел лейтенанту команды моей был с полчаса поднят и тем исполнение не учинено, просмотрен был часовым, за что оный был де и наказан, да просмотреть де было в то время весьма легко ибо в том Тагелахтском заливе по диспозиции выданной некоторые де корабли не в своих местах лежали и тако де через 3 корабля сигнал виден не без труда А что де команду порученного мне корабля в каком порядке я содержу вашему превосходительству заочно видеть не можно, а я имею офицеров оные видят и знают как оная состоит, как содержу, так и ответ в ней дать могу; токмо прошу озарником презрителем меня не писать, я тому не достоин да и не бывал, а ежели к вине моей что до меня следует, по регулам и правам, как гласят со мною поступать, а не по произволам как вашему превосходительству угодно такими словами напрасно обижать, ибо я штаб-офицер и честь де мою берегу для себя. Адмиралтейств коллегия решила судить капитана Ивана Ивановича Синявина военным судом. Точного решения этого суда я не нашёл, но в компанию 1754 года Синявин продолжает командовать кораблём «Св. Александр Невский», а вот Ревельскую эскадру возглавил **контр-адмирал Иван Григорьевич Черевин**. Контр-адмирала англичанина Вилима Льюиса назначили командиром порта Ревель. Скорее всего прав был Синявин, а не Льюис. В другом источнике нашёл что оконтр-адмирал был «понижен в звании на год». Фрегатом «Селафаил» командовал лейтенант Николай Синявин и был в отдельном плавании. Вместе с кораблём «Святой Николай» перешли из Ревеля в Кронштадт. Решением Адмиралтейской коллегии от 15 марта за номером №1000 обоих братьев Алексея и Ивана Синявиных «написать первого в капитаны 3 ранга, второго в капитаны 2 ранга».

В течение 14 лет мирного времени, прошедшего от окончания шведской и до начала прусской войны, морская деятельность нашего флота ограничивалась ежегодными практическими плаваниями на Балтийском море. Сюда отправлялись соединенные эскадры, Кронштадтская и Ревельская, а позже одна Ревельская. Общее число посылаемых в море кораблей, фрегатов и бомбардирских судов было от 8 до 24. Во время плавания, продолжавшегося от трех недель до двух месяцев, практиковали команды в управлении парусами, артиллерийском учении и ружейной экзерциции. Кроме практических отрядов посылались еще из балтийских портов в Архангельск военные и транспортные суда, нагруженные вещами и припасами, необходимыми для вооружения и снаряжения вновь построенных там судов, которые к осени приходили в Балтику.

В 1755 году расширилась торговля на юге у **Темерницкой таможи** в указе Елизаветы говорится, что «от Темерницкого порта в Царь-Град и прочие тамошние места производится уже некоторые времена коммерция». Таможня была основана у устья реки Темерник, на месте Темерницкого городища, «где донские казаки могут вести свою торговлю с приезжими греками, турками и армянами». Через неё Россия вывозила железо, чугун, коровье масло, икру, холст. Турецкими и греческими купцами привозились: шелковые ткани, фрукты, ладан и изделия из металла.

Адмирал С. И. Морозов. Художник Карл Людвиг Христианек

Наступил **1756 год** и началась новая война, (в истории значится как Семилетняя), которая являлась следствием обострившихся противоречий между европейскими державами. Два главных конфликта были причиной этой войны борьба Англии и Франции за колониальное господство и столкновение агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, России и Франции в Европе. Вступая в войну, Россия рассчитывала ослабить прусское королевство, упрочить свое положение в Прибалтике и обеспечить безопасность своих западных границ.

28 августа боевые действия начались вторжением прусской армии в Саксонию. **Капитан 2 ранга Иван Иванович Синявин (Сенявин)** был на корабле «*Наталия*» в Кронштадтской эскадре под командованием капитан-командора Дмитрия Лаптева, а затем его передали

в Крейсерскую эскадру капитан-командора Семена Мордвинова которому указано «*следовать в Ост-зее к южным берегам и там крейсовать, держась к оным сколько можно ближе и наблюдать рейды гданскую и кенигсбергскую и владений короля пруссаго берега до Курляндиш*». На корабле Ивана Сенявина был поднят брейд-вымпел начальника эскадры **капитан-командора Семёна Ивановича Мордвинова**. Он распечатал секретнейшую инструкцию, данную в адмиралтействе, где было сделано предписание распределения судов по постам. Линейные 66-пушечные корабли «*Наталия*» и «*Россия*» стояли у мыса Геля. Потом 3 октября Иван Сенявин вошел на Данцигский рейд. Наша эскадра обошла Дагерорд. 14 октября корабль «*Наталия*» и фрегат «*Архангел Михаил*» под командованием лейтенанта **Николай Ивановича Синявина** (младшего брата Иван Синявина) пришли к Ревелю.

5 мая **1757 года** Иван Синявин был «*записан капитаном 1 ранга*» и командовал линейным кораблём «*Святой Рафаил*» в Кронштадтской эскадре адмирала Мишукова и Лаптева. Он вместе с кораблями «*Св. Иоанн Златоуст*» и «*Ингерманланд*» крейсировали у Пиллау для наблюдения за приближением английских кораблей. Капитан Иван Иванович ходил в поиск к Данцигу и Карлскроне. В сильный шторм в августе на корабле «*Рафаил*» была повреждена грот-мачта и он ушёл в Ревель. Лейтенант Николай Синявин (Сенявин) на фрегате «*Архангел Михаил*» был в эскадре контр-адмирала Лопухина и крейсировал у Копенгагена.

Летом боевые действия начала Россия. Её армия под командованием 54-летнего **генерал-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина** в составе 65000 солдат, включая большое количество казаков и калмыков, прибыла в Курляндию. Ещё 20000 отряд генерал-аншефа **Виллима Фермора** губернатора Смоленска при поддержке Балтийского флота осадил город Мемель.

Генерал-фельдмаршал С. Ф. Апраксин. Неизвестный художник.

Бомбардирская эскадра капитана Алексея Вольронда, состоящая из 6 судов ПРАМов «Элифант», «Дикий бык» и бомбардирских судов «Юпитер» и «Дондер» и гальот «Рак» открыла огонь из всех пушек по Мемелю, что способствовало его сдаче. Позже лейтенант **Николай Иванович Сенявин** пожалован в «*капитаны 3 ранга за оказанный им в проходе до Мемеля с провиантом и вином судов*».

Затем в августе под деревней Гросс-Егерсдорф в Восточной Пруссии Апраксин победил прусского генерала-фельдмаршала **Иоганна фон Левальда** с 28000 армией. Левальд, быстро оценив обстановку, тотчас же решился перейти на левый берег Прегеля и атаковать нашу армию. Московский полк, прикрывавший выход из леса, первый открыл огонь по пруссакам. Донские казаки кинулись на прусскую конницу в атаку и решили навести противников

на наш авангард, готовый их встретить. Это удалось, так как пруссаки кинувшись преследовать казаков, ломилась за ними и успели прорваться за нашу пехоту. В итоге прусская конница погибла. Наша пехота повернулась кругом и открыла убийственный огонь. Русская артиллерийская батарея, стоявшая неподалеку от пехоты, дала залп картечью поперек скачущих эскадронов, которые частью повернули назад, а частью остались у нас за фронтом, где и были почти поголовно уничтожены.

Приведу тут цитату из журнала боевых действий генерала Апраксина: *«Видя это и авангард перешел в наступление. «Ступай! Ступай!» раздалась приятная Архангелогородцам команда и они кинулись вперед. Продираясь сквозь кустарник, через болото, но кочкам, полки авангарда торопились окончательно довершить поражение противника, отступавшего с большою поспешностью. Заняв очищенное поле битвы, вся армия, построившись в одну линию на месте битвы, закричала «ура» и бросила вверх шляпы, при чем «многие от радостных слез не могли промолвить слова». За пять часов боя потери прусской стороны превысили 4900 человек (1818 убитыми), русских войск 2900, из них 1487 убитых. Левальд не принимает боя и отступает. 27 августа Апраксин внезапно отошёл на другой берег реки Прегель и начал поспешное отступление к Неману. Оправившиеся пруссаки, узнав об отходе русских с опозданием на неделю, стали преследовали потихоньку русскую армию по пятам на всём протяжении пути до прусской границы. Причины столь внезапного, напоминающего бегство, отступления Апраксина не до конца понятны и сегодня. Одни объясняют это действие недостатком продовольствия и голодом в армии, другие утверждают, что канцлер Бестужев-Рюмин, в угоду великому князю Петру Фёдоровичу, тяготевшему к Фридриху Великому, приказал Апраксину отступить. Русский историк 18 века **Константин Матвеевич Бороздин** выдвинул другую версию: *«Канцлер Бестужев, ненавидимый великим князем Петром Фёдоровичем, решил возвести на престол сына его, цесаревича Павла Петровича, под опекуном Екатерины. Тяжкая болезнь императрицы Елизаветы представила ему случай исполнить отважное намерение; полагая, что Елизавета находится на смертном одре, он отозвал своего друга, фельдмаршала Апраксина, к пределам России, чтобы иметь в своем распоряжении его армию. Императрица освободилась от болезни, удалила канцлера в деревню, где он оставался и в царствование Петра III. Исполнитель воли первого министра [Апраксин], лишившийся плодов своей победы, был также потребован к ответу и заключен в небольшом дворце близ Санкт-Петербурга у места, называемого Три-Руки; около трёх лет он находился под судом и внезапно скончался 26 августа 1760 года. О его смерти сохранилось предание, будто императрица, недовольная медленным производством следствия, спросила: отчего так долго продолжается это дело? Ей отвечали, что фельдмаршал не признается ни в чём и что не знают, «что с ним делать». Императрица сказала: «Ну так остаётся последнее средство, прекратить следствие и оправдать невинного». После этого разговора, в первое заседание следственной комиссии, фельдмаршал по-прежнему утверждал свою невинность. Один из членов комиссии произнёс: «и так остается нам теперь употребить последнее средство...». Не успел он кончить слов, как вдруг апоплексический удар поверг Апраксина мёртвым на землю». Вот так погиб русский генерал-фельдмаршал, крепкий и высокий колосс того времени, запутанный в политических и придворных интригах. Мало осталось воспоминаний очевидцев об этом человеке. Историк, член академии наук 18 века князь **Михаил Щербатов** так отзывался о Апраксине: *«Человек благодетельный и доброго расположения сердца, но малознающ в вещах, пронёрлив, роскошен, честолюбив, всегда имел великий стол, гардероб его из многих сот разных богатых кафтанов состоял; в походе все спокойствия, все удовольствия ему последовали. Палатки его величиною город составляли, обоз его более нежели 500 лошадей тягчал, и для его собственного употребления было с ним 50 заводных, богато убранных лошадей».***

Зимой **1758 года** русские войска заняли Тильзит, Каймен, Брандербург, Кенигсберг, Пилау. Дивизия русских войск генерал-аншефа **Юрия Броуна** перешла границу Прус-

сии. В одном из боёв он получил во время атаки прусской кавалерии 17 сабельных ран, часть которых пришлось по голове, но чудом остался жив. После успешных операций носил на голове «серебрянную бляху» прикрывавшую глубокую рану. По возвращению в Петербург был награждён орденом «*Андрея Первозванного*». Затем был назначен Рижским генерал-губернатором. Этот пост занимал в течение 30 лет. В апреле наша пехота заняла города в Польше на левом берегу Вислы. Донские казаки Фёдора Краснощёкова схлестнулись с прусскими гусарами под Штетинем. Пруссаки потеряли убитыми 28 офицеров и 31 простых гусар. Бригадир Еропкин с 6 эскадронами конных гренадёров и казаками заняли крепость Дризен. К ним прибыл на помощь отряд гусар Зорича, и они совместно заняли город Фриденсберг. Позже в августе армия генерала-аншефа Виллима Фермора заняли Кюстрин. В августе произошло **Цондорфское сражение** близ этого города.

В основном бой происходил с участием тяжёлой конницы, гусаров и казачьих войск. Именно в этом сражении трижды был ранен 24-летний поручик Измайловского полка **Григорий Орлов**. Этот бой был невероятно ожесточённым с обеих сторон и продлилось до ночи. Несмотря на нераспорядительность главнокомандующего Фермора, позволившего прусским войскам обойти русскую позицию с тыла, всё же русская армия сдержала противника. По итогам сражения ни одна из сторон не была разгромлена. Король Фридрих говорил *«что он впервые от роду своево дерется с настоящими солдатами и не думал никогда что б русския солдаты были столь наполнены храбростию... удивлялся стая баталы что ни ево ни наша не могла преодолеть»*. В этом и другом при Кунерсдорфе сражении участвовал молодой 28-летний **Александр Васильевич Суворов** в качестве «*дивизионного дежурного*» при генерале Виллиме Ферморе. Наши потери были большими и составили: 6400 убитых, 11867 раненых и 2882 пленённых. Пруссаки потеряли 11500 убитыми, 7710 ранеными и 1500 пленными.

Приведу интересную цитату из письма **генерала Николай Михайлович Леонтьева** раненого в ногу, который был взят в плен и оставался в Пруссии до окончания войны: *«Посем уже мне мочи не стало... Пришли мы в лес, нашол я там капитана Казанскаго полку Раславлева, и он беднай весь изрублен. Палезжали мы с ним в лесу, испили вады, нада еще дале в лес иттить. Отвели меня к самому балоту, каторое шириною сажени две, и там я лежал часа с два. Как прагнали прусаки наших, уже к етому лесу пахходят, гранадеры стали мне гаварить, чтоб я как-нибудь через балота перешол. Мне невозможно тогда была шевелитца, и так гранадеры аставя меня ушли, и лежал с четверть часа. Других палков человека с 4 закричали что идут суда, ступать через балота. Забыл и я бalezнь, сажени з две давилса, один принужден кое как переплыть. Лишь я перешол тут за бой, я лег пастелей, слышу голос пруских салдат. Тут та я испугался рубят кибитки, берут что полутче. Вина тут стаяла бочка, разрубили ее, да пьют. Адин праишол салдат мимо меня и выстрелел, а другой тотчас меня увидел, замахнулса итьком, и к нему вьшел. Взял у меня 14 червонцев и 2 рубля денег... Часы томпаковые, каторые в кенигсберхе насеребренные, вытянул, очень очень хорошия и кавтан снял... Отдал ипагу, знак и шарф чтоб лехче иттить. А сзади нас гусары прусския ужасныя рубят всех. И так принуждены мы бежать»*.

И ещё выписка из журнала боевых действий в котором указаны фамилии наших командиров, получивших ранения: *«генерал-майор Панин и принц Любомирской контузиями в груди ранены, бригадир Уваров тяжело ранен, генерал-майор Мантейфель ядром в ногу ранен, а главнокомандующий армиею генерал и кавалер Фермор в ногу ж контузию получил...*

Цондорфское сражение. Гравюра 18 века.

генерал и кавалер Броун в пятом часу бесчеловечно ранен и генерал-майором Дицом на телеге в то место привезен, где раненые перевязывались. Неприятельские гусары, хотя дважды в обоз и прорвались, были однако по сильному отпору находящихся у прикрытия одного команд с немалым уроном прогнаны, при сем случае удалось неприятелю несколько из партикулярных экипажей и одну пехотного комиссариата фуру, в которой было 30 000 рублей, разграбили, генералы-порутчики Салтыков и граф Чернышев, генерал-майор Мантейфель, Цеге, бригадиры Тизенгаузен и Сиверс, полковники Фулerton, Пекетов и Гайзер да майоры Эссен и Паткуль и несколько человек обер-офицеров безвестно пропали, из коих, чаятельно, и в неприятельские руки попались, урон наш убитыми и ранеными еще назначать нельзя, но между раненых находится генерал-порутчик князь Долгоруков, генерал-майоры Леонтьев контузию в ногу, Олиц, от артиллерии Бороздин и Холмер ранены, бригадир Гаугревен контузию получил, артиллерии полковник Мусин-Пушкин убит, полковник Вильмут ранен, подполковник Арант, майоры Эрен, Адлер в безвестных, Брем убит, Игнатьев и Тургенев контузии получили».

Но вернёмся к Балтийскому морю и на флот. В этом году 44 летний капитан 1 ранга Иван Иванович Сенявин выходил в Балтику на 66-пушечном корабле «Святой Сергий», а 36-летний **капитан 2 ранга Алексей Наумович Синявин** командовал 66-пушечным кораблём «Архангел Урил». Общее командование осуществлял **адмирал Захар Мишуков**, которому приказали не пускать Английскую эскадру в Балтику. Под его флагом было собрано 18 военных судов, которые курсировали у Зунда около острова Драге.

Я нашёл упоминание об Алексее Синявине почему его не было в плавании в прошлых годах. Вот из документов адмиралтейств-коллегии: «Алексей Синявин, который с 1752 года находился по болезни в отпуску, для свидетельства отослать в медицинскую контору и ежели явится подлинно болен и в команде ехать не может, то отсрочить ещё на год». Так как он участвовал 1758 году в плавании, то становится ясно что он точно прошёл медицинскую комиссию и был допущен к командованию кораблями. Николаю Сенявину в августе присвоили звание капитан 2 ранга он по-прежнему руководит на фрегате «Архангел Михаил».

Каждую весну Балтийский флот выходил из Кронштадта к берегам Пруссии. Наши герои капитан 1 ранга Иван Сенявин выходил на 80-пушечном корабле «*Святой Павел*», а капитан 2 ранга Алексей Синявин командовал 66-пушечным кораблём «*Полтава*» под командованием контр-адмирала **Никиты Гавриловича Лопухина**. Они приняли на свои борты 3022 солдата пехотных полков «*с двух недельным провиантом и полковой артиллерией*» для доставки в Данциг. В августе **вице-адмирал Андрей Иванович Полянский** из-за ветхости своего корабля определил корабль «*Полтава*» с капитаном Алексеем Синявиным в свою эскадру.

На суше в июле состоялось **сражение под Пальцигом** между русским войсками графа **Петра Семёновича Салтыкова** и прусским корпусом генерал-лейтенанта **Карла Веделя**. Цель прусского короля Фридриха помешать планируемому летом соединению русских и австрийских войск. Он предписывает Веделю атаковать русских, во что бы то ни стало, и, тем самым, воспрепятствовать их переправе через Одер в районе Кроссена. В распоряжении пруссаков находились 30 батальонов пехоты, 63 эскадрона кавалерии, всего 27 400 человек, и 56 тяжёлых орудий. У Салтыкова больше людей и артиллерии: наша армия насчитывала 54 батальона, 46 рот гренадеров, 58 эскадронов регулярной кавалерии, 3900 казаков, всего 52 300 человек, с 188 тяжёлыми орудиями. Русские войска подошли к Пальцигу и построились восточнее самой деревни фронтом к Цюллихау и Эйхбергу. От пруссаков их отделял ручей Шёнборн и деревня Никерн. Наша пехота образовала две далеко вытянутые линии. Были развернуты пять батарей артиллерии, которые стояли над крутым берегом ручья. Справа донские казаки охраняли деревню Никерн и переправы через ручей Шёнборн. За ними стояли новосербские гусары и после них, у самого Пальцига, под командою Еропкина пехота, новотроицкие и киевские кирасиры, рязанские и каргопольские конногренадеры. Начальные действия прусского генерала Веделя были несогласованы и первая атака захлебнулась от огня русской артиллерии.

Инженер-полковник Муравьёв в своих воспоминаниях рассказывал: «*Русские войска были неподвижны и, продолжая всегда непрерывный пушечный огонь в желаемом порядке, и как во время продолжающегося огня, так и неприятельской ретирады наполняя убитых и раненых места из стоящих за первою линиею резервов*». Вторая фланговая атака так же не принесла результатов. От 4 полков прусской пехоты почти никого не осталось. Пруссаки решили ударить кавалерией по позициям нашей пехоты, чему мешала болотистая и заросшая кустарником местность. Они бросились на русскую линию с таким порывом, что прорвал её оказались перед большой батареей артиллерии, осыпавшей немецких солдат ядрами. К тому же оба фланга подвергались атакам кавалерии Еропкина. Схватка была столь жестокой, что под сабельными ударами пал русский генерал Демику. Вырученный конной контратакой Сибирский полк открыл залповый огонь по прусским эскадронам. Одновременно подошёл и Панин с кавалерийскими и пехотными подкреплениями, завершив разгром прусской конницы, после чего атаковал пехотные линии. Прусский генерал Воберснор безуспешно пытался выручить их, но сам пал, сражённый замертво. Весь левый фланг пруссаков был разбит, они в беспорядке бежали к Цюллихау и болотам Одера. Остатки прусской армии перешли реку у Чичерцига и продолжали откатываться ещё дальше. Прусскую армию постигла полная катастрофа. Король Фридрих признавал: «*Генерал Ведель потерял в сей баталши 5000 человек. По всей вероятности, неприятель не претерпел существенного урона, поелику местность вполне ему благоприятствовала*». Потери неприятеля составили: 4269 убитыми, 1394 ранеными, 600 пленными и 1406 дезертиров. Наши потери составили: 900 человек убитыми и 3904 ранеными.

Продолжая преследовать прусскую армию, отряд генерал-майора князя **Алексея Никитича Волконского** (2 полка пехоты, 6 эскадронов гренадёр, 400 казаков Перфильева) отбросил пруссаков и занял город Кроссен. Сам князь был тяжело ранен. За ними вступили основные силы русской армии. Отряд майора Карла фон Фелькерзама подошёл к Франкфурту

и открыли огонь по городу из артиллерии. Гусары генерала **Максима Фёдоровича Зорича** и конные гренадёры Билау нагнали и окружили отступавший гарнизон немцев.

В августе при деревушке **Кунерсдорф** произошло сражение. У наших было приблизительно 41000 регулярных войск, у пруссаков 48000 человек. Ранним утром 1 августа армия Фридриха навела мосты через реку Одер и переправилась на другой берег. Прусская артиллерия, хорошо расставленная и легко достающая русские позиции, открыла огонь по левому флангу наших войск. Наши быстро окопались и через час ответили артиллерией.

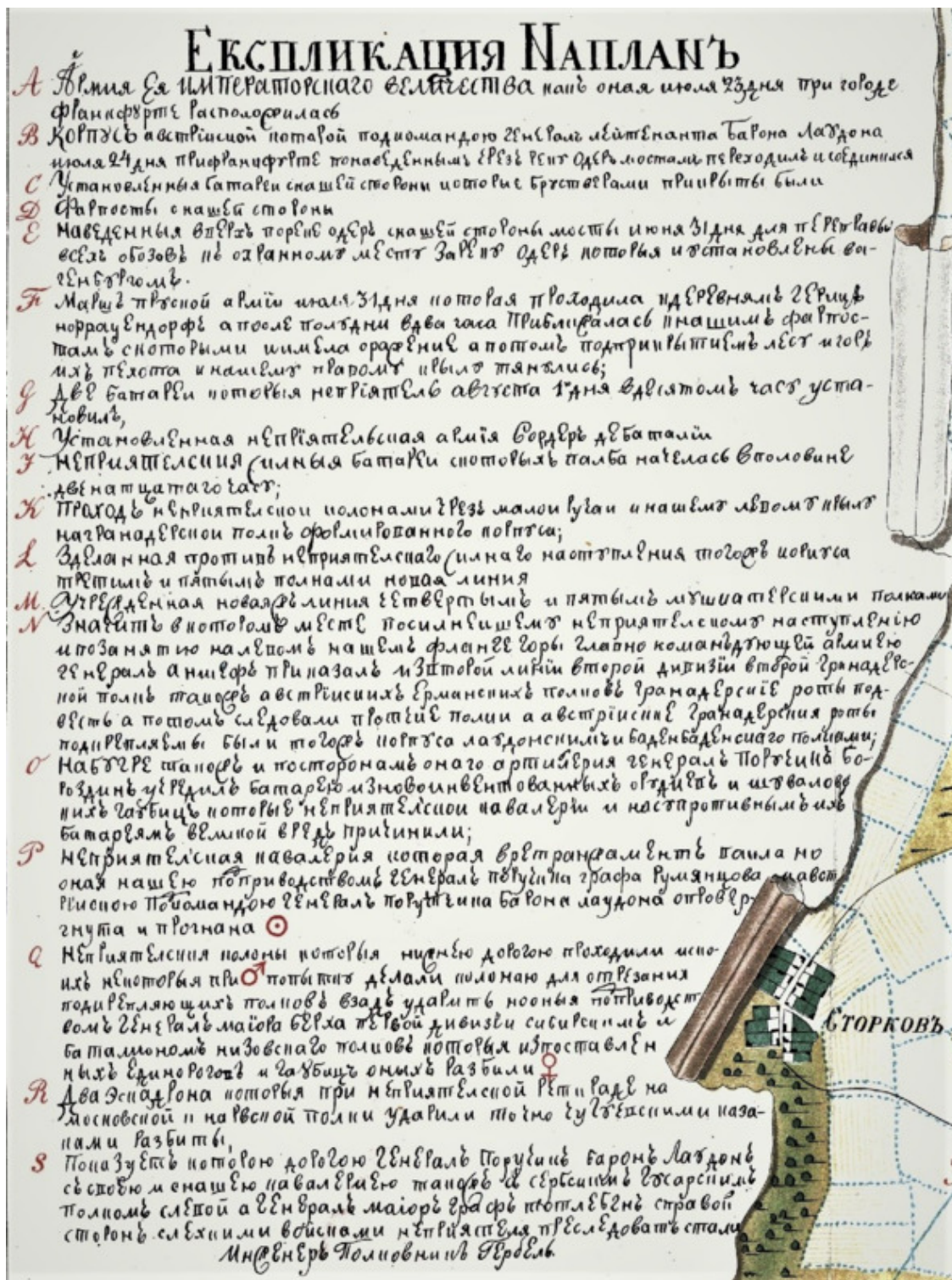

План баталии при Кунерсдорфе. Архив РГИА.

Размещенная за деревней, в низине, плохо подготовленная, она становится легкой мишенью для прусских пушек и гаубиц. Большинство нашей артиллерийской прислуги погибает, не успев ответить немцам. Они атаковали левый фланг русской армии и овладели пушками. Вся армия Фридриха выстроилась в одну колону: фронт её равнялся ширине обеих наших линий *«а толстоте ея и густоте конца видеть нельзя было, но то примечать можно было, что неприятель, равным нашему новому фронтом и безмерною густотою, не смотря на свой урон, предпринял таким образом до самого нашего правого крыла и до реки Одера пробиваться, чего ради и великую часть артиллерии туда же привёз»*. Победа короля Фридриха была несомненна, и он приказал доставить радостные вести в Берлин. В знак победы он приказал увести с собой пленных и отбитые у русских орудия. Наш командующий **генерал-фельдмаршал граф Пётр Семёнович Салтыков**, которому к тому времени 61 год приказал генерал-майору **Петру Ивановичу Панину** укрепить новыми полками левый фланг и тем остановил стремительное движение пруссаков. Стремясь переломить ситуацию в свою пользу, Фридрих II бросил в бой свою конницу, считавшуюся тогда лучшей в Европе. Однако рельеф местности ограничивал её маневренность, и она не смогла должным образом развернуться. Немцам пришлось отступить под градом пуль и картечи. Несколько прусских генералов получили ранения, сам король был на волосок от смерти, золотая готовальня, лежавшая у него в кармане, защитила грудь от пули, лошадь под ним убило ядром. Фридрих выделил особые войска (лейб-кирасиров) и направил их в тыл сражающимся нашим полкам, но и эта контратака была отбита нашей артиллерией и Чугуевским казаками. Видя, что резервы немцев исчерпаны граф Салтыков начал общее наступление. Прусская армия побежала к мостам через реку, где непременно образовалась давка и паника. В преследование за бегущими пруссаками был отправлен австрийский барон **Эрнст Лаудон** с австрийской и русской конницей. Поражение прусской армии было полное, сам король Фридрих едва не попался в плен; видя бегство своих полков, он пришёл в такое отчаяние, что хотел застрелиться. Вот как он сообщал своему министру Финкенштейну:

«К несчастью, я всё ещё живу. Из сорокавосемьдесяттысячной армии у меня не осталось и трёх тысяч. Сейчас всё бежит, и я уже не властен над своими людьми... Это жесточайшее поражение, мне не пережить его. А последствия будут ещё хуже. Нет более никаких средств, и, по правде говоря, я почитаю уже всё потерянным и не смогу пережить гибель моего отечества. Прощайте навсегда!».

В реляции об этом сражении Пётр Салтыков писал Елизавете Петровне: *«Могу Вашему Импер. Величеству засвидетельствовать, что если найдётся где победа славнее и совершеннее, то однакож ревность и искусство генералов и офицеров, а мужество, храбрость, послушание и единодушие солдатства должны навсегда примером остаться... за должность признаю весь генералитет и всё воинство за оказанную при такой сильной баталии и весьма отчаянном неприятельском под наи жесточайшим из пушек огнём, где ядра и картечи на подобие града летали»*.

Описание плана битвы при Кунерсдорфе. Архив РГИА.

Преследование неприятеля велось крайне энергично и много пруссаков погибло под копьями и пашками нашей кавалерии. Кунерсдорфское сражение продолжалось более 7 часов и повлекло за собой большие потери с обеих сторон. В результате одержанной победы дорога для наступления союзников на Берлин была открыта. Пруссия оказалась на грани катастрофы. У нас были убиты 67 офицеров и 2614 солдат; ранены генерал-поручики Голицын, Любомирский, Олиц; бригадиры Эссен, Лебель, Бахман и 484 офицера и 10863 солдата. У пруссаков: 7627 убитых и 11342 раненых. Далее наши войска двинулись в глубь Пруссии и пришла

в местечко Либерозе. Затем вся армия, переправившись через Одер в октябре разбила зимний лагерь при деревне Калорат. Салтыков писал Императрице *«по рабской моей должности наидобовозможнейшаго указа касательно винтер-квартир, ибо погода уже так строга становится, что в палатках стоять почти с трудом, а ежели до такой уже крайности дойдет, что ни фуража, ни провианта достать буде не можно, то опасаясь подвергнуть армию Вашего Императорского Величества неприятным следствиям, осмелюсь и прежде получения решительнаго высочайшаго указа к Висле реке со всюю армиею поворот сделать»*. В память Кунерсдорфского сражения Императрица Елизавета повелела отчеканить серебряные медали с надписью *«победителям над пруссаками»*.

Медаль за победу при Кунерсдорфе 18 века.

19 января **1760 года** адмиралтейств коллегия издаёт указ: *«разсматривав наличным имеющимся при кронштадском порте к службе годным кораблям и флотским капитанам приказали в наступающую сего года компанию на оные корабли и фрегаты командирами определить по старшинству, а именно: на корабль „Дмитрий Ростовский“ Свена Вакселя, на „Святой Павел“ Ивана Сенявина, на „Св. Николай“ Григория Спиридонова, на „Гавриил“ Алексея Синявина, на „Северный Орел“ Никиту Пушкина, на „Уриил“ Павла Спиридонова, на фрегат „Архангел Михаил“ Николая Сенявина*. Командовать эскадрой назначили 76 летнего адмирала Захар Даниловича Мишукова. Он получил приказ овладеть с моря Кольбергом, крепостью на побережье Балтийского моря. Коллегия предполагает ранней весной нанять 30 купеческих судов для перевоза людей и провианта к действующей армии в Пруссию. Старый адмирал не спешил выйти в море так как состав флота был не укомплектован. Наконец в июле наш флот вышел в плавание к Прусским берегам и прибыл к городу Кольберг в начале августа. Он собрал консилиум из капитанов и решили что будут делать с построенной в устье реки артиллерийской батареей *« прежде выбить неприятеля из оной батареи, а для этого определено подойти к берегу бомбардирским кораблям, фрегатам и 54 пушечным кораблям и сбивать ту батарею, а с прочих кораблей свезти 800 человек под командованием полковника Фондердена, при 5 орудиях с принадлежностями и надлежщей к ним артиллерийской прислугой »*. Фрегат «Архангел

Михаил» под командованием капитана Николая Ивановича Сенявина приходил в Данциг конвоируя 30 гальотов с войсками (3600 человек) и разными припасами. 5 августа ночью начался сильнейший шторм с дождём и фрегат *«встал на мель на северном гогландском рифе. Команда перевезена на берег, а фрегат разбился»*. Капитан **Николай Сенявин** всех отправил на лодках к берегу и сам стал ждать помощи *«отправить удобное судно с корабельными мастерами, плотниками и конопатчиками... осмотреть и ежели к снятию есть надежда, в том всеми мерами трудиться»*. Лейтенант Малечкин, пришедший на помощь Сенявину с командой, свезли на берег 30 пушек. 30 сентября штурман Баженов докладывал: *«что ставший у острова Гогланд на мель фрегат Архангел Михаил разломан штормом до нижней палубы, пополуночи от крепкого остоватого ветра и великого волнения с превеликим треском с мели сняло и унесло в море»*. Двоюродный брат Николая капитан 2 ранга **Алексей Наумович Синявин** на *«Гаврише»* транспортировал прусский галиот к Ревелю во время сильного шторма потонул и чуть не повредил наш корабль.

Адмирал Мишуков начал бомбардировку 17 августа, не став ждать подхода сухопутных войск. Одновременно он высадил десант для штурма Кольберга с суши *«отряд кораблей не прекращал огня ни днём ни ночью, но сбить батарею не смогли, и она с крепостью непрерывно действовала по судам отряда, причем на Крейсере убитыми и ранеными было до 30 человек. Ветер усилился и на некоторых кораблях оборвало якорные канаты. 28 августа получено донесение о взятии нашими войсками восточной батареи. Через 2 дня в городе возник пожар. 8 сентября видно было, что на берегу происходила ружейная пальба. От взятой батареи был виден большой дым от взрыва значительного количества бомб»*. На помощь осаждённым прусский король Фридрих II направил 6000 корпус генерала Вернера. При известии о приближении пруссаков наши десантные войска, *«солдаты пришед единожды в робость и замешание, ружья свои кидали и на суда бросались»*: часть их спаслась на корабли, которые отплыли 11 сентября, часть пехоты бежала сухопутным путём. Пруссакам досталось 600 пленных, а также 6 брошенных орудий, 7 мортир, запасы провианта и боеприпасов. Наш десант был эвакуирован на корабли и 10 сентября флот отошел от Кольберга. По результатам осады была создана комиссия, в которую вошли контр-адмирал Фёдор Милославский, капитан-командор Алексей Нагаев и капитан 1 ранга Иван Сенявин. Этот морской суд признал адмирала Мишукова виновным, но простили его из-за возраста. Он был снят с командования флотом и определен в Адмиралтейств-коллегию. Суд так же приговорил капитана Николая Ивановича Сенявина к штрафу за потерянный фрегат.

Немного вернусь к молодому Александру Суворову и известному факту *«о пожаловании Императрицы солдату Суворову рубля за его лихой вид на посту»*. Вот цитата из архивов Семёновского полка: *«Будучи в Петергофе в карауле, он стоял на часах у Монплезира. Императрица Елизавета Петровна проходила мимо; Суворов отдал ей честь. Государыня почему-то обратила на него внимание и спросила, как его зовут. Узнав, что он сын Василия Ивановича, который был ей известен (генерал-губернатор Восточной Пруссии), она вынула серебряный рубль и хотела дать молодому Суворову. Он отказался взять, объяснив, что карательный устав запрещает часовому брать деньги. „Молодец“, сказала Государыня: „знаешь службу“; потрепала его по щеке пожаловала поцеловать свою руку. „Я положу рубль здесь, на земле“, прибавила она: „как сменишься, так возьми“. Крестовик этот Суворов хранил всю свою жизнь»*.

На следующий **1761 год капитан 1 ранга Алексей Наумович Синявин** принял от своего старшего двоюродного брата корабль *«Святой Павел»* и под командою контр-адмирала Семёна Ивановича Мордвинова с Кронштадтской эскадрой выходил к берегам Пруссии. Капитан 1 ранга Иван Сенявин, по-видимому, был занят в работе морского суда. Суда эскадры приняли на свои борты 3976 человек пехоты и снаряжение. 13 августа 1761 года корпус генерала Петра Александровича Румянцева в составе 24 батальонов пехоты, 2 драгунских и 2 гусарских

полка, и 1000 донских казаков, всего около 15 тысяч человек, занял позицию к югу от Кольберга и начали третью осаду этой крепости.

Солдат А. Суворов на посту. Гравюра 18 века.

К середине августа к крепости прибыл соединённый русско-шведский флот в составе 24 линейных кораблей, 12 фрегатов и бомбардирских кораблей под командованием **вице-адмирала Андрей Иванович Полянского**, доставивший 7000 подкрепление и много артиллерии. Он докладывал *«доношу, что флот Ея И. В. на колбергском рейде обстоит благополучно и в силе данного мне рескрипта и инструкции стоя на якоре под городом Кольбергом, надлежащее действие производится»*. Неприятель обстреливал наш десант из 4 батарей. Наши моряки, сошедшие с кораблей, сделали двойной редут на 32 орудия и обнесли его полисадом. Корабли стояли на отдалении и по очереди подходили к берегу для артиллерийских стрельб. Вот лишь только один момент 14 августа: *«фрегаты Россия и Архангел Михаил, бомбардирские*

*корабли Юпитер и Дондер снялись с якоря и пошли к неприятельскому берегу. Став на шпринг, открыли бомбардирование. Брошено ими бомб в город 38 штук». На следующий день флот выпустил 146 бомб по крепости. 16 августа пришла шведская эскадра из 9 кораблей под флагом контр-адмирала Нильса Шольта. С шведской эскадры свезён был десант из 2012 человек и 70 мортир и орудий. В течение 3 месяцев проходила осада и крепость Кольберг сдалась 5 декабря из-за недостатка продовольствия. Нашим досталось 173 орудия и 3000 пленных пруссаков. Пока шли бои в Петербурге серьёзно обострилась болезнь у Императрицы Елизаветы начались припадки, но врачам удалось их купировать. 12 декабря ей стало ещё хуже «рвота с кашлем и кровью». Медики пустили кровь и опять стало лучше. 24 декабря она призвала священнослужителей и исповедалась. У постели постоянно и неотлучно находилась Великая Княгиня Екатерина и Великий Князь Петр. 25 декабря дверь из спальни Елизаветы отворилась, и в приемную, где собрались высшие сановниками государства и придворные, вошел старший сенатор князь **Никита Юрьевич Трубецкой** и объявил, что **Императрица Елизавета Петровна скончалась** и государству теперь его величество император Петр III.*

3. Служба на флоте капитана 2 ранга Алексей Наумович Синявин во времена царствования Петра III

Наступил 1762 первый год правления Императора **Петра III Фёдоровича** (Карл Пётр Ульрих, по-немецки Karl Peter Ulrich). Он вступил на трон в возрасте 33 года. Его мать **Анна Петровна Романова** была родной дочерью Петра Великого. После родов через месяц она умерла от простуды. Его отец являлся племянником шведского короля Карла XII. Этот человек Фридрих-Карл Гольштейн-Готторпский умер, когда Карлу Петеру было всего 10 лет.

Петр III. Художник Иван Штенглин.

Пётр Фёдорович ранее открыто критиковал деятельность правительства, а во время Семилетней войны публично высказывал симпатии к прусскому королю Фридриху II. Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин так говорил о Петре: *«Великого князя убедили, что Фридрих II его любит и отзывается с большим уважением; поэтому он думает, что как скоро он взойдёт на престол, то прусский король будет искать его дружбы и будет во всём помогать ему»*. Подражая Фридриху II, Петр не короновался, но планировал короноваться после похода на Данию. Он планировал провести ряд реформ и на заседании Сената объявил о своих планах на будущее: *«Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают, и когда военное время будет, то они все явиться должны на таком основании, как и в Лифляндии с дворянами поступается»*. К другим его указам относятся упразднение Тайной канцелярии, создания Государственного банка и выпуска ассигнаций, а также принятие указа о свободе внешней торговли. Важнейшим документом стал *«Манифест о вольности дворянства»*, благодаря которому дворянство стало исключительным привилегированным сословием Российской империи.

Адмиралтейств-коллегия 28 февраля подала доклад новому Императору. В нём было сказано об спущенных кораблях в прошлом году, о его вооружении, о вновь строящихся кораблях в Архангельске. Чуть раньше Пётр обратился с письмом в адмиралтейство и просил разъяснить ему о лесе для флота: *«... тут должно будет смотреть бережётся ли лес в Казанской губернии сколько надобно, такое ли прилагается старание о размножении оного вновь, сколько государственная нужда и будущая благодарность потомков требует, не разорены ли приписанные для того к казанскому адмиралтейству иноверцы и новокрещёные столько, что не делу помощь подавать могут, но сами скорой помощи требуют и не надлежит ли и им помощь дать; не запрещены ли леса в таких местах, откуда оный для корабельного строения получаем быть не может и не лучше ли вместо того, что вальдмейстерами разоряются те провинции, сей тягости их совсем избавить и за то на чрезвычайный флота изживения некоторую сносную и умеренную подать наложить; не истребляется ли напротив того лес в таких местах, где оный для флотской службы гораздо надобнее»*.

Пётр Фёдорович ответил на доклад адмиралтейской-коллегии словами: *«Флот конечно надлежит вооружить весь, кроме прамов, а в то же время стараться, чтоб и здесь построенные корабли ранее в Кронштадт отведены были, и чтоб построенные суда у города Архангельскаго нынешним же летом сюда успели. Если некоторого числа людей недостает, то наполнить уравнением, а паче всего смотреть за пользованием больных и об уменьшении излишних расходов, ибо если отныне одного человека усмотрим Мы на партикулярной или неуказной работе, то виновные без пощады по всей строгости законом наказаны будут... солдат и матросов кои на теле не штрафовать отныне безчестными наказаниями, как то батожьями и кошками, но токмо шпагою или тростью»*.

Капитан 2 ранга **Алексей Наумович Синявин**, которому 40 лет не принял новые порядки Его Царского величества и ссылаясь на болезнь подал 30 апреля прошение об отставке. Ему по увольнении присвоили звание капитана 1 ранга *«в разсуждении, что он своего пропитания не имеет, выдать по силе морского устава, единожды годовое жалование»*. Именно этим же числом вышел указ об увольнении со службы: генерал-адмирала князя Голицына (с половинным по его чину жалованием), адмиралов Захара Мишукова и Александра Головина, генерал-кригс-комиссара князя Бориса Голицына, контр-адмирала Дмитрия Лаптева, капитан-командора Федора Игнатьева. Старшего двоюродного брата капитана 1 ранга **Ивана Ивановича Сенявина** (которому 54 года) *«за старостью и болезнями от службы отставить с награждением притом по одному рангу»*. Выходит, так что Иван Сенявин ушел на пенсию в ранге капитан-командора. На службе остаётся капитан 2 ранга **Николай Иванович Сенявин** которому 36 лет. По решению суда он выплачивает штраф за потерянный им фрегат. В это же самое время Петр Федорович назначает в адмиралы Вилима Льюиса, в вице-

адмиралы князя Мещерского и Семена Мордвинова; в контр-адмиралы Алексея Нагаева, Григория Спиридонова, Никифора Молчанова; в капитаны-командоры Петра Андерсона и других. Всех их привели к присяге новому Императору.

4 апреля 1762 года был заключен **Петербургский мирный договор** с Пруссией. Русским канцлером М. И. Воронцовым и прусским посланником бароном Р. Гольцем был подписан этот документ. Согласно договору Россия выходила из Семилетней войны и добровольно возвращала Пруссии территорию, занятую русскими войсками, включая Восточную Пруссию. Заключив мир с Пруссией, Пётр III задумал новую войну с целью отвоевания у Дании герцогства Шлезвига. Для этого вскоре были начаты переговоры о заключении союзного трактата о дружбе и взаимопомощи с Пруссией в случае нападения на одну из сторон союза, который и был заключён 8 июня 1762 года. Окончательный разрыв между супругами произошёл 9 июня. На торжественном обеде в честь ратификации Петербургского мира Екатерина Алексеевна, не вставая, произнесла тост. Генерал Иван Гудович спросил Императрицу, почему она нарушила нормы этикета. Она ответила *«императорская фамилия состоит из Петра, её самой и наследника Павла. Следовательно, вставать в присутствии императора она не обязана»*.

Екатерина II на балконе Зимнего дворца. Неизвестный художник.

Петр Федорович был разъярён. В присутствии гостей он назвал свою жену дурой. Правитель же всё свёл к тому, что глупую женщину слушать не стоит *«она может сболтнуть всё, что угодно»*. После обеда Пётр решил наказать свою жену и отдал приказ об аресте. Принц

Георг Голштинский отговорил его совершать столь резкий поступок, который мог вызывать падение престижа России. Екатерина осталась на свободе. Через 3 дня Пётр III уехал в Ораниенбаум. Он планировал отдохнуть до конца месяца, а после отправиться на войну с Данией за возвращение Шлезвига. 28 июня в Петергоф прибыл Император Пётр Федорович. Был запланирован торжественный обед с супругой. Но он не нашёл свою жену в дворце Монпле-зир. В сопровождении Алексея Орлова она ещё утром бежала в Петербург. Капитан Орлов утром явился в её спальню и разбудил словами: *«Пора вставать матушка! Всё готово»*. Екатерина Алексеевна, переодевшись в мужское платье приняла присягу у лейб-гвардии. Затем в Зимнем дворце собрались все высшие чиновники сторонники Екатерины. Видя, что гвардия за императрицу, они немедленно присягнули ей на верность. Вечером Пётр в сопровождении свиты отплыл в Кронштадт. Но туда к этому времени уже прибыл адмирал Иван Талызин. Сторонник Екатерины. Он быстро убедил флотских офицеров, что дело Петра III проиграно, и флот присягнул новой императрице. Фрегат, на котором прибыл Пётр был встречен выстрелом из пушки Кронштадта, а моряки кричали что для них не существует никакого императора, есть только Императрица Екатерина. Она во главе всех частей гвардии, Астраханского, Воронежского и Ингерманландского армейских пехотных полков, а также Слободского гусарского полка выступила в «поход» на Петергоф. Сенату отправили указ: *«Господа сенаторы! Я теперь выхожу с войском, чтобы утвердить и обнадёжить престол»*. Днём 29 июня Пётр совсем пал духом и решил прекратить борьбу за власть. Он отправил к Екатерине генерала Михаила Измайлова с предложением принять отречение от престола. Екатерина сразу же согласилась. В полдень отречение подписали, документ принял Григорий Орлов. Петра Федоровича арестовали и увезли в Петергоф. Спустя неделю его не стало. Вот выписка из письма Алексея Орлова от 6 июля 1762 года, в котором он сообщил императрице: *«...Матушка – его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, совершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором Барятинским; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни»*.

Под началом Алексея Орлова тогда в Ропше находились камергер Федор Барятинский, преображенцы: капитан Петр Пассек, поручик Михаил Баскаков и поручик Евграф Чертков. Кроме того, в распоряжении Алексея был вахмистр конногвардеец Григорий Потемкин. 2 июля Алексей Орлов писал Екатерине: *«Матушка милостивая Государыня здравствовать вам мы все желаем несчетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны, толко урод наш очень занемог и схватила его нечаянная колика. И я опасен, и чтоб он сиводнишнюю ночь не умер, а болше опасаясь, и чтоб не ожил. Первая опасность для того, что он всю здор гаварит и нам это несколько весело, а другая опасность, что он действительно для нас всех опасен для того, что он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть»*. 3 июля «урод» не умер, но и не ожил. Ему становилось все хуже, и наконец Алексей Орлов испугался по-настоящему. Свергнутый император готовился отдать Богу душу на его руках, а рядом не было ни врача, ни хотя бы человека, готового подтвердить, что не караульные извели августейшего арестанта. Утром Орлов написал Екатерине тревожное письмо: *«Матушка наша милостивая государыня. Не знаю, что теперь начать, боюсь гнева от вашего величества, и чтоб вы чего на нас неистоваго подумать не изволили и чтоб мы не были причиною смерти злодея вашего и всей России, также и закона нашего. А теперь и тот приставленный к нему для услуги лакей Маслов занемог. А он сам теперь так болен что не думаю чтоб он дожил до вечера и почти совсем уже в беспаметстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит бога чтоб он скорее с наших рук убрался. А оной же Маслов и посланной офицер может вашему величеству донести в каком он состоянии теперь ежели вы обо мне усумнитесь изволите. Писал сие раб ваш»*. Скорее всего Пётр умер 3 июля, это число прямо названо у Петра Шумахера, чья версия в настоящий момент вызывает наибольшее дове-

рие специалистов: «Удушение произошло вскоре после увоза Маслова – это следует из того, что как придворный хирург Людерс, так и отправленный в Ропшу придворный хирург Паульсен застали императора уже мертвым. Стоит заметить, что Паульсен поехал в Ропшу не с лекарствами, а с инструментами и предметами, необходимыми для вскрытия и бальзамирования мертвого тела, вследствие чего в Петербурге все точно знали, что именно там произошло». Намного позже французский поверенный в делах Франсуа-Мари Дюран де Дистроф донес в Париж из Австрии: «Без какого-либо побуждения с чьей-либо стороны граф Алексей Орлов по собственному желанию не раз вспоминал об ужасной кончине Петра III. Он говорил, сколь жаль ему такого доброго человека, с коим принужден он был совершить требовавшееся от него. Сему генералу, обладающему чрезвычайной телесной силой, поручили удавить государя, и теперь, судя по всему, его преследуют угрызения совести».

Гренадёр 1760 года. Гравюра 18 века.

Ещё позже Шумахер настаивал на том, что убийство произошло после увоза лакея Маслова.

Вот как он писал: «...тогда один принявший русскую веру швед из бывших лейб-компанцев Швановиц, человек очень крупный и сильный, с помощью еще некоторых других людей жестоко задушил императора ружейным ремнем. О том, что этот несчастный государь умер именно такой смертью, свидетельствовал вид бездыханного тела, лицо у которого было

черно, как это обычно бывает у висельников или задушенных». В гвардии Александр Мартынович Шванвич дослужился до чина поручика. Он отличался не только силой Геркулеса, но и буйным нравом. В бытность лейб-кампанцем на него завели два дела: одно – о драке с купцами Воротниковыми, другое – о краже легавого щенка у своего же полкового товарища, Петра Кузьмина, который на допросе объяснил свое паническое бегство от обидчика: «знаем, сколько он шпагою многим людям вреда причинил и порубил». Последняя характеристика прибавляет правдоподобности слуху, будто именно Шванвич в драке раскроил Алексею Орлову щеку. Короче с нынешних годов невозможно определить, что же произошло в те июльские дни. Одно ясно что Екатерина не желала смерти своего мужа. Его убили заговорщики, которые начинали этот переворот.

В это самое время адмирал Льюис беспокоился об спуске на воду «уборную галеру» для Его Императорского Величества «именовать ее Россия и по спуску вооружить и к Зимнему дому привести и поставить в то место, где яхты лежали». Генерал-адъютант князь Голицын приказал артиллеристам в Петропавловской крепости «когда Его И. В. изволит прибыть в адмиралтейство или в летнее время шествие иметь Невою рекою мимо адмиралтейства под штандартом пушечную пальбу производить из 51 пушки». Адмиралтейств-коллегия рассматривала вопрос о приказе Петра «по именному Его И. В. указу отправлено быть из Токая ко двору венгерского вина более 700 анталов, через Гданьск водою и чтоб никакого дурного запаха не было, отчего вина повредиться могли, приказать те суда вычистить и накурить. На тех судах отправить такой лес, из которого бы во Гданске сделать для поставки с винами анталей полки».

Из документов адмиралтейств коллегии я нахожу сведения что капитан 1 ранга Алексей Синявин после отставки служил в комиссии «морского шляхетного корпуса». В конце апреля в комиссию был прислан документ за подписью капитанов Харитонова, Лаптева, Макензи, Вилисова и Синявина «о гардемаринах Андрее и Алексее Спиридоновых которым по 12 и 10 лет... на учиненные им вопросы письменные и словесные по делу и ответу их явились, что математические науки все обучили и знают изрядно, корабельные экипажи, что для чего и какое имеет действие обучили изрядно и знают, кондуита и состояния доброго и по сему мичманами быть достойны».

Лейб-гвардейцы. Гравюра 18 века.

Адмиралтейств-коллегия указала командиру Кронштадтского порта приготовить корабли «*Ингерманланд*», госпитальный «*Шлиссельбург*» и пинки «*Двинка*» и «*Лев*» для привоза из госпиталей Пиллау 4000 больных солдат.

Вернёмся в столицу, в пятницу 13 сентября совершился торжественный въезд в Москву Екатерины. Под звон колоколов и грохот пушек она ехала на карете по Тверской, украшенной гирляндами и густой зеленью ельника, и множеством цветов. Она ехала в открытой коляске,

окруженная эскортом конногвардейцев, вдоль движения кареты стояли десяти полков, одетых в парадные мундиры.

22 сентября 1762 года Екатерина Алексеевна была коронована в Москве. Вот как охарактеризовал её воцарение историк Василий Ключевский: *«Екатерина совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала её сыну, естественному наследнику отца»*. Она вышла из Успенского собора в Архангельский, где прикладывалась к святым мощам и самым почитаемым иконам. Во время ее шествия по территории Кремля полки *«отдавали честь с музыкою, барабанным боем и уклонением до земли знамен, народ кричал „ура“, а шум и восклицания радостные, звон, пальба и салютация кажутся воздухом подвигли, к тому ж по всему пути метаны были в народ золотые и серебряные монеты»*. Екатерина начала царствование милостью к недругам и наградами друзьям. Адмирал **Иван Лукьянович Талызин** поддержал государственный переворот и в итоге был повышен на 2 звания и поощрён годовым окладом. Семён Иванович Мордвинов, Фёдор Кадников *«чин и жалование годовое»*. Мичман **Михаил Кожухов** стоял в карауле на бастионе и когда прибыл бывший император *«он его по многуму прошению в гавань не пустил»* за это получил от Екатерины *«два чина и два годовых жалования»*. Лейтенант **Коняев** был при бывшем императоре дежурным *«при том случае во всех повелениях поступал с крайнею ревностью»*, за что так же получил чин и премию в годовое жалование. Генерал-фельдмаршал граф Салтыков приказал контр-адмиралу Спиридову командующему всей армии за границей *«никаких военных действий не производить и стоящей под командою вашей эскадре от движений воздержаться, ничего не предприемля ожидать только дальних ордеров»*. Затем пришел приказ от генерал-аншефа Панина *«находящихся в Померании и Пруссии в наших лазаретах больных всех забрав на суда с собою взяли и возвратиться в Ревель... потом всех больных отдать в рижский генеральный госпиталь»*. Екатерина договорилась с Королём Великобритании, что он примет на обучение 20 молодых дворян на английские корабли. В выборе этих молодых моряков принимал участие и капитан Алексей Синявин, работавший в то время в морском кадетском корпусе. Назову фамилии, которые впоследствии сыграют большую роль в строении нового флота: Михаил Кожухов, Иван Овцын, Тимофей Козлянинов, Иван и Василий Пылаевы, Петр Козлятев, Иван Пыхтин, Федор Дубасов, Василий и Афанасий Софоновы, Иван и Астафий Одинцовы, Иван Бабин, Иван Нефедьев, Данила Волчков. А также был отправлен молодой **унтер-лейтенант Иван Федорович Синявин** (сын Федора Акимовича Синявина). Им было выделено подъемных 100 рублей на каждого и жалование 400 рублей в год. Спустя 5 лет Иван Синявин написал рапорт в адмиралтейств-коллегию. *«1762 году сентября 23-го дня по силе высочайшего Её И. В-ва благоволения послан я в аглицкий флот волентиром, куды я и прибыл в Лондон 1763 году генваря... 1 дня, где и находился майя по 25-е число. И сего ж числа, получа ордер от находящегося полномочного министра графа Воронцова, чтоб мне отправиться в Америку на именуемом фрегате „Ковентри“, который отправлялся в оное место с эскадрою под командою одного вице-адмирала для стоянки в Америке трех лет, куды мы и отправились из именуемого порта Чатама и прибыли в Америку в местечко Нюсйорку октября 5-го дня 1763 году, где я и находился даже до 1767 году генваря 15-го числа 2, которого числа капитан наш получил ордер от Адмиралтейства, чтоб меня отпустить с корабля, который я, услыша, нашел первоидуущий купецкий корабль и, наняв оный, отправился в Англию феврала 11-го дня, получа от капитана Канеди аттестат, который представляется при оном репорте. Тако ж в бытность мою в Америке в коих местах были, с которого и по которое число, тако ж описание входов в оные места и планы и протчие табели, что ко флоту принадлежит, и часть такелажу и препорция машит и реев нашего фрегата, о чем представляю в Государственную адмиралтейскую коллегию при моем репорте книгу; что ж касается до журнала, то я имею несколько на аглицком языке. Ундер-лейтенант Иван Сенявин»*. ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 1765 г., д. 26, л. 26 об.

В аттестате, подписанном капитаном Кеннеди, говорится: *«Засвидетельствую сим, кому подлежит, что г-н Иван Синявин, флота Ее В-ва Императрицы Российской лейтенант, служил на корабле Ее Британского В-ва „Ковентри“ под моею командою по ордеру высокопочтенных господ от Адмиралтейства комиссионеров с 3-го дня июня 1763 г. по 17-е число марта 1766 г., в бытность в Северной Америке и в оное время содержал себя в характере достойного и искусного офицера. Дан на корабле „Ковентри“ в Нью-Йорке марта 17-го 1766 г. Кеннеди».* ЦГАВМФ СССР, ф. 212, оп. 1765 г., д. 26, л. 27. По возвращении в Россию Синявин сдал документы, планы и описания в Адмиралтейскую коллегию.

4. Капитана 1 ранга Алексей Синявин на флоте в период царствования Императрицы Екатерины Алексеевны. Строительство флота на Дону. «Архипелагская Экспедиция». Пелопонесское восстание. Восстановление Таганрога. Азовский флот. Русско-турецкая война 1768—1774года. Кючук-Кайнарджийский мир

В 1762 год при вступлении Екатерины Алексеевны на престол Кронштадтской эскадрой командовал **контр-адмирал Алексей Иванович Нагаев**, Ревельской эскадрой руководил контр-адмирал **Григорий Андреевич Спиридов**. Эти эскадры ходили в Пилау и Кольберг за пушками и ранеными солдатами.

На следующий год началась реформа вооруженных сил России. Екатерина Алексеевна, опираясь на опыт военных генералов и адмиралов образовала новые военные комиссии. Гренадёрским и мушкетерским полкам было указано состоять из двух батальонов шести ротного состава с особой артиллерийской командой. Состав гренадёрского полка по новым штатам состоял из 1632 солдат, 53 обер-офицеров, 120 унтер-офицеров, 3 докторов, 38 барабанщиков и 32 канониров и фузилеров. Во главе полка теперь стоял полковник, который являлся полным хозяином и распорядителем.

На флоте уделялось большее внимание на обучение морских кадров. В Морской Кадетский корпус директором был назначен **Иван Логинович Голенищев-Кутузов**. Для обучения гардемарин Корпусу велено было построить трехмачтовую яхту и было повышено финансирование. Жалование унтер-офицеров и гардемарин составляло 6 рублей в год, артиллерийским кадетам—4 рубля. В руководящий состав входил «*подполковник*» с чином капитана 1 ранга и «*майор*» с званием ниже. Возможно, в эти 4 года на этом посту и служил Алексей Наумович Синявин, ведь как я писал во второй главе он принимал участие в аттестационной комиссии. Преподавали гардемаринам учителя: морской практики, корабельной архитектуры, механики, артиллерии, фортификации, иностранного языка, чистописания, танцмейстер и учитель по фехтованию и другие. В мае из Кронштадтского порта вышел 54 пушечный корабль и 32 пушечный фрегат (лейтенант Лаврентий Лупандин) с гардемаринами. Эти суда имели задачу крейсировать в Северном море у берегов Норвегии Дании для практических заданий гардемарин и молодых офицеров. Находясь у Гоборга «*господа офицеры и гардемарины по инструментам усматривали высоту солнца*». На корабле командовал капитан Михаил Рябинин, а капитан 1 ранга (в отставке) Алексей Синявин был на этом корабле и делился знаниями с молодыми моряками.

10 июня эти корабли прибыли в Копенгаген. Далее был учебный выход в море к Скагену, Дернеусу и Гитландским островам. В конце месяца вернулись назад в копенгагенскую гавань, где гардемарины с согласия короля осматривали датское адмиралтейство, а также посетили мастерские, магазины и мокрый док.

И.Л.Голенищев-Кутузов. Художник И. Прохоров.

В феврале 1763 года адмирал **Иван Лукьянович Талызин** писал адмиралтейств-коллегии «о не вооружении кораблей в этом году, а велено вооружить в Кронштадте и в Ревеле только одни брантвахты, пакенботы и ластовыя суда; что же принадлежит о вооружении и о посылке на море в Нордзю 2 кораблей или фрегатов для обучения морских гардемарин и кадет».

Городок **Рогервик** был переименован в **Балтийский порт**, который пока не было военных действий Сенат и Императрица решили «планы делать, а именно: 1- на самой моле в глубоких местах для проходу кораблей двое ворот, и на оных, так и по концам молы батареи с редутами; 2- из положенных между островами 4 барьеров; 3-к острову Большого Роге стро-

ить морскую военную гавань и ещё две, одна для российских, а другая для иностранных купеческих судов; 4- остров Малого Роге укрепить ретраншаментом и батареями».

Императрица Екатерина назначила генерала-поручика графа **Ивана Чернышева** «*быть в оной коллегии членом*». В августе были спущены в Петербурге на воду два новых 66 пушечных корабля «*Святой мученик Януарий*» и «*Святой Ефстафий Плакида*». На этом празднике присутствовала Императрица Екатерина с ней сын малолетний Цесаревич (генерал-адмирал) Павел Петрович. В сентябре Сенат и Екатерина придумывают программу по расширению торговли с европейскими странами «*повелеваем коллегии рачительно стараться, дабы приготовила к погрузке товаров которые Володимиров с компаниею отправить имеет в Испанию, Францию и Италию*». Из морской артиллерийской конторы пришёл доклад и предложения по обучению артиллеристов пока нет войны и флот в море не идёт. Следует сделать мишень, которую будет таскать небольшой кораблик «*для учения пушкаррей с разсуждением морского волнения, також и такую стрельбою обучать, чтоб пушки были на воде же в подобие корабля; артиллерийские служащие с сухой батареи в поставленную мишень на сухом пути обучаемы бывають, и оттого совершенно будучи на воде в требуемой исправности оказать себя не могут*».

В сентябре при присвоении очередных званий на флоте капитан 2 ранга Дункон (Данила Иванович) Виллисон подал прошение чтоб на своё место назначить капитана 2 ранга **Николая Ивановича Сенявина** «*что состоит под судом (потопленный фрегат), которому оставляя вакансию, к разсуждению чтоб он, буде не виновным по суду окажется, и Ея И. В. всемилостивейше пожалован будет, старшинства своего не лишился*». Екатерина на это написала «*когда правосудие его оправдает дать ему чин и старшинство, не докладывая более*».

Наступил ещё один **1764 год** без войны. Кронштадтской эскадрой командовал вице-адмирал Григорий Спиридонов на корабле «*Святая Екатерина*». Ревельской эскадрой адмирал Андрей Полянский на корабле «*Св. Климент Папа Римский*». Ревельская эскадра 26 мая снялась с якоря и пошла в Кронштадт, где соединилась с Кронштадтской эскадрой. 6 июня все корабли стали «*чистить пушки пальбою*». 17 июня Императрица Екатерина Алексеевна на шлюпке прибыла к адмиральскому кораблю.

Весь флот и крепость салютовали ей из огромного количества пушек. Флот построился в две колонны и направился к Ревелю вместе с Императрицей. Подойдя к гавани, все корабли построились в виде полумесяца и на корабль «*Св. Екатерина*», где была Государыня приезжал поздравлять граф Иван Григорьевич Чернышев.

Екатерина в морском мундире. Художник Вергилиус Эриксон.

Сам город встретил Императрицу колокольным звоном и стрельбой из всех пушек. Екатерина *«пожаловала командам на кораблях по 2 чарки вина, по 2 кружки пива и по 2 фунта свежего мяса»*.

1 июля флот пошел к Рогервику или Балтийскому порту и по воле Государыни легли в дрейф, а потом Екатерина съехала на берег для проверки строительства. Далее флот построился в две колонны и начали демонстрировать для Императрицы, которая была в морском мундире примерный бой или сражение. Всё покрылось дымом от холостых выстрелов корабельных пушек. Матросы из ружей стреляли со шканцев и марсов и всё продолжалось в течение 2 часов. Вот тут впервые Екатерина Алексеевна увидела всю мощь своего Балтийского флота и была под большим впечатлением. 21 июля флот вернулся на Ревельский рейд. Кронштадт-

ская эскадра ушла в свою гавань. Императрица на новой яхте «*Екатерина Вторая*» которой командовал капитан-лейтенант Палибин пришла в Петербург прямо к Зимнему Дворцу.

Капитан 1 ранга Николай Иванович Сенявин был освобождён от денежного наказания, оправдан судом и переведён капитаном в галерный флот. В октябре умер **адмирал Андрей Иванович Полянский** (65 лет), который заболел ещё при выходе флота в Балтику. На его место в Ревель был определён вице-адмирал Григорий Андреевич Спиридов.

Наступил **1765 год**. Командиром над Кронштадтской эскадрой был назначен **адмирал Семен Мордвинов** под его управлением было 6 крейсеров. Другой отряд возглавил новоиспечённый **контр-адмирал Фома Маккензи** (отец Томаса Маккензи которому к тому времени всего 25 лет, и он мичман). Эскадра вышла на кронштадтский рейд и «*чистила пушки пальбою*». Адмирал поднял свой флаг на фрегате «*Святой Феодор*». 31 мая прибыла к флоту Императрица на яхте «*Екатерина Вторая*». Эскадра вышла в практическое плавание до Гогланда для обучения молодых офицеров и гардемарин. 4 июня Екатерина на яхте пришла к Красной горке. Эскадра адмирала Мордвинова построилась в 2 линии и крейсировала между Гаривалдаем и Стирсуденом производя пушечную стрельбу холостыми зарядами и показывая Государыни свою выручку. Екатерина Алексеевна и Григорий Орлов в морских мундирах наблюдали за действиями флота. Затем Её Императорское Величие принимала парад «*моряки, стоя на борту, реями и вантами кричали виват по 11 раз, а солдаты, стоя по борту держали ружье на караул; били поход в барабаны и играла музыка*». Императрица поручила Мордвинову продолжить командование и приказала провести бомбардировку построенного на берегу специального городка. После обеда началась бомбардировка строений на пустом острове Нерв «*ядрами, шлагами и каркасами, а из городка была пальба пушечная и ружейная; за тем с адмиральского фрегата бросали бомбы и бранскугели (зажигательные снаряды), вследствие чего городок загорелся и в нем взорвало погреб с порохом*». Удовлетворённая проведёнными учениями Государыня Екатерина Алексеевна отбыла в Петербург.

Контр-адмирал Фома Маккензи прибыл по суку в Соломбальскую верфь куда к этому времени подтянулись корабли и фрегаты его отряда. Он поднял свой флаг на корабле «*Северный Орел*». Весь отряд прошёл к мысу Норд-Кап. 13 августа отряд перешел на копенгагенский рейд. Затем перешли к Готланду, Дагерорду и пришли в Ревель. В этом же году фрегат «*Надежда Благополучия*» под командованием капитана Федора Плещеева пришёл в Ливорно в Средиземное море. Эта был разведывательный поход под прикрытием. Фрегат был без пушек и вёз различные товары на продажу. На нем находились специалисты которые проверяли старые карты и делали корректировки на будущее «*где будут при портах или случится приставать к каким берегам и островам жилым или пустым, сколько возможно стараться ему описывать обстоятельно и сочинять планы, но оное описание делать с осторожностью, чтоб на себя какого подозрения никому не подать; на крепко ж наблюдать при входах в порты положения мест и портов, флюкса и рефлюкса, и возвышение воды где насколько фут бывает, а промеры глубины при какой воде примечать*». После возвращения получены ценные сведения «*корпуса кораблей, направляемых в Средиземное море, необходимо дополнительно обшивать дубовыми досками с прокладкой из овечьей шерсти во избежание повреждения червями*».

В сентябре Императрица приказала отправить в Мальту и Англию морских офицеров: лейтенанта Тимофея Козлянинова, мичманов галерного флота Ивана Селифонтова и Николая Скуратова и подпоручиков Федора Мослова, Матвея Коковцева и Николая Рогозина «*для лучшаго в практике познания*». В конце и начале **1766 года** была проведена реформа по определению старшинства в морских званиях по системе в баллах «*оставя знающим и ревнительным к службе способ себя отличить и избавиться от обид, кои иногда и от одного незапного случая приключиться может... буде кто по известной во многих ревности к службе Её И. В. столь быть достоин, что в два баллотирования досталось ему иметь за себя все баллы достойные при произвождении его рапортовать*». Намного раньше ещё зимой граф Чернышев опублико-

вал записку, в которой высказал предложение Императрицы Екатерины Алексеевны «*всемилоштивейше указать соизволила старшинством считать генерал-казначей **Алексея Наумовича Сенявина** в нынешнем его чине июня с 19 числа 1764 года*». Теперь становится понятно, что он после обучения гардемарин был призван в «*Экспедицию государственных доходов*» и работал там казначеем. Спустя год был назначен главным в финансовой сфере Российской Империи. Закон 1764 года утвердил новые штаты государственных учреждений, служащие которых стали регулярно получать жалованье.

Вместе с новыми окладами и жалованьями классные чиновники впервые получили определенные гарантии своего материального благополучия по окончании службы, а именно – «*право на пенсион по выслуге лет после 35 лет службы*». Это были первые шаги по созданию эффективного государственного аппарата.

Золотой червонец 1763 года. Аверс.

Золотой червонец 1763 года. Реверс.

Выше опубликован «золотой червонец» Императрицы Екатерины (вес 3.47 грамма 928 пробы), который сейчас у нумизматов стоит 380000 рублей. Он тем ценен, что перечекаивался из монет Петра III и является очень редким экземпляром.

Почему-то в истории нашего государства первым Министром финансов назван **Алексей Иванович Васильев**, а не его предшественник Алексей Синявин. Сам Васильев работал в этом ведомстве обер-секретарём и то позже, а руководителем, как мы видим, из документов был **Алексей Наумович Синявин**. В этом же году Васильев исполняет должность «*правителя дел канцелярии генерал-прокурора А.А.Вяземского*». Хотя ведомство и не называлось ещё министерством, но фактически оно выполняет эти функции по наращиванию финансов страны. Великий человек **Александр Алексеевич Вяземский** с 1764 года занимал должность **генерал-прокурора Сената** и проработал в этой должности 29 лет. Васильев поступил в «*Экспедицию*» только семь лет спустя. Вот такой факт я нашел для себя и для моих читателей.

17 апреля Адмиралтейств-коллегия направляет **капитана 1 ранга Николая Ивановича Сенявина** в город Ригу «*капитаном над портом*». Офицера «*который бы все потребныя распоряжения и установления лучше учинить мог*». Императрица Екатерина Алексеевна своей рукой на указе написала «*об определении суммы дожидать указа, а в прочем быть по сему и капитана Николая Сенявина отправить с чином бригадирским*». В июле Екатерина изволила записать гардемаринами сыновей больного адмирала Семена Мордвинова, Александра и Николая Семеновичей.

Империял 1765 года. Аверс.

Империял 1765 года. Реверс.

Далее опубликованы 10 рублей Екатерины или большой «империял» которые отчеканили два года спустя. В нём золота 13.09 граммов 917 пробы и стоимость сегодня ниже червонца и составляет всего 290 000 рублей.

Адмиралтейств-коллегия в начале года вторично отправила капитана 1 ранга **Василия Яковлевича Чичагова** искать Северо-Западный проход к берегам Камчатки. Он вышел из Колы на трех кораблях к берегам Гренландии, но попав в непроходимые льды повернул к Шпицбергену, а затем вернулись в Архангельск. Императрица издала указ *«бывшим в компании и на острове на зимовье под командою флота капитана бригадирского ранга Чичагова, за понесенные ими особливые труды и прилагаемого усердного старания к достижению до повеленного ему предмета, выдать всем годовое их окладное жалование»*. С морской точки зрения обе экспедиции Чичагова были проведены безукоризненно. Три парусных корабля среди льдов, в штормах и туманах все время держались вместе, не теряя один другого из виду. Что же касается маршрута, предложенного Чичагову, то теперь мы твердо знаем, что задача, поставленная ему Ломоносовым, невыполнима. Пройти через Северный Ледовитый океан не только на парусных судах, но даже на современных мощных ледоколах невозможно. Хоть эта экспедиция Чичагова не выполнила поставленных перед ней задач, она внесла значительный вклад в развитие арктического мореплавания. Экспедиция достигла рекордной по тем временам широты к северу от Шпицбергена.

Летом **1767 года** граф Иван Григорьевич Чернышев обсуждал с Екатериной положение дел на Тавровских верфях, на которых ранее строились различные фрегаты и лодки. Она потребовала восстановить эти ангары *«адмиралтейския каменные строения без крыши стоят, а материалы гниют»* и доложить. Из этого приказа ясно что Императрица в своих планах собирается разворачивать строительство на Дону. Суда кронштадтской эскадры в этом году были под управлением вице-адмирала Спиридова, который поднял свой флаг на линкоре *«Трех Иерархов»*. У острова Готланд производилась учебная пушечная стрельба. Затем эскадра пришла в Ревель.

Императрица Екатерина Алексеевна тем временем вместе с Иваном, Владимиром, Григорием Орловыми; Захаром и Иваном Чернышевыми, иностранными министрами и двором совершала путешествие по Волге. До Твери они добрались в 300 каретах, а там пересели на галеры. В составе было 12 галер, 4 больших лодок, 10 полубарок с провиантом и пехотой. Строил эти галеры капитан 2 ранга Петр Иванович Пушин и галерный мастер Щепин. Состав экспедиции был более 1000 человек. В день эта гребная эскадра проходила по 20 верст.

В Рыбной слободе Екатерина с гостями посетили соборную церковь. В Ярославле они пробыли 4 дня. Царица осмотрела различные фабрики *«а теперь собираюсь ехать в разные фабрики, и прежде воскресенья отселе не поеду. Чужестранные министры все здесь в полном удовольствии»*. Конечно, иностранцы явно были удовлетворены таким походом, моряки гребут целыми днями, а они, сидя в креслах пьют, едят и любят Волгой. Так и я когда-то был в речном круизе вместе с семьёй 21 день по Волге и это осталось в памяти на всю жизнь. Здесь был устроен бал, где Екатерина была *«одета в русском ярославском платье и кокошнике»* и вечером прогремел грандиозный фейерверк. Эта компания 15 мая прибыла в Ипатьевский монастырь колыбели бояр Романовых. Здесь на пристани её встречали генерал-майор Бибииков, епископ Костромской Дамаскин, а также местное духовенство, дворянство и купечество. Узнав что город не имеет герба приказала такой изготовить *«как Её Императорское Величество в нынешнем 1767 году во время Высочайшего своего, для утверждения благополучия нашего, от Твери до Казани по реке Волге на построенной нарочно для того галере, предпринятого путешествия, между прочими городами, по реке Волге лежащими, и город Кострому Высочайшего своего присутствия и посещения Всемилостливейше удостоить соизволила: того для, в память сего по реке Волге путешествия, и представляется в сем гербе, в голубом поле галера под Императорским штандартом, на гребле плывущая по реке, натуральными цветами в подошве щита изображенной»*. Хотя это не правда у города был герб *«медведь, стоящий на задних ногах с протазаном»*, но местные руководители так подыграли Екатерине. 20 мая дошли до Нижнего Новгорода, а 25 до Чебоксар. Далее все остановились на 4 дня в Казани. Екатерина II участвовала в шествии в соборную церковь, где слушала божественную литургию и большую вечернюю. После приема дворянства она на таратайках отправилась на Арское поле, где проходило народное гулянье.

Екатерина в Казани. Художник К.Ю Горбунов.

Затем они посетили Богородицкий монастырь, где слушали обедню и прикладывались к Казанской иконе Божьей Матери, украсив ее и образ Спасителя бриллиантовыми коронами. Вот как она писала Панину: *«Мы вчера к вечеру сюда приехали и нашли город, который всячески может слить столицейу большого царства. Прием мне отменной, нам отменно он кажется; кои четвертую неделю видим везде ровную радость, а здесь еще отличнее. Если б дозволили, они бы себя вместо ковра постлали... Я живу здесь в купеческом каменном доме, девять покоев анфиладою, все шелком обитые; кресла и канапеи вызолоченныя; везде трюмо и мраморные столы над ними*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.